

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 7 (118)

июль, 2026

Содержание журнала для лиц
18+
старше
18 лет
Содержание журнала для лиц

СЛОВО РЕДАКТОРА

ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ И УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

С огромным удовольствием поздравляем вас с выходом нашего летнего номера литературно-исторического журнала «Александръ».

Этот июльский «Александръ» наполнен яркими произведениями, вдохновляющими историями и актуальными темами, которые отражают дух лета и дарят вам заряд положительных эмоций. Мы традиционно постарались сделать его особенным, чтобы каждый, кто возьмёт его в руки, почувствовал тепло и радость этого времени года.

Пусть летний «Александръ» станет для вас источником вдохновения, новых открытий и приятных моментов. Мы благодарим вас за поддержку и доверие и обещаем продолжать радовать вас качественными материалами и интересной информацией.

Желаем вам увлекательного чтения, незабываемых впечатлений и ярких летних дней!

С наилучшими пожеланиями,

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Нам с вами выпало жить в очень непростое, но необыкновенно интересное время, когда мы можем не только наблюдать происходящие изменения, но и быть их участниками, и я уверена, что и от нас с вами зависит, каким будет завтрашний день, чем он будет наполнен и как отзовется в памяти наших детей.

Очень важно оставлять за собой яркий и красивый след. Мой смысл и призвание – дать художникам, ушедшим от нас и ныне живущим, возможность высказаться, показать через время своё творчество, моменты жизни, вспышки их душ, то, что наполняло, вдохновляло и заставляло взять в руки кисть и прикоснуться к холсту.

Творчество не знает слова «смерть», художник жив, пока его творение вызывает живой интерес.

20 марта 2026 года в Москве на Кутузовском проспекте, 26/3, наш Фонд сохранения исторического культурного наследия и антикварно-художественная галерея «Стикс», основателем которых я являюсь, открыли новую галерею, где вашему вниманию представлен крымский художник-шестидесятник Сергей Иванович Бакаев.

Человек удивительной судьбы, прошедший всю войну, плен, ранения, партизанское движение, выживший там, где выжить было невозможно, сохранивший в себе детскую чистоту и радость.

Очень хочется поделиться с вами этой красотой, солнцем, морем, буйством цвета – торжеством жизни!

**Натэлла ШЕРЕМЕТЕВА,
Фонд сохранения исторического культурного наследия,
антикварно-художественная галерея «Стикс»,
Санкт-Петербург, Ялта, Москва**

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), ответственный секретарь Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), секретарь Союза писателей России;

Н. А. МАКАРОВ (Тула), член Союза писателей России, майор медицинской службы в отставке;

И. И. ВОЛКОВ (Мичуринск), председатель правления Мичуринского отделения Российского союза ветеранов Афганистана;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), член правления Союза писателей России, председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 7 (118), июль 2026 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.07.2026 г.

Тираж 1000 экз.

Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

На обложке: Сергей Бакаев. Поморский посёлок, картон, гуашь. 1986 г.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии «СТРОКИ», г. Воронеж

Тел. 8 (980) 542-01-78, <https://stroki.ru/>

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, предоставленные авторами, находящиеся в интернете в свободном доступе.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

- 6 Анатолий Трофимов.
Верхняя полка
12 Светлана Тюреева.
Байкальская рыбалка
17 Игорь Бézрук.
На пруду

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 22 Станислав Черняк.
«В конверте тайна завтрашнего дня...»
25 Юрий Пчелинцев.
«А на ладони линии сомкнулись...»
28 Елена Осминкина
30 Сергей Ипатов.
Превратности любви

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

- 32 Элеонора Щеглова.
Умножающий красоту

РУССКАЯ ДУША

- 37 Виктор Усов.
Сказ про «людей, обретших хобби»

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 44 Ирина Шлионская
47 Сергей Шилкин
50 Сергей Корытин

СВОИ

- 53 Игорь Донской.
Гвардии зэка
55 Рыжка

- 58 Яков Шафран.
Всё побеждает любовь

АРМЕЙСКИЕ БУДНИ

- 62 Евгений Кузнецов.
Охота на лис

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

- 66 Наталья Золотых.
Две страницы про войну

ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА

- 69 Екатерина Медведева.
Святитель двух континентов:
как любовь Иоанна Шанхайского
соединяет небесное и земное

ПОДВИЖНИКИ

- 72 Александр Ралот.
Городской голова Анапы

ЖИТЕЙСКОЕ

- 77 Анастасия Мартюшева.
Два одиночества

ИЗ ДЕТСТВА

- 79 Анатолий Арестов.
Зелёный питомец
80 Две головы – хорошо, но три...
81 Белый кролик
83 Дмитрий Игнатов.
Похитители пуговиц,
или Приключения Данилы
в Изнаночной стране

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 95 Пленэр в Звёздном городке

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВЛАДЕ-ЕЛЕНЕ ТРОФИМОВОЙ

Анатолий ТРОФИМОВ

«Мой малыш, моя радость, мой котёночек», – губы Майи Васильевны Тучиной сжались в тонкую линию. Она отвела униженный и обречённый взгляд от экрана и переключила канал. «Европейская часть России готовится к температурным рекордам, с каждым днём всё жарче, столбик термометра может подняться до сорока градусов...» «Симптомы простатита и аденомы не должны вас отвлекать...» Тучина выключила телевизор и положила на журнальный столик веер-плие, сделанный из дерева и красной шёлковой ткани, дорогой подарок брата. Затем встала, чтобы пойти за вентилятором, но предметы закружились вокруг: встроенный шкаф мчался за комодом, от которого уносились плазменная панель, авторские картины застыли разноцветным месивом, и только кресло с мягкой подушкой на спинке никуда не спешило, приглашая переждать головокружение.

– Нужно померить сахар, – сказала вслух Майя Васильевна, взяв глюкометр, лежавший на столе. В жаркую погоду действие препаратов снижалось, поэтому результаты были плохими. Открыв складной чемодан-холодильник, в котором хранились лекарства, Тучина сделала

инъекцию инсулина, поднялась со своей мягкой «кафедры» и отправилась в другой конец комнаты.

Её одутловатые тяжёлые ноги, опутанные сетью тёмных вен, отмеряли короткие шаркающие шаги по скрипучему деревянному полу. Чёрные волосы, мокрые от пота, прилипли ко лбу, напоминая тёмные водоросли, зацепившиеся за крючок невезучего рыбака.

Напольный вентилятор стоял в шкафу – подарок мужа на серебряную годовщину свадьбы. Майя Васильевна втайне рассчитывала получить украшение или хотя бы массажёр для ног, о котором столько говорила накануне праздника, а тут хозяйственная вещь... Обидно! В отместку на свой юбилей супруг получил коридорный коврик, купленный в супермаркете со скидкой. Тучина с актёрской выдержкой расхваливала половик: дескать, санкционная роскошь, дизайнерский эксклюзив, но главное не это, а риск, на который она пошла, чтобы его получить! Сейчас было смешно это вспоминать, смешно и грустно, потому что Олег снова подписал контракт и ушёл в плавание на полгода. «У каких берегов ты сейчас? Проплавал всю жизнь, вечно далёкий... Олежка!» – думала Майя Васильевна, бережно доставая

из шкафа подарок, словно грудного младенца из колыбели.

В этот момент в коридоре зазвонил городской телефон. Майя Васильевна, тяжело дыша, вышла из комнаты, чтобы ответить на звонок.

– Алло, Майя! Майя, это ты? – кричала Елизавета Богдановна, жена родного и единственного брата Тучиной. – Виталик попал в аварию, сейчас он в реанимации. Врачи говорят, шансов мало, многочисленные переломы – уснул за рулём... – заплакала на последней фразе невестка.

Майя Васильевна, потеряв равновесие, схватилась одной рукой за стену, а второй на мгновение прикрыла открытый пересохший рот.

– Какие... Как? Переломы, шансы... Сделать... Что я могу сделать? Сейчас переведу тебе деньги... И... приеду первым рейсом! Куда же ты смотрела, Лиза? Э-это твоя вина!

– Да как ты смеешь меня обвинять? Впрочем, ладно... Красиво чавкать тебе не запретишь! Деньги оставь себе, справимся сами! – сорвалась на крик Елизавета Богдановна и бросила трубку.

Отношения двух женщин за многолетнее знакомство отличались взаимной нетерпимостью. Семья Тучиных проживала в Воронеже: отец – помощник прокурора, мать – кандидат медицинских наук. С детства родители пытались привить Майе и Виталику привязанность к тому, что любили сами: к книгам, искусству и хорошему обществу. В их доме часто гостили известные художники и музыканты. Майя Васильевна продолжила дело отца, поступив на юридический факультет Воронежского государственного университета, который окончила с отличием. Преподавала и училась в аспирантуре, писала диссертацию, но, не успев её защитить, вышла замуж. Олег работал помощником капитана, его судно ходило в Турцию, Прибалтику и даже в Южную Африку, зарубежные рейсы хорошо оплачивались. Почти сразу после свадьбы молодожёны переехали из Воронежа в Подмосковье, но здоровье Тучиной быстро ухудшалось, не позволив иметь детей и продолжить карьеру.

Главной надеждой семьи стал Витасик, он был поздним ребёнком и, наверное, поэтому самым любимым на свете. Майе исполнилось одиннадцать лет, когда у неё появился брат. В школьные годы мальчику больше всего нравилась математика, он побеждал в областных и всероссийских олимпиадах, за что получал губернаторскую стипендию. В университет поступил на бюджетное место, сдав на отлично все экзамены. Но после знакомства с Лизой на последнем курсе бросил учиться и стал работать дальнбойщиком, чтобы прокормить семью. Родители старались помочь любимому сыну, купив на свои сбережения небольшой грузовик. В частных разговорах они поддерживали дочь, дескать, согласны... Простушка! Но зато красивая, здоровая, работающая. Хабалистая, конечно, не обращай внимания, мы тоже с ней не особенно близки!

Но при личных свиданиях или принимая Елизавету Богдановну дома отец и мать начинали чирикать и слагать ванильные оды невестке, в отличие от Тучиной, которая считала, что мещанское влияние Лизы не просто погубило жизнь брата, а затащило родную кровь в гадость торгашеской сволочи.

На свадьбе Виталика Майя Васильевна предположила, что платье невесты, уже беременной вторым ребёнком, куплено в соседнем отделе универмага, где Лиза работает и, вероятно, прибирается... В ответ был пассаж, что больной и бездетной содержанке свойственно гадать и заниматься конспирологией. Брат делал вид, что не слышит этой пикировки, упёрся взглядом в белоснежную тарелку, сжимая до истерической дрожи приборы в руках. Он не стал вмешиваться в конфликт, но отношения с сестрой потеряли доверительную нежность.

...Несмотря на разногласия с невесткой, Майя Васильевна решила, что только ей решать, что делать со своими деньгами, когда жизнь родного человека в опасности, а спесь она ещё припомнит этой торгашке! Но мобильная сеть не работала, перевести деньги и купить билеты Тучина не могла, проклиная себя за то, что не провела в квартире домашний интернет.

Вызвав такси по тому же городскому телефону, Майя Васильевна сначала поехала в отделение банка, чтобы отправить деньги невестке на лечение брата, а потом в железнодорожную кассу. Летать на самолёте она боялась, да и врачи не советовали.

Работница билетного офиса, молодая женщина с выражением лица как у рыбы-капли, с заученной вежливостью напомнила Тучиной, что это южное направление и сейчас отпускной сезон, все билеты были распроданы ещё полгода назад, что она искренне сожалеет, но сделать ничего, совсем ничего не может! Майя Васильевна ругалась, показывала удостоверение инвалида, грозила прокурорской проверкой и судебными исками, но сотрудница делала известное выражение лица и разводила руками. Впрочем, после приглашения заведующего кассой место нашлось, какой-то пассажир утром сдал свой билет на завтрашний поезд как раз до Воронежа, это была верхняя полка в плацкартном вагоне. Расплатившись и получив заветный проездной, Тучина поспешила к выходу.

На улице стало ещё жарче, один из таксистов, стоявших в кружке знакомых, что-то громко рассказывал, а потом схватил у соседа кепку и сделал с ней реверанс. Товарищи хохотали, кто-то захлопал в ладоши, пока самый хмурый из них обливал себе голову водой, чтобы освежиться. К этому водителю Майя Васильевна и села в машину. Кондиционер в старенькой иномарке не работал, хотелось в туалет, на коже рук из-за пота появилась мелкая красная сыпь. От жары мучились и городские животные, собаки и кошки искали приют в прохладной тени, а птицы, словно задыхаясь, сновали с открытым клювом в поисках лужи.

Домой Тучина приехала только вечером, тут неожиданно запиликал смартфон, давая понять, что интернет появился. Майя Васильевна сразу попыталась связаться с невесткой, но гудков не было. «Теперь у них сеть отключили из-за этих беспилотников!» – подумала Майя Васильевна, но по городскому звонить не стала, поспешив сначала в туалет, а потом к аптечке.

– У нас как в аптеке! Мужская и женская одежда лучших европейских брендов с фанта-

стической скидкой для вас и ваших близких, не упустите свой шанс, успеете зайти в последний вагон! – кричал в мегафон промоутер, завлекая посетителей в захолустный ларёк. В этот момент Майя Васильевна усаживалась в такси до Казанского вокзала.

Погода стояла жаркая, без малейшего движения воздуха, мобильный интернет не работал, зато в машине было прохладно, и дорога оказалась недолгой. Проволочек с посадкой не случилось, проводник проверил билет и документы, а после ловко поднял небольшой чемодан Тучиной в устаревший вагон.

Проходя плацкартные отделения, Майя Васильевна видела, что не все пассажиры заняли свои места, пахло потом, заварной лапшой и беляшами из привокзальных закусных. Она положила свой небольшой саквояж в рундук, повернулась к окну, желая открыть форточку, но это оказался аварийный выход с цельным стеклом.

Люди спешили, по перрону стучали колёсики бесчисленных поклаж, их заглушал плач маленькой девочки, которая с матерью провожала отца в военной форме. В вагоне кто-то шёл за кипятком, другие начинали занимать очередь в туалет, двери тамбура постоянно хлопали, кругом шуршали полиэтиленовые пакеты, жужжали и зыкали застёжки чемоданов, щёлкали крышки алюминиевых банок с напитками. Майя Васильевна села на свободное место и облокотилась о стенку. Спасаясь от жары, она обдувала себя складным веером, который взяла из дома.

Верхнюю полку по соседству с Тучиной занял парень с клочковатой бородой и маленькими, словно у медведя, каштановыми глазами. Он шустро поднялся на верхний пролёт, багаж положил выше, расстелил матрас, взбил подушку, надел наушники и начал что-то смотреть в своём телефоне.

Пассажиры заполняли вагон, свои боковые места начали занимать тучная цыганка в тёмном платье и синем платке и девочка-подросток, вероятно, родственница. С трудом разместив огромные клетчатые сумки, попутчицы сели на свои боковушки и начали о чём-то оживлённо беседовать.

Поезд тронулся в девятом часу вечера, но на нижних полках никого не оказалось, чему Майя Васильевна была очень рада.

На станции Рязань, через два часа после отправления, в вагон зашли двое, шагая в сторону отделения, где ехала Майя Васильевна. Плечистый и широкогрудый мужчина в сдвинутой на затылок бейсболке, расстёгнутойлетней рубашке и шортах бросил сумку-бананку на своё спальное место. В момент, когда пассажир закатывал чемодан под откидной столик, Майя Васильевна обратила внимание на его руки, имевшие не отмывающийся чёрный налёт, пахло от него чем-то металлическим, трубным, маслянистым. Следом шла женщина с тем же лёгким вывертом, какой был и у Лизы. Незнакомка переживала второе дыхание молодости, её фигура напоминала грушу, а жёлтое от многолетнего курения, но красивое лицо казалось угрюмым.

– Давай свой прицеп, – обратился крепкий пассажир к своей спутнице, а после посмотрел на Майю Васильевну.

Тучина сразу встала с чужого места.

– Благодарствую! – грудным голосом произнёс путешественник в шортах, открывая полку. На вид ему было не больше сорока лет. – Вы свой чемодан в мой багажник поставили? У вас же есть своя полка!

– Есть же полка, туда и кладите! – подключилась к разговору желтолицая особа.

– Я не дотянусь до неё, помогите, пожалуйста.

– То-то! Ладно уж... Пусть лежит ваш кузовок, – смягчился пассажир в бейсболке и, разместив чемоданы, уселся к окну. Через пару минут он потребовал у спутницы передать ему чёрный пакет, в котором оказались литровая бутылка водки, непочатые пивные баклажки, хлеб, докторская колбаса, яйца, сваренные вкрутую, и бутерброды с рыбными котлетами. Разложив всё это на столе, туристы выпили и закусили. Вскоре грушевая дама вышла в туалет, что впоследствии делала часто, возвращаясь со шлейфом невыносимого аромата табачной смолы.

– Ну чо, зай, давай ещё по одной? – предложил кавалер. Подруга согласилась. Выпи-

ли. Раскрасневшийся и удобно устроившийся «джентльмен» в шортах посмотрел сначала на спиртное, а потом на Майю Васильевну.

– Заправить бак не желаете? А чо?! Время скоротать! Я пять лет из-под машин не вылезал, мне масло в глаза попадало! На море едем, хочется, чтобы всё чин-чинарём было! Ну? Махнём?

– Он пять лет из-под машин не вылезал! – подтвердила соседка.

– Спасибо большое, мне нельзя алкоголь, но раз такое дело... – запнулась Тучина, готовая на всё, лишь бы только не лезть на проклятую верхнюю полку, надеясь переночевать сидя на краешке, на самом прикроватном отшибе.

– Вот это по-нашему! Заяц, разливай!

Получив пластиковый стакан с водкой, Майя Васильевна сделала маленький глоток, после чего раскашлялась. Несмотря на вечернее время, в поезде было жарко, кондиционер не работал. Тучина решила перед сном померить сахар, почистить зубы и принять лекарства. Поблагодарив за угощение, Майя Васильевна отправилась занимать очередь в туалет.

Вернувшись к своим спутникам примерно через полчаса, Тучина увидела, что нижние полки застелены, а довольные, раскрасневшиеся от духоты и алкоголя пассажиры продолжают своё застолье полулёжа, закинув на край спального места одежду и полотенца. Майя Васильевна всё поняла... Она решила попросить разрешения остаться на нижней полке, никому не мешая, и даже думала предложить деньги...

– Простите меня! – обратилась Тучина к хмельной парочке, опустив голову. – Можно мне посидеть у вас с краю, я никому мешать не буду?

Лицо дамы снова стало угрюмым, она посмотрела на суженого, дожидаясь решения.

– Посидеть? А ты не насиделась за день? Я отдохнуть хочу, я пять лет из-под машин не вылезал, пять лет отпуска ждал! За год билеты покупал, чтобы лежать, поджав хвост?

– Ему масло в глаза попадало! – закричала спутница, разбудив бородатого парня в наушниках.

– Я не залезу туда со своим весом, сжальтесь, у меня брат умирает, я инвалид! – сорвалась на плач Майя Васильевна.

– Зна-а-ем мы вашего брата! А залезть я тебе помогу! – попутчик вытянул правую руку к верхней полке, чем-то напомним супермена.

– Он сейчас вам поможет! Мы за год билеты брали! – добавила желтолицая дама, неприятно хихикая.

– Не надо мне помогать! – проревела Майя Васильевна, направляясь за помощью к проводнику. Тот оказался в своём купе: это был молодой человек, едва разменявший третий десяток, в брюках цвета капучино, летней рубашке с притачным поясом на резинке и с растёгнутым галстуком-самовязом, висевшим на фирменной заколке.

Увидев Майю Васильевну, работник отложил ноутбук, в котором что-то печатал, и встал с места. Сотрудник оказался невысокого роста, но жилистым, с большой головой и строгим лицом, которое украшали закрученные пшеничные усики, снова вошедшие в моду.

– Пожалуйста, помогите, прошу вас! – дрожала Майя Васильевна, обливаясь потом.

– Вам плохо? Что случилось? Успокойтесь, – проводник налил стакан воды и протянул его пассажирке.

Майя Васильевна сделала несколько глотков и продолжила:

– Мой брат попал в аварию, он в тяжёлом состоянии, и в любую минуту... Билет был только на верхнюю полку... Мне не забраться туда, поймите! С моим-то весом... Я инвалид! Сосед снизу орал на меня, не разрешил пересидеть! М-мне только эту ночь... – запнулась Майя Васильевна и заплакала.

– Свободных нижних мест нет ни в одном вагоне, сейчас отпускной сезон... – озадачился сотрудник и предложил пройти к неуступчивому вояжёру.

В вагоне царил кофейный полумрак, поезд умотал, усыпил пассажиров, самые стойкие теряли надежду поймать сеть на своих гаджетах, смотрели в окно, о чём-то думая, и засыпали. Но только не желтолицая дама, хлопнувшая дверью прокуренного туалета. Её маршрут по узкому коридору, в котором она петляла, оставалась и кружилась, напоминал тамбурный шов.

К моменту появления проводника вместе с Тучиной любительница перекуров уже была на своём месте, сдобная цыганка громко храпела, а её спящая родственница, лежавшая выше, повернулась и накрылась пододеяльником, но так, чтобы всех видеть.

Всё видел и работник поезда: залитый стол, в лужах которого раскисали куски хлеба, надкусанную котлету на полу в компании с порожними пивными тарами, разбитое яйцо, медленно катившееся в сторону гостя.

– На вас поступают жалобы за курение и распитие спиртных напитков, эта женщина просила у вас разрешения сидеть на нижней полке, она инвалид. Двигайтесь! – брезгливо потребовал сотрудник с дрожью в голосе.

От этих слов с господином в бейсболке произошло то же, что происходит, когда топливная смесь попадает в цилиндр двигателя и поджигается свечами зажигания:

– Слышь ты, шкалик! Я пять лет из-под машин не вылазил, отпуска ждал и дождался! Тебе показать мой билет? Тебе эту жирную гниду жалко, а людей нет? – кричал пассажир, красные глаза которого начали вылезать из орбит.

– Ему масло в глаза попадало, мы сейчас билеты покажем, смотри! Нет, ты смотри-и! Пусть лезет на свою верхнюю полку! Мы с ней по-доброму, а она...

– Перестаньте! – перебил женщину проводник.

– Нет, это ты перестань... Выродок! Давай-давай, иди! Мусор лучше убери в сортире и шалашовку свою прихвати, – дебоширил неистравимый мужчина.

– Хорошо-хорошо! Успокойтесь... Мы сейчас уйдём! Пойдёмте со мной, – сказал проводник Майе Васильевне. Дойдя до своего купе, сотрудник предложил посидеть в нём, пока он посмотрит, есть ли другие места, и посоветуется с начальством, как поступить.

Майя Васильевна осталась одна. Вся мокрая от жары, она первым делом попыталась открыть форточку, но у неё не получилось. Был уже первый час ночи, поезд на большой скорости дёргался, сотрясался, гремел. За окном ярко серебрился месяц, проносились фонарные

столбы пульсирующей линией света, заросший кустарником полустанок, липовая роща во всей своей силе цвета. Дикая русская древность, застывшая в панораме бескрайних лесов, сменялась далёкими огнями посёлков.

Тучина бодрилась, стараясь не уснуть, шум колёсных пар стучал всё тише, свет за окном пропадал и заново вспыхивал. Опять стало светло, потому что проехали город, в городе много птиц, они летели наперегонки, толкаясь и мешая друг другу. Внезапно одна из них вырвалась вперёд и, засмотревшись на отставшего соперника, разбилась о лобовое стекло. Майя Васильевна вздрогнула, прижавшись к сиденью. Виталик остановил свой грузовик и вышел на улицу, он не пытался помочь мёртвому существу, а шёл в глубь холмистой степи. Потом обернулся, посмотрев на Майю, сидевшую в душной кабине, и, чтобы успокоить сестру, начал махать руками, смеяться, звать к себе. Он был тем же беспечным студентом, который только что сдал сессию. Майя Васильевна смеялась, выходя из машины. Витасик шутил, дурачился, тянул за собой всё дальше в бурю от зноя траву мимо вечных степных холмов. На палящем солнце у Тучиной закружилась голова, она остановилась и достала из сумочки веер, но, не успев его раскрыть, уронила, вещь ударилась штифтом о камень и разлетелась на части. Виталик остановился и озадаченно посмотрел на предмет, а потом уже без шуток и хохмачества сказал:

– Пожалуйста, собери! А я почию...

Майя Васильевна начала подбирать пластины и спицы. Когда все детали были у неё в руках, Тучина оглянулась, но Витасик куда-то пропал...

– Вы не имеете права, я пять лет из-под машин не вылезал! – слышался крик возле дороги.

– Куда вы нас ведёте? Отпустите!

Майя Васильевна посмотрела в сторону, откуда слышался крик, но там никого не было. Потом на свой веер – он был цел, словно и не ломался, таким же новым, как в тот день, когда его подарил Виталик. «Это было дома... Да-да, на мой день рождения... Дома!»

– Домашние пирожки, готовые обеды, домашние обеды, закуски: девочки, мальчики, покупаем! – кричала привокзальная продавщица, стоя около открытого тамбура.

Майя Васильевна проснулась от этого шума. В этот момент в дверях купе появился усатый проводник с отварной картошкой и котлетами в пластиковом контейнере.

– Ну как вы? – И, не дождавшись ответа, добавил: – Можете идти на своё место, там стало свободнее...

– Я, похоже, уснула, спасибо вам огромное, как мне вас отблагодарить?

– Идите скорей, у меня сейчас пересменка.

Майя Васильевна шаркающим шагом направилась в своё отделение. Её верхняя полка пустовала, как и одна нижняя, на второй сидел тот самый кареглазый парень, молодая цыганка нежно трогала его ладонь и что-то тихо говорила, наклонившись головой к его уху. Разбитое яйцо на полу всё так же перекатывалось, но в этот раз от пустой баклажки к потерянной котлете.

Тучина догадалась, что пьяную парочку высадили, но спрашивать у попутчиков ничего не стала, усевшись поближе к окну. В этот момент Майе Васильевне пришло сообщение на телефон от Елизаветы Богдановны: «Витя этой ночью скончался. Прости меня, Майя, за всё... Поводов для ссор у нас больше не будет... Напиши, когда приедешь, мы тебя встретим».

Тучина оперлась локтями о стол и положила голову на руки, она дрожала и вздрагивала, трясая затылком, словно поняла или упустила что-то очень важное...

Майя Васильевна проведёт с невесткой целый месяц, будут заниматься похоронами и продажей грузовика брата. Она сильно привяжется к племянникам, которых не так часто видела. Осенью мальчики приедут к ней в гости, и многое для них будет впервые: Москва, теплоход с его видами, где угощали шоколадным фондю, цирк на Цветном бульваре и Красная площадь... Но всё это будет потом, а сейчас по крыше поезда молотил сильный дождь, из открытого окна боковушки дул свежий, прохладный ветер, прощая, обволакивая и что-то навсегда унося.

БАЙКАЛЬСКАЯ РЫБАЛКА

Светлана ТЮРЯЕВА

Меня сложно отнести к любителям рыбной ловли, но побывать на настоящей рыбалке с ночёвкой на природе и ухой, сваренной на костре, всегда хотелось. Дедушка мой рыбачить любил и даже как-то взял нас, двух внучек, с собой на рыбалку. Но вопрос с моим дальнейшим участием в этом деле закрылся сразу. Неугомонному дошколёнку было невтерпёж долго сидеть без движения и молчать. Как позднее объяснял свой отказ дедушка, я распугивала ему всю рыбу. Но по удочке нам с сестрой он всё-таки подарил.

С тех пор, если возникали желания поиграть «в рыбалку», то – вот тебе, пожалуйста, пруд напротив дома. А в семи-восьмилетнем возрасте у меня неплохо получалось перед друзьями изображать рыбачку. Я умела и прицепить к крючку комочек хлебushка, и забросить удочку. Но вот дожидаться, пока клюнет, терпения не хватало. Не моё это было, не моё... А саму рыбку я любила, особенно жареных пещарей. И легко могла их в свежем виде отличить от плотвички или карасика.

Удочка моя долежалась до сына, потом и до внуки. Последняя ради забавы запускала мелких рыбёшек в наш небольшой прудик на территории дома. Оба, так же как и я, поигрались «в рыбалку», и на этом всё. После дедушки рыбаков в нашей семье не осталось. А вот на выездную рыбалку попасть я всё же мечтала. И наконец, когда мне перевалило за пятьдесят, выпал случай, да ещё какой! Рыбалка на Байкале!

Так получилось, что мой день рождения пришёлся на период командировки в Северобайкальск. Запуск производства предполагал работу в вечернее и ночное время. Целую неделю мои рабочие смены, с учётом дороги до пекарни и обратно, длились по шестнадцать часов. И к выходным я окончательно перепутала день с ночью. Ложилась в одиннадцать утра, вставала в четыре дня, обедала и уезжала на работу. Жизнь – в полусонном состоянии. Обидно, если и день рождения пройдёт так же...

Куратором наших пусконаладочных работ был старинный друг владельца предприятия, его главный помощник и советник во всех делах Виктор Михайлович. Житель Санкт-Петербурга, он тоже приезжал на этот объект в длительные командировки. Первую нашу встречу я ожидала с настороженными чувствами. Уж слишком много слов о резкости характера этого человека довелось услышать мне от работников цеха. Но время шло, наши отношения приобретали дружеский оттенок, и вскоре Виктор Михайлович стал для меня просто Михалычем! А узнав о том, что он заядлый рыбак и все свои выходные проводит на Байкале, я не преминула рассказать ему о своей давней мечте.

Август в тот год для байкальской природы выдался непривычно жарким. Горела тайга. В воздухе пахло гарью. Дымовая завеса не хуже тумана скрывала городские постройки, размывая для глаз их очертания. Солнце виделось оран-

жевым, мир вокруг – в жёлтых оттенках, словно сквозь цветные стёкла очков. И всё это усилилось к моим выходным, ко дню рождения. По городу не прогуляться – отсыпайся за всю неделю в номере гостиницы, не открывая окон. Обидно.

Но спать пришлось недолго. Часа в два пополудни позвонил Виктор Михайлович: «Собирайся, едем на рыбалку». Пропустить такое ради желания выспаться? Да ни за что! Забыв про сон, я наскоро собралась. Натянула светлые джинсы, футболку и кардиган (остальное было в стирке), прихватила из чемодана одежду, что брала для поезда, обулась в босоножки и – в путь. Взглянув на мой наряд, Виктор неодобрительно покачал головой, но дал знак садиться в машину. Мы отправились в Нижнеангарск. Мы – это я, Михалыч, наладчик Володя – мой партнёр по пусконаладке – и друг Виктора Михайловича – главный организатор поездки.

Всё время пути я тщетно пыталась рассмотреть через окно машины природу – мешала дымовая завеса – и мысленно, под воспоминания нового знакомого о годах его работы в байкальском заповеднике, рисовала себе место рыбалки. Но берег, куда нас доставила машина, никак не соответствовал моим представлениям. Слева проглядывались высокие, поросшие хвойным лесом сопки, справа – мелководье, и ничего похожего на пристанище рыбаков. Разве что две моторные лодки, стоявшие у берега, и несколько человек в непромокаемых куртках и высоких сапогах (болотниках) напоминали о цели нашей поездки. «Либо приплыли, либо собрались отплывать», – рассуждала я, пока не услышала команду «грузимся». И тут окончательно стала понятна вся нелепость моего внешнего вида. В почти белых штанах да на каблуках забраться в моторку с берега, не испачкавшись и не промокнув, оказалось непросто. Все мужчины нашей компании – в камуфляжных костюмах, сапогах, куртках. Одна я белая ворона! Хорошо, что в лодке нашлась куртка хозяина. Уже через пять минут пути мне было не важно, чистая она или нет. Лишь бы согреться.

Туманная завеса совсем размыла линию горизонта. Небо слилось с водной гладью в единое серое пространство. Создалось ощущение

мрачной бесконечности, наполненной плеском воды и шумом мотора. Желтовато-оранжевым пятном сквозь окружающую серость просматривалось солнце. Зависшие вдали крупные тёмные точки, приближаясь, превращались в рыбацкие лодки. А мои мысли были заняты одним: где оно, место рыбалки, и когда же мы до него доберёмся?

Как мне объяснили во время пути, рыбалка в этих краях проходит на узких островах, разделяющих само озеро и мелководный залив – сор (с берега которого нас забрали моторки). Таких островков несколько, и самый большой из них – Ярки. Но мы направляемся на тот, где ещё в советские времена рыбачили гости заповедника. Слово «сор» – нижнеангарское оно или какое другое – у меня ассоциировалось только с мусором. Трудно принять его за название природного водоёма. Фраза «сорная рыба» звучит так, как будто речь о чём-то бросовом, хотя разговор шёл о щуках. Я не стала грузить всех своими домыслами, тем более что шум мотора предполагал только крик, а с любопытством, набравшись терпения, молча продолжила путь.

* * *

Прибыли. На берегу в туманной дымке просматривались три силуэта – молодая семья с подростком освобождала для нас рыбацкое пристанище. Узкая тропинка к небольшой деревянной избушке с крытой верандой, метрах в пяти от неё – казан-мангал, рядом небольшой складной столик – вот всё, что я успела рассмотреть поначалу. В избушке – кирпичная печь с плитой, кухонная утварь, два топчана разного размера, в каморке за печкой – ещё один (для меня), стол, лавка в длину стола и даже освещение в виде «лампочки Ильича».

Не успели мы разместиться, как мужская часть команды собралась рыбачить, поручив мне ужин – мясную похлёбку. Они разожгли в мангале огонь и отплыли, а я, переодевшись, принялась за хозяйство. Поставила греть чайник с байкальской водой, ведро для варки похлебки, начистила овощи и уселась рядом с мангалом на складной стульчик, чтоб в сво-

бодное от готовки время, в полудрёме, прислушиваться к звукам природы. Всплески воды, шум крыльев, редкие крики птиц... Но сидеть так одной, в тумане, на пустынном островке среди бескрайних вод, мне стало жутковато. Ни зги же не видно! Лишь шум мотора оповестит о приближении лодки. А кто в ней – свои или чужие – увидишь только ближе к дому.

Но одиночество моё длилось недолго. Едва успела закинуть в бульон овощи, как послышался нарастающий звук мотора. Я замерла, с волнением вглядываясь в туман, а в сторону дома молча двигались четыре фигуры. «Михалыч! – вздохнула с облегчением, – слава богу, свои!» Замыкающим шёл хозяин моторки, который, отужинав, распрощался с нами до следующего дня.

Совместный улов – пять щук сантиметров под сорок каждая – был оставлен на террасе, в тазу с водой. А одну, что поменьше, лично для меня решили зажарить. Только вот долго рассиживаться за уличным столиком, увы, не пришлось – крупные капли дождя прогнали нас в дом. А через короткое время хлынул ливень. Да такой, что на окнах штор не надо – сплошная водяная завеса. В печи трещали поленья, уюта добавлял слабый, но тёплый свет «лампочки Ильича». Закопчённый чайник с разносортными бокалами венчал большой деревянный стол. И три заядлых рыбака травили свои байки на сон грядущий.

* * *

Утром нового дня – дня моего рождения – я поднялась рано, часов в шесть. Разбудило солнце, усердно припекавшее мне лицо. Наше маленькое жилище в утреннем свете показалось ещё уютнее. Стараясь никого не разбудить, я осторожно вышла к уличному рукомоюнику – освежиться и получше осмотреться. Вчерашний затяжной ливень до хрустального блеска отмыл небеса. Туман сошёл, полностью растворился в водах сора и Байкала. По обеим сторонам островка перламутром играла вода, сгустив у горизонта самые яркие блики. Мир в голубом! Чист, свеж, полон новизны! Он сулит мне в копилку воспоминаний много-много радостных минут.

Нашим пристанищем оказалась полоса суши метров сто в ширину, а местами и больше, с довольно скудной растительностью. Берег со стороны сора, откуда мы прибыли, почти до кромки воды был травянистым. Противоположный же – со стороны Байкала – больше песчаным. Редкие участки, поросшие мятликом, отдаваясь от берега, теснились птичьим горцем, а к середине островка их компанию пополняла овсяница, вытянув свои высохшие жёлто-серые метёлки над зеленью соседних трав. Прямо позади рыбацкого домика – редкие низкорослые кустарники, среди которых мне удалось отыскать кустики голубики с остатками переспелых ягод и даже небольшой брусничник.

А в обратной стороне от дома виднелись остатки двух дощатых построек. Одна из которых, как объяснили позже, – бывший ледник для хранения рыбы, другая – неудачная задумка летней баньки. Время, ветер и влажный воздух вынесли им свой приговор. Лишь жилище рыбаков по-прежнему принимало гостей.

Я вскипятила чайник, перемыла оставленную с вечера на улице посуду и, ожидая к завтраку мужскую компанию, уселась на вчерашнее место возле мангала. Вот сейчас, когда всё так хорошо просматривается, можно расслабиться и наслаждаться природой.

На место, куда были свалены остатки ужина, прилетели две крупные белые чайки, живо подчистили территорию и упорхнули. Проводив их взглядом, я уловила в воде некое движение – вроде плывёт кто-то. Любопытство заставило встать и подбежать ближе к берегу. Увидев меня, крупное тёмно-серое существо, покрытое мехом, ушло под воду. Удалось лишь разглядеть его усатую голову, круглые глаза и когтистые лапы, больше похожие на ласты. Слава богу, в доме все уже проснулись, потому что молчать об увиденном мне не хватило терпения. Это была нерпа! Настоящая байкальская нерпа! Ура! Я видела живую нерпу. Бывалые рыбаки приняли мой восторг с улыбкой и даже пообещали угостить мясом этого животного.

Подъехала вчерашняя моторка. Мужики засобирались на рыбалку. А я, с тайным желанием увидеть ещё что-нибудь интересень-

кое, напросилась к Михалычу в лодку. Мы отплыли от берега на порядочное расстояние и остановились. Наш островок совсем скрылся с поля зрения, а с ним исчезла и моя смелость. Плавать я не умею – очень боюсь глубины, а стоя с удочкой в лодке, рискую с непривычки упасть. Правда, Михалыч ловил рыбу сидя, ну так у него же опыт! Спиннинг мне не доверили, да я и не в обиде. Мне даже сидеть в лодке, когда вокруг такая глубина, было жутковато. Качается ведь! «Вот если бы они ловили рыбу с берега, – думала я, – тогда и мне перепала бы возможность вспомнить детство!» Но, увы, по обоим берегам островка на десятки метров простиралось мелководье. Виктор Михайлович с Володей увлеклись рыбалкой, поочерёдно забрасывая спиннинги, а я ударились в воспоминания: детские годы, моя удочка, дедушка, шипящий на меня сквозь палец, чтоб рыбу не распугивала. Скучно, когда все молчат. Они-то делом заняты, а я? Уснёшь тут, пожалуй, без какого-либо занятия. И я стала отсчитывать пойманные рыбёшки, похваливая рыбаков:

– Ой, Володя, какая щука! Одна, вторая. У Михалыча – окунёк. Да крупный какой! А этот совсем малыш...

Малыш, меньше ладошки, усиленно бил хвостом и изворачивался.

– Можно я возьму его себе в подарок? – с видом Пьеро спросила я у Михалыча.

Тот улыбнулся.

А я выпустила малыша в воду:

– Плыви.

– Ты зачем это?.. – хотел возмутиться Виктор, но я опередила его с ответом:

– Желанье загадала. Вдруг сбудется. Мне сегодня можно, а он всё равно слишком маленький.

Не думаю, что могла обидеть этим Михалыча, вида он не подал, лишь лёгкая ухмылка промелькнула в ответ.

* * *

Обед в рыбацкой избушке был поистине праздничным: мясной шашлык, рыба, овощи, зелень, сыр, нарезка колбасы – всё как пола-

гается в таких случаях. За исключением одного блюда, приготовленного лично для меня супругой хозяина моторки, – запечённого с картофелем ластва нерпы. Как любитель поварских изысков, я, конечно, отведала и этот деликатес. Но, как нетерпимая к рыбьему жиру, быстро перешла на всё привычное моему вкусу. Долго рассиживаться мы не стали. Отзвучали сопровождаемые коньяком тосты, душевные поздравления в мой адрес, и мужская команда опять поспешила в лодку, оставив меня на хозяйстве, а посиделки с разговорами – на вечер.

Ах, этот вечер!.. Довольные уловом рыбаки распотрошили пойманную ими рыбу, накормив местных чаек. Отправили её в домашний холодильник хозяина моторки и, свободные от рыбацких забот, за ужином продолжили тему дня. Тост «за родителей» подвёл меня к воспоминаниям о маме – блокаднице Ленинграда, к рассказу о её трудном детстве, о дет-домах. Последний из которых находился здесь, в Восточной Сибири, в Канске. Интересно было знать, как отзовётся такая история у жителя Санкт-Петербурга, найдётся ли отклик и в его воспоминаниях?

– Я сам вообще-то с этих краёв, – удивил меня ответом Михалыч и шутя добавил: – По национальности «пол-китайца».

А дальше последовал рассказ, который превратил в слух всю нашу застольную компанию.

* * *

Во времена нэпа молодой предприимчивый китаец приехал на заработки в Россию, оставив на родине жену и ребёнка. Открыл во Владивостоке ресторан, раскрутился. Всё бы хорошо, но радость длилась недолго. По ложному доносу из владельца модного китайского ресторана он превратился в ээка, познавшего «прелести» ГУЛАГа. А дальше – война. Он – среди заключённых на строительстве железной дороги. Тяжкие условия выживания, голод, болезни, мор. Освободился, а идти некуда. На родину, в Китай, путь закрыт. До Владивостока, где можно было надеяться хоть на какое-то

пристанище, не добраться: ни средств, ни здоровья. Его, больного, упавшего на дороге с жаром от пневмонии, подобрала сердобольная женщина, санитарка местного санатория. Подобрала, вылечила и пристроила на работу в тот санаторий дворником-садовником.

Случилась в санатории оказия: нужно встречать комиссию из Москвы, а шеф-повар уволился, и с продуктами беда. Для торжественного ужина ассортимент маловат. Тут и настал звёздный час многострадального китайца. Уговорила санитарка директора доверить кухню своему подопечному. Рассказала его историю. Делать нечего, рискнули. И не прогадали. Разнообразие блюд из доступных продуктов, их ресторанная подача покорили членов комиссии. Решено было оставить за новичком должность шеф-повара. А он всё грезил о возвращении в Китай.

«Помнится, как переживала мама (та самая санитарка), когда отцу разрешили поездку на родину. Старше его была, всё боялась, что уедет он и не вернётся: «Там жизнь другая... и жену с дочерью столько лет не видел». Останется, мол, она одна с четырьмя китайчатами на старости лет. Да только никто его там не ждал. Родители не дожили, а у жены другая семья. Дочь взрослая, без отца выросла – чужой он ей! – с печалью в глазах продолжал Виктор Михайлович. – Отец шеф-поваром хорошо зарабатывать стал. И сил, и средств хватило добротный дом построить да троим старшим детям образование дать. А я в семье последний ребёнок, «поскрёбыш». Когда школу окончил, родители уже глубокие пенсионеры были. Отец сказал: давай, мол, сынок, сам поднимайся, с нас спрос невелик. Вот так и карабкался сам. Была мечта мир посмотреть, окончил мореходку. А в первом же американском порту закупил себе вдоволь кока-колы и жвачки – всему экипажу на смех...»

Я слушала и ловила в азиатских глазах Михалыча искру непобедимого духа, полученного в наследство. Смотрела и видела перед собой не зрелого мужчину с богатым жизненным опытом, а юношу, с трепетом ценившего своих родите-

лей. Знающего, что где-то, в далёком Китае, есть родня, с которой он вряд ли когда встретится. И что для его отца их «русско-китайская семья» – островок между морем любви к родине и разливом боли с горечью, полученных на чужбине, в стране, одарившей и кнутом, и пряником.

Мы сидели вчетвером в маленькой деревянной избушке, отрезанные от мира водой, простирающейся на километры, и совершенно беззащитные перед стихией, случись таковая. А рассуждали о том, как сложно уберечься человеку от человека! От чужой зависти, подлости и безнаказанности... Как часто судьбой берётся править «его величество случай». Что после любой бури обязательно настанет затишье и будет рассвет даже после самой тёмной ночи! И пример тому – история молодого китайца, рассказанная одним из нас.

Спустя годы вспоминаю этот вечер: неяркий свет лампы, свисающей над столом на полуметровом шнуре, початая и забытая нами бутылка коньяка с остатками закуски, до которых никому уже не было дела, фигура Михалыча напротив меня, его спокойный негромкий голос и полное ощущение духовного родства собравшихся.

Стемнело. Луна посеребрила воды Байкала и сора, заглянула в окно рыбацкой избушки, склонив ко сну её обитателей, и послала мне сновидение, подводящее итог прошедшего дня. Наутро нам отплывать. Впереди ждали рабочие будни, завершение пусконаладочных работ и отъезд домой с новыми впечатлениями и багажом воспоминаний.

Моторка за нами пришла часов в десять-одиннадцать. Успели позавтракать и даже пропустить по рюмочке коньяка для желающих. Выходя из дома, я встала в дверях комнаты и обернулась. Прощай, уютная избушка на узком острове, отрезанном от мира разливами вод! Здесь исполнилась моя давняя мечта о рыбалке, здесь прошёл мой самый необычный день рождения. Здесь стараниями трёх ранее не знакомых мне людей я поймала самый крупный душевный улов в своей жизни!

НА ПРУДУ

СЕСТРЕ

Игорь БЕЗРУК

Ну вот и Саньку Рябова вчера отправили в лагерь, двор совсем опустел. Пашка приуныл. Он тоже хотел бы поехать с Санькой, ездил же в том году, а в этом, пока родители не взяли отпуск, он вынужден сидеть со своей младшей сестрой Лесей, потому что её детский сад на летние месяцы закрыли.

Сегодня, как назло, с утра палило солнце, его яркие лучи проникали в комнату через узкие щели штор и только мешали спать. Впрочем, обычно Пашка поднимался рано – завтрак, школа и прочее, но сейчас каникулы, спешить некуда, можно было понежиться в постели подольше. Не то что когда был Санька – с Санькой они давно бы уже выкатили свои велосипеды и погнали по городу (а то и за город), а с Леськой что – куда с ней рванёшь? Сиди как привязанный, эх...

Пашка перевернулся на другую сторону, подмял под щёку край мягкой подушки, тяжело вздохнул.

Леська ещё спит (мама осторожно прикрыла дверь спальни, когда уходила на работу), телик глядеть не хотелось. Пашка потянулся за книжкой, но более чем на страницу его не хватило – книга показалась скучной, текст ускользал. Пашка поднялся, прошлёпал на кухню, заглянул в холодильник. Молоко в трёхлитровом бидоне манило свежестью, с посыпанным маком бубликом – просто объедение.

После немудрёного завтрака у Пашки даже настроение прибавилось. А почему бы ему с Леськой не смотаться на загородный пруд? К обеду прогреется, прибежит мама на перерыв, покормит их, и можно будет отчалить. За полчаса, думается, они доедут, с полчасика покупаются, позагорают, вернутся до прихода отца с работы.

Леська, как ему кажется, хныкать не будет, ей тоже нравится купаться, прихватят с собой

детское ведро и лопатку, пороется на берегу в песке. Можно взять бутылку лимонада, пару яблок – после купания всегда хочется чего-нибудь загрызнуть. Надо будет только хорошо подготовиться: подкачать шины, подтянуть цепь, проверить тормоза...

Пашка воодушевился и даже нисколько не расстроился, когда захныкала Леська, заглянул в родительскую спальню:

– Привет, чего ревёшь? Проснулась?

Леська перестала всхлипывать, улыбнулась, заискрив маленькими глазками.

– Вот и ладно. Пошли умоемся?

Леська послушно потянулась за братом.

– Давай сначала на горшок, а потом я тебе помогу умыться.

До обеда время пролетело незаметно. Как и планировал, Пашка полностью подготовил к дальней поездке велосипед, нашёл даже в сарае старую маленькую подушку, привязал её ремнями к раме возле руля, куда обычно сажал сестру, катая по двору, но то двор, а сейчас придётся ехать за город, всё же мягче будет. На крайняк посадит её на багажник. Девчонке четыре года, малость подержит ноги на весу, не умрёт.

Леське о своих приготовлениях пока ничего не говорил – как пить дать проболтается. Маме тоже в обед ничего не сказал – мама, скорее всего, совсем не одобрит его намерений: она вечно всего боится, день через день пугает его и Леську пропавшими детьми, бродячими цыганами или дядьками-маньяками, но сколько они с пацанами за городом ни гуляли, ни разу им маньяки не попались, зря мама, наверное, так волнуется. А что побить старшие могут – так этого и в школе хватает, далеко ходить не надо! И в подворотнях наших зажмёт тебя шелупонь с соседнего района – еле ноги унесёшь, только спортивная сноровка и спасает, но летом все секции закрыты, молодёжи негде пар выпустить.

Едва дверь за мамой закрылась, Пашка подступил к Леське:

– Не хочешь съездить со мной за город на пруд?

На пруд? Купаться? Леську долго уговаривать не надо, тем более ей можно не брать никаких купальных принадлежностей, в её возрасте дети и нагишом купаются. Взять только полотенца да лимонад, как он хотел, пару яблок, можно печенья.

– Не давит ноги? – спросил Пашка, усадив Лесю на велосипедную раму. Лесья отрицательно мотнула головой. – Тогда поехали.

Солнце нисколько не спадало, наоборот, запекло жарче, но это и хорошо – пруд быстрее прогреется. А так, на велосипеде, не сильно жарко: они летят, что называется, с ветерком. Что у Леськи той весу? Он и не таких возил. Несколько раз за двором на дороге ради прикола они с дворовыми мальчишками прокатились на его велике вшестером: двое сзади (Пашка с Ярёмой на плечах), Вован на раме и Санька на руле.

Рулить, конечно, неудобно, но дорога спустилась вниз, асфальт – кайф! Еле, правда, затормозили, чтобы не вылететь на главную и не угодить под чьи-нибудь колёса. Но впечатлений было – выше крыши!..

Сразу за туннельным мостом неширокая тропинка сворачивала в сторону ближайшей деревни, местные протоптали её до твёрдости асфальта, десятилетиями шмыгая в город – из города, но они с Лесей в деревню не поедут: у посадки тропинка пересекает просёлочную дорогу, которая тянется вдоль лесополосы в сторону детского лагеря, где, собственно, и находится пруд, вернее, несколько прудов – мал мала меньше.

Если бы Санька был в этом лагере, можно было бы его проведать, но родители отправили его на Донец, там лагерь их предприятия, там сосновый бор, чистый воздух – красота! Но Саньке там не очень. «Вот когда мы были с тобой...» – говорил он всякий раз, вспоминая прошлый годный сезон, когда они прописались в одном отряде. Почудили на славу: и рыбу ловить сбегали на речку во время тихого часа, и девчат вместе зубной пастой по ночам мазали, из сосновой коры вытачивали парусники – было что вспомнить.

Но вот и большой пруд. Детей из лагеря нет – сейчас у них обед, потом тихий час, Пашка на то и рассчитывал: их не прогонят, а со стороны лагеря удобный, специально обустроенный для купания детей берег. С противоположной стороны высокие камыши, непролаз, тина. Там больше рыбаки удят поутру... Но нет, как это он недоглядел? Чуть в стороне Пашка заметил местную детвору из ближайшей деревни, они тоже, видно, решили поплавать здесь, пока нет никого из лагеря. С этими связываться не стоило, Пашка один, а их пятеро или шестеро, к тому же с ним Леська.

– Ладно, не расстраивайся, поедем на другой пруд, – сказал Пашка. Лесья была на всё согласна, лишь бы покупаться. Конечно, другие пруды здесь не такие большие и ухоженные, но и там есть приемлемые заводы с песчаным берегом, люди купаются.

Пашка сразу направился к самому маленькому пруду, там для Леськи было ещё лучше, там вода ему самое большее – по горло, а у берега вообще по пояс и дно не илистое, с песком. Тут – вот удача! – никого и близко не было. К вечеру, когда местные вернутся с работы, набьётся, конечно, но они до вечера здесь сидеть и не собираются.

Пашка ссадил сестру с велосипеда, слез сам, опустил велик на траву. Для Леськи он прихватил большое полотенце, чтобы она могла на нём посидеть, но, видно, оно ей совсем не понадобится. А вот ведро и лопатка в самый раз.

– Покопай пока в песке, я попробую воду, нагрелась ли.

Пашка спустился к воде, зашёл по щиколотки. Не вода, а пар. Здорово!

Пашка прошёл дальше, окунулся с головой, вынырнул. Леська уже стоит у кромки воды.

– Ладно, давай ко мне иди. – Он взял её за руку, завёл в воду. Когда вода дошла ей до пояса, сказал: – Присядь, быстрее освоишься.

Лесья несколько раз присела.

– Молодец, ну, иди теперь к берегу, поиграй пока там.

Он не стал больше нырять, плавал поблизости, искоса наблюдая за сестрой. Та опустилась в воду на берегу, черпала рукой песок со дна, вымывала его, просеивая сквозь пальцы, как старатель, откладывала в сторону приглянувшиеся

цветные камушки. В вышине залиvisto пел жаворонок, в камышах перекликались лягушки, остро пахло тиной и влажной травой.

Вода была бесподобной, она вымывала из него всё тяжёлое, его тело облегчалось, само становилось водою.

Пашка погрёб кролем, затем лёгким брасом, перевернулся на спину, распластал в стороны руки и ноги, закрыл глаза и выдохнул из лёгких воздух. Вода плавно колыхала его облегчённое, расслабленное тело; заткнув уши, полностью изолировала его от окружающего.

«Как хорошо, как замечательно», – думал Пашка. Как здорово, что он решился приехать сюда, и Леське опять же...

Леська! Боже, он совсем забыл про Леську!

Пашка перевернулся на живот, глянул сквозь пелену влажных глаз на берег. Возле Леськи были две женщины в раздельных купальниках. Одна среднего роста, смуглая, с тёмными короткими волосами, стоя смотрела на Леську; другая, повыше, со стянутыми пучком на макушке светлыми волосами, присев на корточки, о чём-то с ней разговаривала.

Паша встал на ноги (было едва по грудь), внутренней стороной ладоней смахнул облепившие его лицо капли воды.

Женщинам было где-то под тридцать, может, чуть за, они выглядели вполне дружелюбно, так что можно было не опасаться, что их с Леськой прогонят. И всё же Пашка решил подплыть поближе, послушать, о чём блондинка говорит с его сестрой.

Смуглая меж тем вошла в воду, поплыла; проплывая мимо Пашки, своими тёмными узкими глазами глянула на него, как ему показалось, не очень доброжелательно, так, словно они всё-таки им чем-то помешали, но, может, он неправильно понял её взгляд, может, его ввела в заблуждение её тонкая, слегка искривлённая, чуть выдающаяся вперёд нижняя губа, придававшая всему её худощавому лицу выражение недовольства. Как бы то ни было, Пашка почувствовал себя некомфортно. К берегу он побрёл по дну, разгребая воду руками.

Блондинка тем временем выпрямилась и, продолжая приветливо улыбаться, стала при-

стально смотреть, как Пашка выходит из воды (даже не смотреть, а будто просвечивать его, как рентгеном).

– Привет! – сказала блондинка, когда Пашка приблизился к ней (она оказалась почти на полголовы выше его и крупнее).

– Здравсьте, – сказал, смутившись, Пашка. Он старался не глядеть на её полные груди и мягкий, слегка выпирающий живот со швом на правом боку. («Должно быть, от аппендицита», – подумал Пашка. Такой же шов был у Саньки – ему аппендикс вырезали в прошлом году.)

– Не помешаем? – спросила она, явно не торопясь спускаться в воду.

Пашка, не возражая, пожал плечами. Он остановился с другой стороны от сестры, которая продолжала рыть и перебирать песок, и тоже стал смотреть на неё.

– Какая у тебя чудесная сестра, – всё улыбалась блондинка. – И такая серьёзная. Как её зовут? Сколько ей?

Пашка сказал. Блондинка перевела взгляд с Леси на него.

– А тебя как зовут?

– Паша, – сказал Пашка и зарделся. Смущало близкое присутствие полураздетой женщины, её пристальное внимание. К такому он ещё не привык.

– Какой ты милый, – сказала блондинка. – И смелый.

– Томка, отстань от мальчишки, – крикнула из воды её подруга. – Хочешь неприятностей?

– Ты о чём, Лидок? Какие неприятности?

– Жига всполошится, что тебя нет, прискачет, тогда и узнаешь какие! Он же у тебя безбашенный.

– Да ладно, Жига. Лидок, ты же знаешь мою слабость.

– Знаю, знаю, – Лида бросила косой взгляд на Пашку. – Смотри, как бы потом тебе хуже не было, доиграешься.

– Ничего ты, Лидок, в жизни не понимаешь, хоть и прошла, как говорится, и Крым, и рым.

– Ты больно понятливая.

– Я рисковая.

– Я бы сказала, безмозглая.

Смуглянка выбралась на берег.

– Окупаться будешь? Чего пришли? Сама же горланила: туда и обратно. Теперь жди – Жига долго без тебя не присидит.

– Ну он не один, там целая орава, ему вряд ли будет с ними скучно.

– Ты у него особая статья.

– Не завидуй. Знаю, как ты на него всё время пялишься: как голодная собака на кость. Только я сказала тебе: не по Сеньке шапка, и успокойся уже.

– А от мальчика этого чего тебе понадобилось? Ему, наверное, и пятнадцати нет.

– Это другое, совсем другое, тебе не понять – не попробуешь, не узнаешь.

– Ну ты и дура, Томка, совсем, крышу сорвало. Узнает Жига о твоём бзике, несладко придётся.

– Да пошёл он со своими тараканами, я что, привязанная, что ли, не свободная разве? – Тома глянула прямо в глаза Пашке и торжествующе усмехнулась.

Пашка потупился.

– Ну-ну, смотри, свободная, как бы свобода твоя опять тебе боком не вышла.

– Ладно, ладно, Лидок, не митингуй. Если б ты знала, как сладка молодая оленинка, не брюзжала бы.

Лида хмыкнула.

– Купаться-то будешь ли, любительница сладкого? Поди окунись хоть, остудись, а то спросят, чего рвалась от компании, – что ответишь?

– Да ну их всех, надоели уже.

– Других нет.

– Это ты, Лидок, других не видела, так и сгниёшь с ними в вашем «раю», а я недолго пробуду здесь, сама знаешь, никто меня не удержит, кто мне тут указ?

– Ну-ну, твоё дело, – скривилась Лида. – В общем, как хочешь, а я обратно пошла. Ты со мной?

– Нет, ещё чуток побуду, иди, если уж накупалась.

Лида ушла в сторону густой поросли под дубами и пышными ивами, откуда изредка тянуло дымом и запахом жареного мяса.

– Поплаваем, Паша? – Тамара светила ярче солнца. – Пошли, а то сгоришь совсем.

Тамара, мягко покачивая крутыми лоснистыми бёдрами, вошла в воду, погрузившись по шею, легла на спину.

– Как здорово! Ты идёшь? – вновь поманила она Пашку. Глаза её ярко блеснули.

Пашка нырнул, плавно, без разбега, вынырнул рядом с Тамарой.

– Вот и умница. Поплаваем?

Пашка глянул на Лесю, она носила воду в ведёрке на берег, заливала ямку в песке.

– Мы будем поблизости, не переживай, заботливый какой, – заулыбалась Тамара. – Ты обо всех так заботишься? Останешься таким же, девчонки тебя всю жизнь будут любить.

Тамара перевернулась на живот, по-лягушачьи подплыла к нему.

– У тебя уже есть подружка? Нет? Ты такой видный мальчик, спортом, поди, занимаешься? Крепкие ноги, плечи... В футбол играешь?

– Нет, в баскетбол.

– Люблю баскетболистов: высокие, сильные. – Тамара снова легла на спину, только уже совсем близко от ставшего на ноги Пашки. Он не сводил глаз с её выпирающих грудей. – Ты тоже когда-нибудь станешь высоким, сильным... – Она прищурилась. – Пойдём на берег? Посидим, поболтаем?

Они погребли к берегу, сели на песке. Зубы Пашки мелко застучали, он чуть ли не весь покрылся гусиной кожей.

– Э, да ты озяб. Давай полотенце, я тебя разотру.

Тамара начала живо растирать Пашкино хрупкое мальчишечье тело.

– Сейчас согреешься, погоди немного. А я, хоть и прохладно... Во мне всё горит. Не веришь? – Она резко обняла его и притянула к себе. – И сердце бьётся – того и гляди, выскочит. Потрогай, – она взяла его руку, прижала к своей мягкой полной груди. – Слышишь?

– Томка, сука! – внезапно сзади них раздался свирепый возглас. Жига!

Пашка неловко подорвался на ноги, Тамара, напротив, даже бровью не повела, стала не спеша обтирать себе полотенцем грудь, плечи.

– А, Жига, да я вот капельку замёрзла, попросила у мальчишки полотенце, мы с Лидкой пошли, думали, жара сплошная, а оно как-то не очень.

Жига тяжело, вперевалочку, подошёл к ним вплотную, осоловелым взглядом окинул онемевшего Пашку с головы до ног.

– Чё тут у вас, нахрен, происходит? Чей это пацан? Вы знакомы? Среди наших шпингалетов я такого не помню. Пацан, ты откуда? Из города? Чё тебе от моей тёлки надо?

– Жига, оставь его, не видишь, они с сестрой приехали позагорать.

– Нехрена у нас тут загорать, пусть у себя дома загорают. А ты чего с Лидкой не пришла? Или ты всё-таки его знаешь? – Жига исподлобья ожёг Пашку, но тот тем не менее не отвёл взгляда. Глаза Жиги налились желчью.

– Ты чё вылупился, шкет? Чё вылупился? В глаз захотел?

– Жига, – Тамара вклинилась между своим приятелем и Пашкой, – остынь, пойдём обратно, выпьем по граммале, я на самом деле замёрзла.

– Погодь, – Жига отстранил Тамару, – дай разобраться. Чего тебе надо? Чего на мою бабу вылупился?

– Жига, оставь...

– Заткнись, сука, не с тобой базарят!

Тамара потянула его за руку в сторону.

– Иди сюда, дрянь! – Жига дёрнул её к себе, обхватил одной рукой за плечи. – Не дёргайся! Чё, малец? Ты чего хотел увидеть? Этого?

Жига свободной рукой сдёрнул с плеча Тамары лямку бюстгальтера. Высокая полная грудь женщины вырвалась на свободу.

– На это хотел позырить? На это? На, позырь!

Пашка, наоборот, увидел не женскую грудь, а обхватившую её когтистую звериную лапу в татуировках и с золотым перстнем на одном из пальцев. Его пронизало холодом.

– Пусти, дурак! – Тамара вырвалась из объятий Жиги и быстро накинула лямку на плечо.

– Вали отсюда, сука! – пнул он её вдогонку. – Я с тобой потом разберусь!

Тамара обернулась.

– Не тронь мальчика, Жига, слышишь, не тронь!

– Вали, сказал, чё не ясно?!

Жига раздражённо заиграл желваками. Он словно вырос враз, громадной татуированной скалой навис над хрупким Пашкой. Казалось, шевельни он только пальцем, и Пашку как блоху сдует, но Пашка и не думал бежать. Куда ему бежать? А сестрёнка?

– Чё, шкет, геройствовать вздумал в натуре?

– Жига! – подскочила Тамара и решительно обхватила его сзади за плечи.

– Иди отсюда! – неожиданно кто-то ботнул Жигу по ноге. Жига удивлённо перевёл взгляд вниз. Перед ним стояла маленькая Леся с детским ведёрком в одной руке и крохотной лопаткой в другой. – Иди отсюда! – снова ботнула она его маленьким кулачком с лопаткой.

– Жига! – ещё крепче сдавила Тамара плечи приятеля и впиалась в его кожу ногтями. Но он их словно и не чувствовал.

– Ну даёт! Видала? – чуть не рассмеялся ошарашенный Жига, он не понимал, что с этим делать, как на это реагировать. – Видала?

– Пойдём, Жига, к нашим, пойдём, миленький, Христом Богом тебя прошу, оставь их в покое, не бери грех на душу.

Она ослабила хватку, Жига тоже обмяк, рот его перекосила кривая ухмылка.

– Вот чудеса! Нет, каково! Ты видала, чё силиявка вытворяла? Расскажешь кому, не поверят... – уходя, всё бубнил Жига, то ли удивляясь, то ли восхищаясь смелости Лески.

Когда они скрылись в зелени, Пашка поднял с песка полотенце, отряхнул его, чувствуя, как до сих пор предательски дрожат колени и колотится сердце.

– Ну что, поехали домой? – спросил сестру, всё ещё провожавшую парочку недовольным взглядом. – Поехали, а то, если папка вернётся с работы раньше, головы нам точно не сносить.

Леся кивнула. Пашка усадил Лесю на багажник, в гору велосипед покати́л рядом с собой, на тропе пересадил сестру вперёд на раму, и они снова с ветерком пошуршали обратно в город.

Пашка всю дорогу до дома повторял:

– Ну ты молодец, молодец. Если бы не ты...

Но уже на подъезде ко двору попросил:

– Только, пожалуйста, ни маме, ни тем более папе ничего не говори. А то мы никогда с тобой ни на пруд, ни на речку больше не сможем поехать, понимаешь? Ты же у меня уже большая, понятливая.

– Я большая, – сказала Леся.

– Вот и ладно, вот и молодец, – сказал Пашка.

«В конверте тайна завтрашнего дня...»

Станислав ЧЕРНЯК

Руководитель Тамбовского регионального отделения Союза писателей России. Автор пяти поэтических сборников и романа-трилогии в жанре альтернативной истории, а также серии познавательных книг для детей.

Лауреат IV Всероссийского литературного конкурса «Преображение России» им. С. Н. Сергеева-Ценского в номинации «Поэзия. Думы и грёзы» (2024), лауреат Всероссийского творческого конкурса «По праву памяти» (2025) и конкурса Военно-космических сил России «Серебряные крылья» (2025).

Произведения публиковались в литературных журналах и альманахах: «Подъём» (г. Воронеж), «Великороссь» и «Александръ» (г. Москва), «Наше слово» (г. Ростов-на-Дону), «Белая скала» (Крым), «Царицын» (г. Волгоград), «Петровский мост» (г. Липецк) и многих других. Координатор Всероссийского поэтического конкурса имени Майи Румянцевой, член редакционной коллегии «Тамбовского альманаха», координатор поэтического проекта «Здравствуй, Тамбов!»

БАЛЕРИНА

На маленьких пуантах от беды
Спешат умчаться крошечные ножки.
Воздушные тревоги и бомбёжки
Ворвались в мир изысканной слюды.

Фуфайка прикрывает декольте,
Сползла посеребрённая корона.
Смотреть на мир из тонкого картона
Всё тяжелее с каждым фуэте.

А музыка в шкатулке лишь бодрей,
Но посмотрите на неровность пола –
Несовершенства, трещины и сколы,
Следы от ног вчерашних бунтарей.

Пуанты и шкатулка как судьба,
И приговор – движение по кругу.
Ах, балерина, вечная подруга,
Любимица Дидло и Петипа.

Стоит шкатулка на краю стола,
И если к ней неловко прикоснуться,
На тысячу осколков разобьются
Нелепых стен кривые зеркала.

Ждут балерину веник и совок,
Отдельно – голова, отдельно – ноги,
Пуанты беззащитны и убоги.
Не убежать, когда приходит срок...

Сменяют фуэте на фуа-гра,
Приобретут шкатулку подороже...
Но вряд ли кто-то поимённо сможет
Припомнить всех, разбившихся вчера.

КОНВЕРТ

В конверте тайна завтрашнего дня,
За сургучом и сладеньким декстрином,
Под маркой с экзотичной балериной
(Год нынешний, а выглядит старинной).
И эта тайна мучает меня.

Конверт совсем не пропускает свет,
Хотя я с ним танцую возле лампы,
Рассматривая красочные штампы
(Из мест, пока что не подвластных Трампу),
Пытаясь прочитать и дать ответ.

Но это тайна, ведь не вскрыт конверт.
И пусть часы пугают диким боем,
Воздушные атаки и отбои,
И что опять скрывают кони Трои,
Втирает нам очередной эксперт.

В конверте тайна завтрашнего дня.
И может, всем нам стоит торопиться
На исповедь, а после причаститься.
Ведь завтра может страшное случиться –
Не будет ни тебя и ни меня...

P.S. Похоже, все пути предрешены,
В конверте тайна ядерной войны...
А вероятность? Все узнать хотят!
Как прежде – пятьдесят на пятьдесят...

ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ

Вчерашний день забытой акварелью –
Померкли краски, устарел сюжет.
И райских птиц загадочные трели
Затихли на полночном вираже.

Один рассказ из толщи фолианта.
Потрёпанной обложки нет грустней.
Мои находки и твои таланты –
Предания давно минувших дней.

Живёшь в дремоте тягостной и сладкой,
Навеянной шуршанием страниц...
Что позади? Не перескажешь кратко.
Что впереди? Мельканье новых лиц.

Где краски взять, чтоб освежить
реальность?
И как хранить, чтоб всё не растерять?
Ведь новых дней печальную банальность,
Как ни старайся, не запустишь вспять.

А надо ли? Ушло и не вернулось
В тумане – серебрители волос...
Вновь тучи за окном, и мне взгрустнулось.
Так на секунду только, не всерьёз...

НОВЫЕ БЕРЛИОЗЫ

Предательства шершавый, ржавый вкус
Просроченной дешёвой карамели,
Которую сбуть так и не сумели,
Вводя всех диабетиков в искуc.

Толчок в плечо у смерти на краю
И пара слов неправедных и лживых –
Оружие коварных и фальшивых...
Предатели, от вас я устаю!

– Коровьев, так ли нужен Берлиоз?
– Мессир, согласен. Факт не понимаю.
– Тогда толкни под колесо трамвая,
Заранее купив букет из роз.

– А как же достижения и вклад?
Высокий пост, значение и степень?
– Всё так, но в приближение – бычий
цепень,
Толкни его, и каждый будет рад!

– Мессир, Вы были мягче и добрей
Во времена Каифы и Пилата...
– За все поступки следует расплата,
И тем отрадней, чем она скорей.

Предательство... а после море слёз.
Ни шороха, ни возгласа, ни света,
Ни головы, ни чаши, ни ответа...
Лишь ждёт трамвая новый Берлиоз.

ПОСВЯЩЕНИЕ БЛОКУ

Осенний хрупкий лёд... Он не придёт,
Чтобы в толпе с тобою раствориться.
Но будет сниться, часто будет сниться
Навязчиво. Так, как отцу таблица,
Где каждый элемент определён,
Как в конуру, в положенную клетку...
А счастье было призрачно и редко.
Ответь, поэт, в кого ты был влюблён?

Твой силуэт в веках, как в зеркалах,
Тревожной птицей продолжает биться.
Листаем жизнь страницу за страницей,
Мелькают лица, дорогие лица...
Но Атлантида превратится в прах.
Поэзия – проклятье иль награда,
И пропасть Петербурга с Ленинградом –
В искусственно навязанных словах.

Большевики, поэт не ест с руки.
Крест на плечах. К Голгофе путь в ухабах...
Как величайших отличить от слабых,
Когда придушит революций жаба?
Когда уже не пишутся стихи?
Амати скрипка повышает герцы,
И протестует пламенное сердце,
И язвы наползают, словно мхи.

Осенний хрупкий лёд. Он не придёт,
Не отразится в зеркалах каналов.
И сколько ни читай – всё будет мало,
Какое сердце биться перестало...
Поэта продолжается полёт,
Большой талант не сбросить с пьедестала.
И вечный Петербург в слезинках талых
Твой день рожденья чтит который год...

* * *

Через полсотни лет, когда не будет нас,
Да и вообще никто не ведает, что будет,
Осколки наших чувств, обрывки наших
фраз
Примерят на себя совсем другие люди.

Такой же зимний день, такой же гололёд,
Такая же толпа в любое время суток.
Чего они все ждут? Возможно, звездолёт,
А может быть, внучат сегодняшних
маршруток.

И не дай Бог дожить до роковых времён,
Когда уйдут все те, кто был с тобою рядом,
Оставив на Земле лишь звуки от имён,
И вроде жить и жить, а вроде и не надо.

Всё превратится в прах, всё, что вокруг,
падёт,
На матушке-Земле мы все
в командировке.
Останутся: зима, привычный гололёд,
Толпа чужих людей и холод остановки...

ЕГЭ

А) Созидать; Б) Разрушать;
Ещё есть В и Г!
Ответы сложно выбирать,
Когда вся жизнь – ЕГЭ.

Не подсмотреть и не списать
Удобный вариант...
Когда от горя плачет мать,
Бессилен транспарант.

Играть и вечно выбирать,
Уверившись в ответ:
А) Радоваться; Б) Страдать,
Букв В и Г здесь нет.

ЕГЭ судьбы не изменить
Нам переменной мест...
А) Жить; Б) Верить;
В) Любить и Г) Идти на крест!

«А на ладони литии смякнулись...»

Юрий ПЧЕЛИНЦЕВ

Поэт, член Союза писателей России. Родился в 1961 году в с. Сурава Тамбовской области. В 1978 году поступил в Тамбовское высшее авиационно-инженерное училище, после его окончания служил в частях дальней авиации СССР. Затем поступил на службу в органы внутренних дел. Работал на предприятиях Тамбова. Автор поэтических книг «Ледышки», «Я хочу в апрель», «Хризантемы на белом», «Тайная нить горизонта», «Метро». Публиковался в журналах «Художественное слово», «Подъём», «Литературный Тамбов», в «Тамбовском альманахе». Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Преображение России» им. С. Н. Сергеева-Ценского. Лауреат поэтической премии «Триумф» в номинации «Дебют года». Лауреат Всероссийского творческого конкурса МВД России, дипломант Межрегионального поэтического конкурса имени Майи Румянцевой.

* * *

Смотри, смотри, как падает рассвет
На тонкий лист ночного совершенства,
И тёплый воздух в мир кричит, что нет
Гармонии безумного блаженства.
Пустой бокал отсутствием вина
Так безысходно жалуется небу.
И на диван положена спина,
А на столе засохли крошки хлеба.
Не засыпай, ты помнишь, первый лист
Ещё недавно бился за свободу?
Он, как фальшивый ярый моралист,
Ругал других, но лишь себе в угоду
Отстаивал проблемы и права,
Таща сквозь боль зелёный цвет наружу,
Не зная, что подснежная трава
Собою белый цвет тихонько рушит.
Как тихо всё, но крыши, заблестев,
Наденут на себя стальные блики.
Всё повторится. День – он как припев
Из песни лучезарной Эвридики.
Качнулось солнце, спелые лучи
Пронзили свет, вонзаясь в бесконечность.
На старом дереве премудрые грачи
Всё обсуждали, что такое вечность.

* * *

Как пресно. Как не сладко и не солоно
Застывшее, засохшее в комок.
Как будто промокашка изрисована
И кто-то начертить на ней помог
Подтёки, что без вкуса, всю безвкусицу,
Арбузную червонную гуашь.
Дан перезапуск. Может, перегрузится
Затёртый и замызганный коллаж.

А на ладони линии сомкнулись
И бороздят стареющую плоть.
Все тайны этих нелинейных улиц
Собрались только в малую щепоть.
И ни любви, ни грёз, ни интереса,
Ни ночи, ни лавины нужных дел.
Стучит, как дождь по глухости навеса,
Комок в груди: удар через пробел.
И к каждой клетке проложив дорогу,
Торопится наполнить жизнью кровь.
Не сладко и не солоно немного?
Так это просто кончилась любовь.
Терять и принимать, встречать, прощаться,
Хранить, бросать, искать и находить,
Куда-то уходить, но возвращаться –
Всё это называем словом «жить».
Какое утро! Зелени полсвета.
И кажется, что кончились дожди.
Наверно, рай – одно сплошное лето.
Тут тоже лето. Значит, нас не жди.

* * *

Стою с ангелами. Очередь. Я последний.
Крылья эти достали. Толчки да дрожь.
Может, просто в столовку? Или к обедне?
Напишу в оправданье святую ложь,
Если будет расспрашивать Сам Всевышний.
Ну а вдруг не «прокатит» – тогда беда.
Стали ангелы в очередь, я же лишний.
Лишний или не лишний? Допущен же, да?
Это выдумки, что тут (на небе) комфортно.
Я без крыльев. Мне холодно. Минус три.
Все не ропщут, и я замерзаю покорно.
Хотя холод где-то совсем внутри.
Очень ангелам просто, они с докладом
За прошедшие сутки, а я – за жизнь.
Но стоим грудь к крылу, практически рядом.
Значит, тут нет коррупции. Гуманизм!
Открывается дверь, в ней движенья не видно,
Словно в белом проёме сплошной туман.
Я стою, ну а мне так до белого стыдно.
Как же часто я ложь принимал за обман?
Может, сам много лгал и в добро не верил?
Ну, конечно, не верил! Я ж был живой!
Со своей колокольни фактически мерил,
А за каждое благо готов был в бой.

Как рубашку ценил, которая к телу!
Верил в жизнь и бессмертье! (Какая блажь.)
Всем другим заявлял, что пушистый и белый,
А фактически был это лишь камуфляж.
Кто бы знал, как неловко от этих мгновений,
От стыда и себе самому вранья.
Стою. Очередь. Я последний.
Кто-то вновь подошёл:
– Крайний к Господу?
– Я.

* * *

Пройдя земные дни и тропы,
Я устремляюсь в бесконечность,
Где нет Америк, нет Европы,
Где спит размеренная вечность.
Где слов и помыслов не надо,
Давно придуманных законов,
Где нет Эдема, нет и сада,
И нет нужды, и нет поклонов.
А с неба снова дождик льётся,
Зануда, вкрадчивый мечтатель.
Вода сквозь пальцы.
Остаётся
Прохлада неупавших капель.
Но в каждой капле мир искрится
И высыхает на ладони.
К чему на бесконечность злиться,
Когда в дождинках мир весь тонет?
Сжимая праведные мысли,
Пришедшие к чему? Не знаю.
Ищу оправданности смысла,
Как новых перемен от мая.
Я верю искренне, нелепо
И в бесконечность, и в начало,
И в то, что голубое небо
Всё ж обо мне не так скучало.
А дождь, как очищенье, нужен,
Хотя бы для того, чтоб можно
Гулять по бесконечным лужам,
Ходить, не думая о сложном.

* * *

Казалось бы, когда на звёздном небе,
В пучине тёмно-синей глубины,
Галактики, их россыпь, словно цепи,
Нанижут на лучи земные сны,
Песочные часы прольют секунды
На пику нанесённого холма,
Крупинки не алмаза, но корунда
Разрушат возведённые дома.
Что будет? Что останется такого?
Ты помнишь, ты готов сказать, что был?
Откуда снова будет это слово,
Которое уже и Бог забыл?

Замёрз троллейбус, он на остановке
Печально сбросил длинные рога.
Состарился, уж нет совсем сноровки,
И коротки маршрутные бега.
Смотреть на небо – словно мерить бездну!
Песчинке как сравниться с высотой?
Ты мёрзнешь, мой рогатый друг болезный,
Страдаешь бесполезностью пустой?
Снуют, летят белёсые искринки
Перед землёй сбавляя плавно ход,
Весь мир – закон порхающей снежинки:
Создание и медленный уход.

* * *

А там, в этом доме
С цветами в окне,
За гладью простого стекла,
Где сумрак и мебель прижались к стене,
Премудрая старость жила.
Листала страницы потрёпанных книг,
Игрушки вязала крючком,

Себя вспоминала, друзей и родных,
Уткнувшись в подушку ничком.
Казалось, что если зажмурить глаза,
То в прошлое можно попасть,
И можно во сне повернуть всё назад
И счастье у кармы украсть.
Все сны преходящи, а мысли? Они
Приходят, уходят, следят,

Как старость считает ушедшие дни,
Что, выстроясь, сзади стоят.

Что было? А было ль? Мы помним лишь то,
Что сердце позволило помнить.
Итогом – всего лишь пробел с запятой
У жизненной книги огромной.

Скрипучее кресло, больные часы,
Ленивые дни, поздний завтрак,
Напольно-циничные гады-весы.
И всё же надежды на завтра.
А солнце блеснёт, ведь ему невтерпёж
Залить эту комнату светом.
А старость? Она так похожа на ложь.
Душа – так похожа на лето.

* * *

Храни, храни меня, Господы!
Мои дурацкие стихи,
Мою стареющую плоть...

Прости за новые грехи.
Не засчитай, ведь их и так
За жизнь скопилось через край.
О! Собирать их я мастак!
А так хотелось всё же в рай.
Я этот мир за всё хвалю,
Ведь он прекрасен и пригож.
Его безбрежность я коплю,
Его беспечность, даже ложь.
А то, что где-то иногда
Вдруг не устроит? Ничего!
Плохое сгладится. Года –
Как волны диких берегов –
Залижут камни, и песок,
И то, что было, что прошло.
Ведь смысл – в хронометре часов,
Ну и в забывчивости слов.
Храни меня, храни стихи,
Храни моих друзей и близких.
Как облака сегодня низки
И так похожи на штрихи.
Храни, храни...

Елена ОСМИНКИНА

Филолог, поэт, публицист, критик. Член Союза писателей России с 2012 года. Заслуженный деятель искусств Республики Крым, лауреат Государственной премии Республики Крым в номинации «Литература».

Лауреат международных и всероссийских литературных премий и конкурсов, в том числе издания «Российский писатель» в номинации «Поэзия» (Москва), Всероссийской литературной премии им. Н. Гумилёва (Москва) и литературной Пушкинской премии (Крым), международных литературных конкурсов им. А. Крылова (Санкт-Петербург), им. А. Куприна (Крым). Автор 11 книг и более 600 публикаций в московских и различных региональных изданиях Российской Федерации.

УТРО

Ветру о чём-то шептали
Всё ещё сонные листья,
Утро лазоревой кистью
Стало расписывать дали
И разгорается споро,
Духоподъёмно, отважно.
И ощущается важным
Каждая краска для взора,
Каждая мысль и мгновенье,
Предвосхищённое слово.
Кажется: небо готово
Всех одарить откровеньем
С горних далёких просторов,
Чтоб сонастроились души,
Музыку сфер не нарушив,
В раннем немом разговоре.

ДУША

Как радела, болела душа,
Как она замирала тоскливо!
За душой, говорят, ни гроша –
Ей бы только быть вольно счастливой.
Ей бы только взлететь высоко,
Воспарить белокрылою птицей,
Но в телесных цепях нелегко
Светом ярким зажечься на лицах.
Человека спасала от стрел
Лжи и зависти, жадности, страха,
Чтоб итогом всех праведных дел
В Судный день он воскрес бы из праха.

* * *

Золотой осой звенело лето,
И медовых дней не исчерпать,
И поило васильковым цветом
Небушко земную благодать.
В лоне бело-розовых рассветов
Новых дней благая череда
Нарождалась, продлевая лето,
Оставаясь в строчках навсегда.
И воспоминаний эхо будет
Звонко вторить против злых невзгод,
Сохраняя и любовь, и мудрость,
И стихов безудержных полёт.

МОЛИТВА

Быть откровенною с собой,
чтоб сердцем искренне и чисто
вдруг на молитве у Пречистой
подняться над своей судьбой,
открывшись истинам простым,
где пуповина мира – сердце,
где лишь на шаг от жизни, смерти
и рядом – с именем святым.

Как исповедь свою начать,
сквозь кокон мыслей пробиваясь?!
И только чувствам отдаваясь,
я с губ немых сорву печать...
Молитва дарит, словно скит,
покой душе, надежду, веру
и в глубину небесной сферы
незримо, тихо отлетит...

* * *

Стрекозой присело лето
На макушку октября,
Всю пронизанную светом,
В листьях цвета янтаря.
Но недолго задержалось
Бабье лето, и дожди
Зарядили – вот ведь жалость!
Нет просвета впереди!
Сырость выткала туманы,
И пропала неба синь,
Вечера стучатся рано
В дом продрогший. Всюду стынь.
Бабье лето стрекозою
Покружило впопыхах,
Отлетело, но строкою
Золотится след в стихах.

ВСТРЕЧА С АРБАТОМ

Октябрь... Листвы мольба...
Задумчивый Арбат,
приветствую тебя,
домов старинных ряд.

Вот в этом коротал
поэт в метельный вой
свой день, когда писал
онегинской строфой.

А рядом дом хранит
от Белого привет,
магическую нить:
и письма, и портрет.

И в рост, из бронзы весь,
воспевший свой Арбат,
жив Окуджава здесь
вне временных преград...

Места Арбата – вдох
и выдох давних лет,
дыханием эпох
навеванный привет.

* * *

И опять в Москве несмело
Утверждается зима:
То рисует дали мелом,
То теряет свой размах.
Среди зимней карусели
Ощущаю терпкость дней
В заварухе из метелей
Или в россыпях дождей.
Серебрится серпик лунный,
Гасит ночь закат-огонь,
И узор снежинок рунный
Опустился на ладонь,
Примирая с мыслью этой:
Репетиций в жизни нет,
Сразу набело на свете
За собой оставишь след.

* * *

Треплет бродяга-ветер
Пряди осин, берёз.
День уходящий светел
Белым букетом роз.
Старый Арбат встревожен
Маревом тишины,
Может быть, чем-то гложут
Прошлого тени-сны?
Я не сбиваюсь с ритма
Тихих своих шагов
Вдоль фонарей, как свиты,
Вдоль старины домов.
Дует бродяга-ветер
В белый букет из роз,
День уходящий светом
В память мою пророс.

* * *

Немота торжественная снега
Поселилась в городе моём.
Всё пространство в белоснежной неге:
И дворы, и скверов окоём,
Площади, скамейки, переулки,
Кроны и деревьев, и кустов.
Даже звон часов вокзальный гулкий
Утонул в бездонности снегов.

1

2

3

4

5

6

30

МГНОВЕНИЯ

Дождь идёт – это небо плачет.
Оно плачет по нашей любви.
Ветер крепнет... а это значит,
Не вернуть те далёкие дни.

Замолчали все птицы. Прохладно.
Пахнет свежестью и травой.
Лишь деревья вздыхают отрадно,
Вспоминая твой образ живой.

Ты прошла под окошком моим.
Ты не знаешь, что я здесь живу.
Словно чем-то невинным, святым,
Вдруг пополнила жизни канву.

И волос твоих пепельный дым,
И дешёвая брошь на груди
Мне сказали явленьем своим:
Полюбуйся же мной, погляди.

ВЕСНА

Весна поёт, звенит ручьями.
И солнце греет всё сильнее.
А вы становитесь вдруг сами
Слегка подвижней, веселей.

С весною в вас всё оживает.
Все чувства лучшие души.
Она вас нежит, опьяняет...
А дни её так хороши!

Какое счастье – на рассвете
Проснуться бодрым, милый друг.
Поверить в доброе на свете,
Развеять чёрных мыслей круг.

И раствориться в этом мире,
Чтоб чувства грустные унять.
Пожить у речки дня четыре,
В Солотче сказочной – дней пять.

Родной природой насладиться,
Увидеть новое. Познать.
Здесь незаметно время мчится.
Блаженство здесь. И благодать.

СТАРЫЙ ДВОРИК

Старый дворик – визитка в детство...
Нет шаров золотых во дворе.
Не вернётся радушие в сердце,
Как доверие в детской игре.

В выходные летом, бывало,
Выносили во двор патефон –
И мгновенно всё оживало...
Это было... Это не сон...

Пожелтевшие фото в альбоме...
Как же счастливы были тогда!..
Вот друзья и соседи по дому...
Но бегут, не вернуть те года...

Защемит сердечко немножко
Оттого, что средь нынешних дней
Не хватает отцовской гармошки,
Песен тех, что играл он на ней!

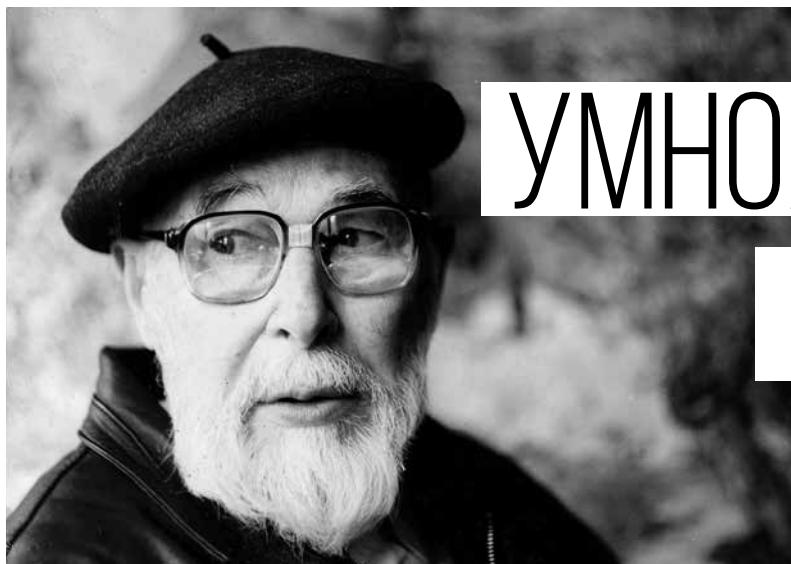
Старый дворик – визитка в детство.
Где-то в прошлом звенят голоса.
И гнетёт небоскрёбов соседство:
Новой жизни идёт полоса.

ОТКРЫТОЕ ОКНО

Открытое окно, цветами веет.
Вокруг темно, и всё молчит.
Вновь тишина покой лелеет,
Лишь сердце трепетно стучит.

Я вспоминаю всё что было
(У каждого – свой крестный путь),
Знакомых, с кем судьба сводила,
Родных, которых не вернуть.

Что впереди? Пока не знаю.
Пусть всё таинственно, темно,
И я душой не унываю,
Смотря в открытое окно!

УМНОЖАЮЩИЙ КРАСОТУ

Элеонора ЩЕГЛОВА,
г. Ялта

Наша жизнь, как мозаика из кусочков смальты, состоит из маленьких дней, часов, минут... И не переделать прошлое, не поменять камешки, не переставить. Какой рисунок выйдет? Хаос? Чёрный квадрат? Аккуратные ровные ряды – серого цвета? Или радуга – всем на радость?

У него мягкие манеры и острый взгляд художника. Он интеллигентен, подтянут, улыбчив. Говорит то, что думает, и делает то, что говорит. Бог одарил его искристым талантом и открытой душой. Родился будущий художник в 1922 году прямо в поезде, ехавшем по просторам Сибири к новой работе отца, в Иркутск. Наверно, не случайно он на всю жизнь полюбил путешествия, с рождения привыкнув к смене городов, пароходов, поездов.

Самое яркое зрительное впечатление детства – красный узор на синей бабушкиной юбке и оранжевая сетка от комаров. Его мир, его мозаика начала складываться из цветных камешков – в неё поместились и тёмная зелень тайги, и розовые закаты, чистый белый снег и Сибирь с её необъятными просторами. В детстве начал рисовать в обычной общей тетради. А однажды, подражая взрослым, даже попробовал мыть золото, но не попался золотой самородок юному искателю.

Какого цвета печаль? В Сибири осиротел – в двухлетнем возрасте потерял мать, в 11 лет – отца, арестованного за офицерское прошлое. Тяжело заболел малярией. В 1933 году бабушка привезла его в Крым. С тех пор Ялта стала его родным домом. Его согрело южное тепло, ветер с гор принёс свежесть, а летнее ласковое море исцелило все печали. Солнце подарило ему силу, и он навсегда впитал его сверкающие лучи – они есть почти во всех картинах художника. Золотой смальтой они проходят через всю его мозаику-жизнь.

Довоенная Ялта ещё хранила аромат Серебряного века, её улицы помнили торопливые шаги Цветаевой-подростка, ещё летали бабочки, не пойманные юным Набоковым. Ещё не рассыпались в прах статуи в городском саду и где-то бегал белый шпиц... Беззаботно вилась глициния, и белые балюстрады вместе с бархатными кипарисами ровными рядами убегали к синему морю. Новыми сочными красками заиграли камешки-дни, зацвели по-южному. Начал заниматься рисованием в студии.

Окончив школу, ушёл в армию. Война застала на земле Белоруссии. Почти сплошным чёрным цветом покрывалась его мозаика. Чёрным и красным. Тяжёлые бои, плен, концлагерь – из последнего бежал, прополз под колючей проволокой. Спасаю – единственный, решившийся на побег. Скитался, голодал. Пришёл в оккупированный Слуцк. Не было документов,

Сергей Бакаев. Восточная ночь. Картон, масло. 1965 г.

Сергей Бакаев. Старый замок. Картон, гуашь. 1982 г.

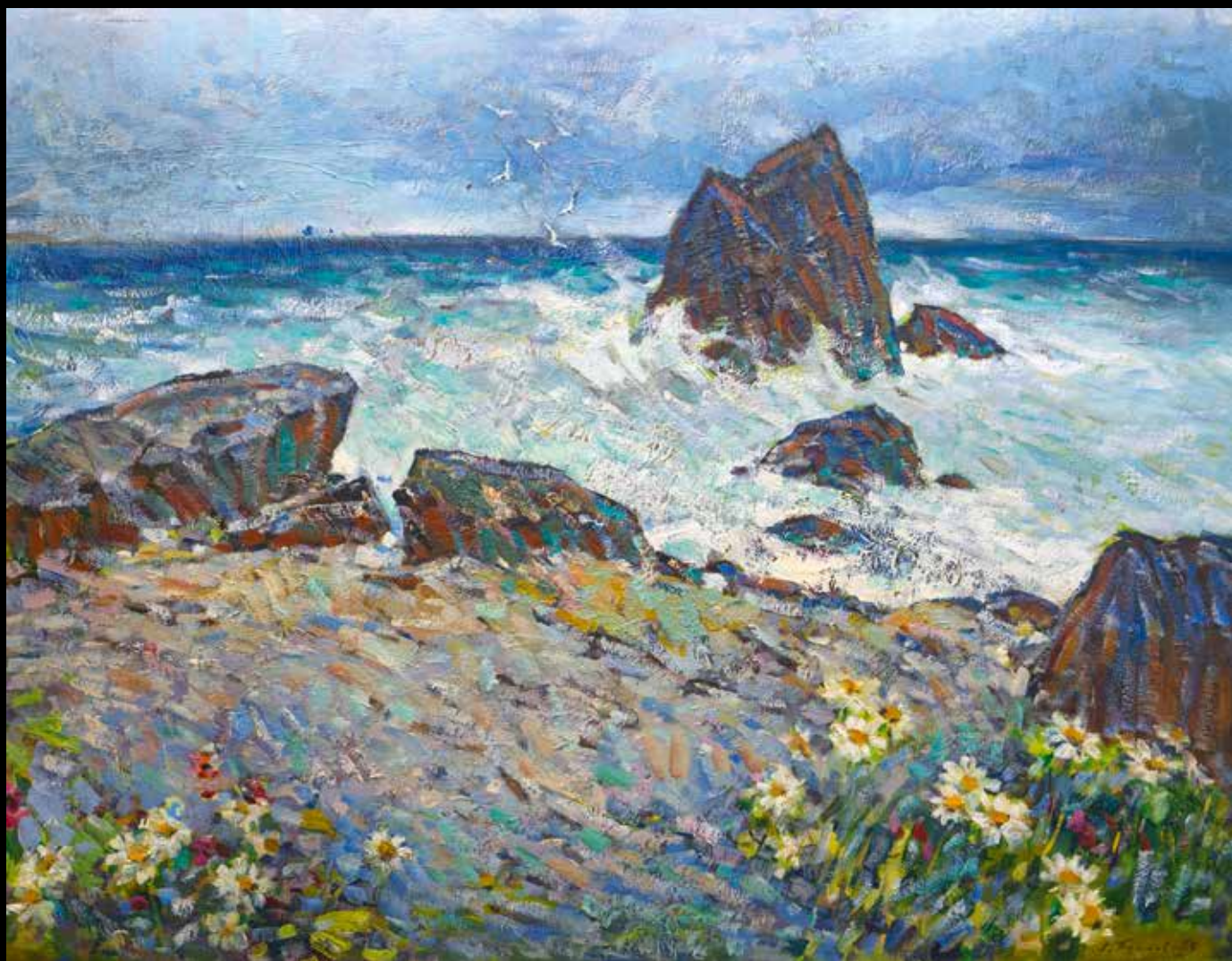
Сергей Бакаев. Воскресное утро. Холст, масло. 1971 г.

Сергей Бакаев. Огненные горы.
Картон, акрил, масло. 1993 г.

Сергей Бакаев. Весна. Картон, масло. 1972 г.

Сергей Бакаев. Море. Картон, масло. 1980 г.

денег, он почти падал от голода. Первая же вывеска, которую он увидел, была «Художественная мастерская». Искусство спасло ему жизнь – взяли на работу, рисовать портреты с фотографии и коврики на клеёнке.

Довелось поработать в местном театре и даже побывать артистом. При первой же возможности ушёл в лес к партизанам. Воевал в партизанском отряде, потом в действующей армии и дошёл до Берлина. Сергей Иванович Бакаев – кавалер ордена Великой Отечественной войны 2-й степени, награждён медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Дважды был ранен, инвалид Отечественной войны. Боль от ран прошла, но никогда не утихнет боль от потери боевых друзей – он помнит их всех. Пройдёт время – снова и снова художник будет рисовать портреты однополчан – живых и павших. Появятся серии картин о войне, о жизни в партизанском отряде.

Ангел-хранитель берёт художника. Совершенно необъяснимым образом он остался невредимым при взрыве мины, которую нёс вместе с товарищами-партизанами. Она взорвалась у них в руках. Погибли все – он остался жив. Очень часто пули, шипя от злости, пролетали в нескольких сантиметрах от него. Запомнился случай: однажды во время войны, проходя по улице немецкого города, увидел на дороге усталую лошадку, неторопливо везущую тележку, и женщину в пёстрой яркой одежде, державшую вожжи. Захотелось нарисовать эту сценку. Внезапно остро почувствовал, что необходимо как можно скорее перебежать улицу. Сам не понимая почему, побежал через дорогу. В ту же секунду за спиной раздался страшный грохот – рухнул дом, повреждённый недавно во время бомбёжки. Под руинами осталась усталая лошадка, тележка и женщина в ярком платье. Мгновение назад он был с ними рядом... И эта картина тёмным камешком легла на его мозаику-жизнь.

Пришла Победа и расцвела ярким салютом, заискрился цвет, вновь заиграли золотые лучи. Сергей Иванович вернулся в любимый Крым. Надо было строить мирную жизнь, по-

лучать образование. Художник рассказывает: «Во мне боролись два желания – быть хирургом или художником. Поступил одновременно в медицинский институт и художественное училище в Симферополе. В обоих учебных заведениях был отличником, сталинским стипендиатом. Через год понял, что совмещать две такие серьёзные профессии нельзя, и ушёл из мединститута». Победило искусство. Окончив училище, вернулся в Ялту с молодой женой, одарённой художницей Ольгой Дудиной. Талантливые, молодые, полные сил и надежд, яркие и красивые, они были очень счастливы. Любовь озаряла их жизнь, они светились молодостью и горели в творчестве. Безжалостная судьба – жизнь Ольги забрала болезнь. И опять искусство спасло от боли и отчаяния. Выставки, поездки, ежегодные встречи с друзьями-партизанами в Белоруссии, упорный ежедневный труд, путешествия, творческие командировки. Неутомимый путешественник, Сергей Иванович объездил всю страну, отовсюду привозя десятки и сотни этюдов, эскизов, набросков, зарисовок.

Всегда с радостью возвращался в Крым – царственно-щедрый, солнечный. Белоснежные дворцы-санатории, пышные, роскошные парки, тишина, плеск волн, предчувствие счастья... Бакаев упорно рисует. Жизнь продолжалась. Сергей Иванович вновь создал семью, родилась дочь. Запестрела мозаика новыми впечатлениями, закружилась калейдоскопом, опять сложилась в счастливый узор.

Жизнь была наполнена любимым трудом, общением с природой и красотой. У Сергея Ивановича счастливая творческая судьба. Его картины есть во многих музеях, их с радостью приобретают коллекционеры. Художник удостоен звания заслуженного художника Автономной Республики Крым. В последние годы провёл персональные выставки в Варшаве, Кракове, Вене, Зальцбурге, Праге.

Мозаика его жизни ярка и прекрасна, и чёрный цвет нашёл в ней своё место, делая её ещё более глубокой и гармоничной. Она неповторима и удивительна, как и его картины, которые завораживают чистой радостью и отважной раскованностью цвета, привлекают

непосредственностью восприятия и яркой индивидуальностью живописного почерка. Сила духа, несокрушимый оптимизм и восхищение природой наполняют его холсты живой энергией, которая передаётся зрителю.

В далёком детстве он не сумел добыть золотой самородок. Но всю жизнь его руки создавали настоящие сокровища, куда более ценные, чем холодный металл. Это самоцветы живописи, драгоценные краски, обжигающие своей открытостью, искренностью и красотой. Это радость, делающая нас добрее, светлее и счастливее. Его мозаика сложилась в радугу из драгоценных камней.

Как ослепительно прекрасна жизнь, сколько радости таит в себе цветок, море на закате, домик, освещённый солнцем! Нужны глаза ребёнка, чтобы увидеть это. Глаза, не замутнённые суетой, завистью, злобой. Щедрое сердце, полное любви. Родство чистого родника души художника и загадочной души природы.

Отчаянными бубенчиками звенят краски, вспыхивают бриллиантовыми брызгами, щекочут терпкими пузырьками шампанского, от души пляшут, приглашают в свой весёлый хоровод...

Лёгкость и свет, изумруды, бирюза и перламутр, алые рубины и малиновый сладкий сок лета, молодое вино осени и хрусталь зимы – живопись – Бакаев...

Философия его картин проста – «Радуйтесь!». Есть высшая мудрость в радости и умножении красоты на земле.

Веер многоцветный, яркий огненный фейерверк ложится на холст, горит и переливается драгоценными камнями – мазками цветной красочной мозаики.

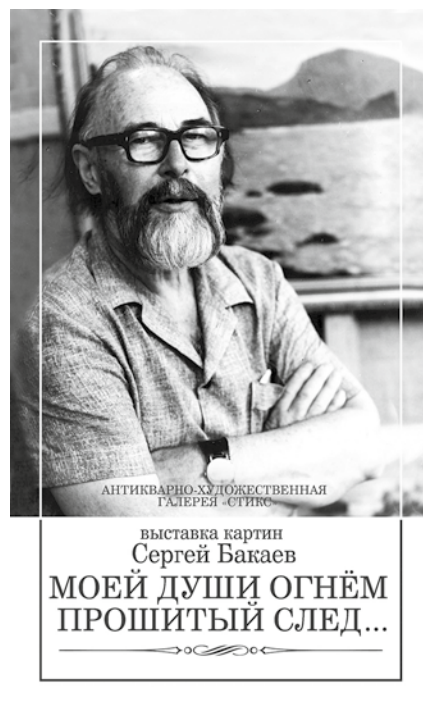
Льётся музыка-краска чудесная, то тёплая, то холодно-прозрачная, рассыпается цветными звонкими каплями, журчит радостно и замирает удивлённо на холсте – цветом.

Цветущая ветка миндаля на фоне зелёных гор, летят золотые облака по синему небу. Яркими искрами сверкает картина, краски трепещут и смеются.

Молочно-розовое море в предзвездной дымке, голубые горы, сиреневый полумрак – сон? Явь? Когда это было, где? Нежный воздух плывёт и обтекает острые камни, лёгкий плеск воды наполняет тишину. Это было? Это было и осталось на картине.

А небо действительно пронзительно-голубое, море – глубоко-синее, а на дальних горах тени – цвета фиалок.

Глазам дано счастье видеть, рукам – делать.

СКАЗ ПРО «ЛЮДЕЙ, ОБРЕТШИХ ХОББИ»

Виктор УСОВ

*Не приведи бог видеть русский бунт –
бессмысленный и беспощадный...*

А. С. Пушкин,
позапрошлый век

*Необходимо продолжать гуманизацию
уголовного правосудия в стране...*

В. В. Путин,
реальное время

*В Геленджике полицейские возбу-
дили уголовное дело по части 2-й ста-
тьи 115 УК РФ по факту причинения
медработникам телесных повреж-
дений московским бизнесменом...*

Сообщение пресс-службы управления
МВД России по Краснодарскому краю

В избе изрядно пованивало. Сидючи за не-
давно скоблённым столом, Николай покрутил
ломаным носом: «Вроде с утреча помои вынес из
хаты». Сплюснутая сопатка оказалась бессильна
в определении сомнительного душка. Иная на-
пасть отвлекла внимание мужика. «Стопу свер-
бит, аж зубы сводит! Почесун её забери!» – жалея
спину, не казённая, страдалец поскрёб беспоко-
ящее место о ребро табуретной перекладкины.

– И далее что? – спросил Николай, опу-
ская балованную ногу в коротко подвёрнутые
голенщища кирзачей. Вони в горнице в разы
поубавилось. Обращался он к бабе, восседав-
шей чайной «дурёхой» на соседнем «шестке».
Женщине пышных форм и объёмных юбок,
прикрывших подолами табурет по самые его
четыре замызганные ножки. В красных пух-
лых работных руках баба держала газетный
лист и живыми карими глазёнками буравила
пляшущий шрифт статьи.

– Пишут, что на улице Революционной водила крутой тачки избил шофёра скорой помощи! – чтица, оторвавшись от публикации, глянула на мужа поверх обреза газетного разворота. – Видать, рулила, Николаша, вроде тебя, тоже нарвался на кулак! – супружница строго насупила брови. На своего мужика... да что там, «мужичонку»... и смотреть не хотелось! Слёзы, а не мужик! Так, недомерок! Ростом не вышел. Она, его суженая, на полторы головы выше. И вес в хозяине бараний! Едва килограмм шестьдесят с гаком наберётся. И как тот – налипшая к подошвам сапог земляца пополам с навозом.

Закончив буравить мелкого гнуса, суженая вернулась к просмотру газеты. Хозяйка Николаю досталась знатная. Борец в юбке! На сотню кило тяжелей его. Оголённое плечо милашки (баба поскребла его коротко огрызенными ногтями) можно спутать с окороком годовалого поросё. Через то в семейной паре её авторитет был непререкаем. С опаской, воровато, исподлобья зыркнув на любимую, Коля решил попридержать язык: каяться, чего приключись, себе дороже!

Слова были не нужны. Вчера, когда он явился после недельной отлучки в районный центр, Николай показал бабе главное: физиономию в радужных кляксах синяков, вмятую в щёки сопелку и посечённую в кровь бровь. Налюбовавшись мятой рожей супруга, баба вздохнула... и давай костерить невезучего. Так что лучше помолчать.

– Это где ж такое безобразие творится? – изображая интерес (нужда требовала отвлечь Милу от его личности), прокашлял Николай.

– Горе луковое! – посетовала баба. – Тут сказано, что позавчера, было двадцать... там, на месте происшествия, в этом самом Ге-ле-жи... – пытая слово по слогам, баба попыталась вымучить заковыристое название населённого пункта. И выстрадала. Вышло: «Ге-лен-джике!» – Вот придумали названьице! – тыча смятым «брехунком» в мужа, простая душа запричитала: – То ли дело наше село! Спасибо отцам-основателям, обозвали без выкрутас. Просто! За... – Произошла досадная заминка. Скрамница едва удержала

ладошкой рвущееся из глубин русской души верное словцо. – Тьфу ты! Облуплено!

С обречённым видом сложивши руки на пустом столе, её единственный, постоянный, верный слушатель покорно внимал бабским речам. Вдруг, всплеснув обтёрханными манжетами линялой рубахи, молчун не по делу возбудился:

– Так, я не дослышал? Мила, какого числа приключилась та заварушка?

– Слушать надо ухом, а не... – Супруга была зла на мужика. Всегда! Просто зла, и всё! – Я же прочла: «Двадцать четвёртого августа!» – злючка постучала кулаком по крутому лбу, от которого крашенные хной, туго стянутые волосы были собраны на затылке во «вшивый хвостик». – Вот-вот осень нагрянет! Народ ботву по огородам палит, а мы из-за тебя... – Выпостав из-под гарусной юбки босую ногу, супруга, ступив на неё (половицы жалобно заскрипели) и привстав, потянулась отвесить супружнику заслуженную оплеуху. Не будь олухом, мужичонка втянул бедовую головушку в узкие плечи. – По больницам прохлаждаешься! Диагнозы у него... – Вспомнив врачебный анамнез, добрая женщина сменила гнев на милость, и скукожившийся муж расслабился: «Нет, ни за что не скажу!» – Мозги зашиб! – пожимая круглыми плечами, жена обратилась незнамо к кому. – Какие, спрашивается, у этого обалдую мозги?

– В чём моя вина? – глянув под потолок, в сердцах обронил недавний пациент нейрохирургического отделения. – Бьют кому не лень! Куда только Сам смотрит?

Не отводя глаз от колонок в «брехаловке», баба возмутилась:

– Сам? Вам бы всё свалить на его плечи!

– Кому это – нам? – обиделся битый мужик.

Отыскав в газете ответ на мужнин каверзный вопрос, жена ткнула толстым пальцем в свинец текста:

– Их помощник... фамилия у него как в поговорке: «Всем пришёл абзац!» – утверждает, что Сам не в состоянии контролировать благополучных и успешных, которые, оторвавшись от его сосца, съехали из Москвы на время отдыха.

Так что спасение лохов... – то бишь тебя и тебе подобных! – от праведного гнева уважаемых людей – дело самих лохов! – отрываясь от газетных строк, грамотная гражданка хмыкнула. – Конец цитаты!

Но мужик не унимался:

– И кто это такие «лохи»?

Не выказывая вида, что вопрос не просто интересный, а архисложный, разумная женщина приосанилась. Воспевая истинно арийский характер русских женщин, поэт Некрасов списывал образ с копии Милы.

– ЛОХ – это аббревиатура! – Такой философии от своей «запечной» половины мужик ну никак не ожидал услышать. Разинув «варежку», Николай ещё переваривал услышанное, а умница-разумница сыпала учёными словечками: – Переводится как «люди, обретшие хобби»!

– Стоп! – вытягивая руку с оттопыренной вверх ладонью, Коля разгорячился. Ворот его рубахи был расхристан до пупа, и обливший ему грудь и шею нервный загар было не скрыть. – Скажи на милость, какое такое хобби было у водителя скорой помощи, схлопотавшего по физике?

Бабу рассмешили мужнины пустые придирки:

– Работа, дуралей! – вновь её кулачище стучится в собственный лоб. – Работа на скорой чем для него не хобби?

– А деньги?

– Какие деньги?

Мужа аж подбросило с табурета.

– За вождение этой самой скорой?

– Ах, ты про вспомоществование? – опустив долу хитрющие глазки, жена подкузьмила кормильца мудрёным словом.

Николай был жалок. Образованность пёрла из бабы, как дрожжевое тесто из кадушки. Отчаявшись прижать жену к ногтю, Коля вякнул:

– Чего-чего?

Супруга гоготнула. Не одни пудовые кулаки и богатырские стати гром-бабы вызывали шок и трепет среди сельской общественности. Голосок Милы рокотал грозowymi раскатами. Бывало, на кого откроет хай, у оппонента уши заложит.

– Разве это заработная плата? Несколько «рванных», что ты, дружок, приносишь в конце месяца из мастерской, деньгами не назовёшь!

– Коли так, боле носить не буду! – буркнул Николай, но, ожёгшись о взгляд любимой, поправился: – По-твоему, Солнышко, я вкалываю за так?

– Угу! – кивнуло головой нежное создание. – За пару почтовых марок, монетку или дырявый самовар коллекционер тоже может выручить энную сумму. Старьёвщику это по душе! Согласись, не артачься! На работу, Коленька, ты ходишь по привычке! – Мужу было стыдно сознаваться, но он покорно кивнул головой. – Занятие... неважно чем, но в своё удовольствие, и называется «хобби». Понятно, дурашка?

– А кто ж тогда, по-твоему, работает?

Довольная собой, баба отложила газету:

– Те самые, успешные...

– Захребетники? – недоверчиво протянул задетый за живое слесарь, механик, шофёр, механизатор широкого профиля и прочее, прочее, прочее. Одним словом, мастер на все руки!

– Они делают деньги! Вот это настоящее дело!

– Да-с! – прогнусавил «жнец, швец и в дуду игрец». На селе Коля числился в знатных гармонистах! И выпить был не дурак! – И как же эта их служба обзывается?

– Капитализация! – баба мечтательно закатила глазки. – Этот, помнишь, в начале девяностых обретался при Кремле... тип с немецкой фамилией?

– Там лишь с фильдеперсовыми фамилиями приживаются, – поддакнул Коля.

– При прошлом правлении ему ещё доверили охранять госимущество!

– Ах тот! – обрадовался муж. – Припомню! Мужики в гараже буровили про ту хитрую рыжую морду. Который всю страну за фантики купил?

– Да не тот! – отмахивается баба. – Как же его... Палочка... Зловредная бацилла... Вспомнила! Коха! Он гуторил, что мы с тобой не можем ничего купить оттого, что не умеем делать деньги!

– Выходит, нужно учиться? – рассудил мужик.

– Харэ трепаться! – Ладонь хозяйшки прищучила большущую муху, вздумавшую нагадить на газетную передовицу. – Идём-ка, милый, покончим с дальним огородом!

Мужик было заканючил:

– Далёко! И время уже обеденное. Лучше завтра спозаранку...

– Заводи колымагу, коли не хочешь ноги бить! – вставая с табурета, жена самым решительным образом пресекла мужнино нытьё.

– Э, нетушки! – заартачился Николай. – За лесок мы ещё проедем, но грязь потревожим и назад вернёмся, тащась на конце у трактора! – вспоминая, в какое непролазное месиво ныне превратилась дорога к огороду, механик-водитель не захотел рисковать своей «ласточкой».

– Решено! – приговорила баба. – Пёхом так пёхом!

В последние летние денёчки леса подле села Облуплено – и не леса вовсе, а форменные райские кущи! Под пламенеющей листвой дубрав, березняков и осинников супругов ждал горячий аромат, напоённый духмяными запахами малинового листа, грибницы и высохшей на корню травы. Запах Родины, которым дыши не дыши – не надышишься! Привычная с детства тропинка от села до поля то ныряла в овраг, то огибала утыканное ершистым сухостоем болотце, а то терялась в густых и очень колючих кустах. Не единожды в той чащобе Коля тискал пухленькую Милу... Когда это было и было ли вообще?

Лесная тишина, звенящая и таинственная, теперь не пугала плюгавого мужика. С привычным горбом латанного заплатыми сидора на хилой спине, ходок в сопровождении жены чувствовал себя уверенно. Как ребёнок подле матери! Беззаботно! Шагай себе, греми сапожищами на три номера больше положенного здоровьем. Сшибай мимоходом цветастые мухоморы. Жуй сорванную сочную травину. Красотища!

Его лапушка завсегда прикроет его, ведомого, от желающих отхлестать его по впадшим

щекам веток-плетей. Избавит от колючек, намеревавшихся вцепиться ему в штанины. От всего! От любой беды можно было укрыться за спиной подобной ширины. Лопата и вилы, лежавшие жёсткими черенками в оставленной лямкой бюстгальтера ложбинке могучего бабского плеча, по сравнению с той силой казались мужу тонкими прутиками.

Вскорости лес поредел. Выйдя на жухлую траву опушки, двое встали на краю грязевой черты просёлка, этого повреждения на земной поверхности. По сторонам незаживающего путевого рубца ошмётками кожи был вывернут дёрн. Влага сочилась сукровицей ржавых подтёков по залившей дорожные ямы, выбоины и колеи чёрной торфяной массе. Ссадина земли мокла. И этот раскисший, разъезженный, разбитый в хлам просёлок местный люд обзывал дорогой! За убитым сельским трактом до следующего перелеска тянулись дальние огороды.

– Ну что, пошли? – матюкаясь, пара преодолела две бездонные колеи и, выдирая ноги из грязи, вышла на твёрдое место. К грядкам. К началу трудовых свершений. Часа через два, когда от первого мешка собранной картошки метров на шестьдесят протянулась бурая полоса перепаханной вилами земли, со стороны Облуплено до не разгибавших спины огородников донёсся надсадный вой барахтавшегося в грязи авто.

– Кого-то черти несут? – делая незапланированный «перекур», баба, поправив выбившиеся из-под косынки локоны, по-мужски широко расставив босые ноги с огромными икрами, зарылась стопами в рыхлую тёплую почву. Опершись натруженными скрещёнными руками о черенок воткнутого в картофельный ряд вил, она из-под руки вгляделась в сиреневую даль.

В традиционных сатиновых трусах, линялой майке и сапожищах на волосатых ногах, выпрямляя согбенную спину, сборщик картошки похрустел поясницей и в свою очередь приложил перепачканную землёй руку к козырьку кепки. В ладони другой руки, которой мужик в поисках клубней рылся в гряде, он с мыслью: «Надо бы вынести с поля к дороге!» – держал

круглый, холодный, скользкий и увесистый голыш.

Николай прищурился. Нынче высматривать на дальнем расстоянии нечто малое оказалось в самый раз. Атмосфера была по-осеннему яркой и кристально прозрачной. Дозорный вздрогнул. Он признал квадратные контуры машины своего городского обидчика. Блестя лаковыми бортами, дорогушее авто на кой-то ляд ныряло хромированным радиатором из одной дорожной ямы в другую.

Движок постукивал. «Поршневые пальцы!» – ухмыльнулся Коля. Мотор поскуливал. «Вкладыши к замене!» – механик знал, о чём судит. Моторную часть загнанного «мерина» лихорадило, но настырный «немец» полз к его огороду. Вот европейская машина встала, из её бежевого кожаного чрева на притрушенную ботвой российскую обочину высадился квартет господ в чёрном. Четвёрка морд сущего министерского виду. Сияя начищенной обувью, блестя поддетыми под чёрные распахнутые пиджаки белоснежными сорочками, с видом хозяев жизни типы в пёстрых галстуках направили свои стопы к двум сельчанам.

– К нам, что ли? – Не веря своим глазам, баба оглядела свой наряд – надетый поверх сарафана засаленный, не сходящийся на животе ватник. При самой распоследней житухе мужнина жена не забывала, что она женщина: «Это надо же! В кои веки к нам городские в гости пожаловали, а на мне!.. О ужас! Платье – тряпка тряпкой. Не поймёшь, какого цвету и фасону. А на голове! Матерь Божья! Косынка, которой впору затыкать на зиму дыры в оконных рамах. Право дело, срамота!»

Тем временем «комиссия» подошла к застывшим копателям корнеплодов. Мужик признал владельца едва не задавившей его иномарки: набрякшая жиром бордовая ряха. Килограмм на тридцать выйдет. Глазки бесстыжие. Такую морду нужно носить в штанах, а не людям казать! Крутое пузо. Ей-ей лопнет от жира! Сильные руки с хватистыми кистями, что давеча выволакивали его из-под переднего бампера. Рядом бугай с бритыми висками, в чёрных очках. Тот, что при прошлой встрече,

змазав разок Николаю, выключил в его глазах свет на пару часов. В придачу к прочим гадам рыхлую почву гряды топтала парочка других жеребчиков. Один, забритый под ноль, вылитый терминатор, второй – его наверняка поедом жрали глисты – худющий дальше некуда моластый тип с кожаной папочкой в пальчиках с холёными ноготками.

– Ну что, крестьяне, приплыли! – первым, противно растягивая слова, открыл поганый рот Глистастый. Но Бугай осадил дрыща:

– Завянь! Папа говорить будет!

Николай подивился: «Неужто этот мордастый жиртрест его папа?» – и стащил кепку с головы. Головная покрывка была знаменита тонким сукном с целой, не надорванной саржевой подкладкой. Жалко, что на притороченном к её донцу дерматиновом треугольнике давненько не читалась былая надпись: «Ворошиловградская швейная фабрика». Порыв ветерка приятно охладил непокрытую макушку селянина. Вчера под вечер Милка тупыми ножницами подровняла Николаю причёску. Ну и что, что ёлочкой! Главное, что её забота была ему приятна!

Невольно, вдруг придётся ручкаться, Николай опустил в болтавшийся сачком головной убор хватистый голыш: «Чего обе руки занимать!»

– Ты когда, урод, мани думаешь отдавать? – выдавил через мокрую губу Папа и как-то не по-доброму глянул на Николая.

– Какие ещё мани? – ожила гром-баба.

– Деньги, дура! – Терминатор для большей наглядности протянул ручищу ей под нос-пуговку и потёр пальцы.

Тараша глаза, баба даже не отстранилась от нахала.

– За что?

– Эта деревенщина ещё удивляется? – обращаясь к сотоварищам, заакал недокормленный москвич. – Твой обмылок не рассказывал, как помял шефу фирменную тачку?

И все приезжие, а главное, жинка обратили взоры на Николая. Желая провалиться сквозь землю, «именинник» в ожидании неминуемого несчастья зажмурился.

– Какую такую тачку? – не понимая, что происходит, баба подпёрла кулачищами крутые бёдра.

Папа не выдержал:

– Хватит финтить! Гоните деньги, а не то мои мальчики вас тут и прикопают!

Прячась в темноте за закрытыми глазами, Николай пытался оправдаться:

– Это что я мог помять, когда вы на меня наехали?

Городские хамы дружно заржали.

– Слышали, «штымп курсит»¹, «наехали!»... – Бугая рассмешило крестьянское понятие жизни. – Это мы сейчас на тебя наехали, баран! Гони бабки, иначе я твою жирную лебедь порву, как Тузик грелку!

Отмахиваясь от страшного сна, отчаявшийся мужик махнул рукой вправо. Висевшая в его цепких пальцах кепка встретила с неожиданным препятствием. Раздался щелчок, как если бы на бильярдном столе лоб в лоб встретился биток с шаром. Рука, сжимающая кепку, в панике сама по себе полетела влево. За первым щелчком последовал звук «чмок!» – так бьётся варенное вкрутую яйцо. Облупливая угощение, заботливая баба, когда была в добром настроении, подкармливала куриным яйцом мужнину худобу. Из темноты (глаза Николай боялся открывать) послышался протяжный вздох: «О-ох!» – и следом, так бывает в селе перед дождём, в нос мужика шибанул дух выгребной ямы.

Из чистого любопытства Николай открыл один глаз. Никого из городских возле него больше не обреталось. Только у дальнего конца огорода полоскались от быстрого бега красной подкладочной тканью чёрные полы пиджака Терминатора. Спотыкаясь длинноносыми туфлями о неразбитые комья земли, улепётывающий не разбирая дороги частил к перелеску. Пару раз он даже прокатился на гладкой подошве фирменной обуви по склизкому участку межи и у самой дороги, налетев коленом в наглаженных брюках, свернул набок полный мешок картошки.

Мужик расстроился: «Нужно было горловину завязкой обмотать! Теперь собирай карто-

ху по новой! Что скажет Милка?» Непривычно долго Милка молчала. То бабе рот не залепишь, а тут... Тишина! Хозяин повернулся к суженой и оторопел. Его супруга из-под руки заправским атаманом Емельяном Пугачёвым глядела вслед утекающему верзиле. Для удобства наблюдения родная придавила изгвазданной глиной ножкой грудь Глистастого. Наступила на покойно лежащего на грядке заезжего типа. Ступила чуток выше правого сосца. Не всем весом. Так, дабы соблюсти равновесие. Оперлась дальнозоркая на черенок вил, торчащих из поджарого брюха дистрофика. Владелец живота противился её недопустимому позёрству. Конечно, пока дышал. Бедняга рыпался, пытаясь выдрать смертоносный металл из проколотых тухлых потрохов. Да его ли хилым ручонкам сопротивляться могучему напору той, что удержит битюга на скаку.

Николай потряс головой. Странные виденья не рассеивались. И тут он заметил лежавшего от него по правую руку Папу. Чистюля-боров в дорожном костюме бритым затылком навзничь ткнулся в свежую копку. Покойник гляделся весьма благочинно. Вздёрнутый курносый нос, оловянные глаза бессмысленно таращатся в небесную синеву, а ровнёхонько посередь мраморного лба у обидчика крестьянства образовалась глубокая вмятина.

От шалой мысли: «Неужто это...» – огорожник вспотел. Оглядевшись, Николай отыскал другого грубияна. С левой его руки «сучал» на картофельных рядках Бугай. Присмиривший вымогатель, не снимая чёрных очков, «отдыхал» в меже лёжа на боку и поджавши ноги. Субчик прикрыл забритый висок лапичей с фиолетовой наколкой «Петруха», и сквозь стиснутые пальцы его ладони сочилась красная жидкость.

Николаю сделалось неловко. В надежде на чудо он примерил руку, вернее, камень к двум расколотым головам. «Так и есть! Мой голыш! Для разнообразия сегодня нужно было всё закончить миром!» Мужик разнюнился, и тут через грядку громко хлопнули автомобильной дверцей. «По голове себя постучи!» – рассердился механик и вспомнил про Терминато-

¹ Штымп курсит (блат.) – намеченная жертва говорит.

ра. Беглец достиг просёлка. Взревел мощный двигатель, большая чёрная машина рванула с места. Только ошмётки глины полетели из-под колёс. Наплевав на глушитель и прочую подвеску, импортная машина, кляя передком, подбрасывая задок, возжелала вырваться из лап отечественной действительности.

– Чего застыл? – под голубыми небесами прозвучал трубный глас Милки. Призывающий к «страшному суду» волжский бас вернул Николая к действительности. – Упустил, раззява! Теперича гоняй этого зайца по полям! Пентюх! – кряхтя, баба выдрала вилы из живота Глиастого.

Мужик сморщил нос. Вновь завоняло отхожим местом.

– А куда спешить? – глава семьи осадил бабью прыть. – Я же говорил... – Не проехав и десятка метров, заморское чудо техники, вильнув задком, сев на брюхо, пришлось взбивать колёсами раскисшую землю в «сметану». – Проехать можно, но лишь раз! В одну сторону!

Вскинув руки, Николай снял майку. На голые тела напялил лапсердак. Штанов не надевал. Извлёк понравившийся голыш из кепки. Водрузил головной убор на темя и, завязав знатную каменюку в угол портянки, покрутил над головой оружием лесных разбойников: «Знатное гасило!»

– Догоняй, непутёвый! – собирающегося в путь-дорогу Колю теребила верная подруга.

– Цыц у меня! – прикрикнул мужик на торопыгу. – От меня не убежит! В лесу заплутает. За его опушкой наше сельцо. Ни машин, ни автобусов из райцентра к нам не ходит. Почту и ту прикрыли. Связь как при царе Горохе! Голубиная! Телефонно-телеграфные

столбы палом погорели. Провода земляки на металл сдали.

– Сотовый! – настаивала баба. Какая жена стерпит ослиное упрямство мужика? – Городские все с сотовыми ходят! – К тому же Мила привыкла, чтобы последнее слово всегда оставалось за ней.

– Уморила, глупая! У нас на селе роуминга нет! – Хозяину улыбнулась удача. Он смог ввернуть в разговор подслушанное у радио сложное словечко. – Пока он пятнадцать километров пёхом чапает до шоссе (*когда его не понукала и не тиранила жена, Николай мог быть вполне разумным малым*), я этого субчика сто раз достану! – Для остратки молодец махнул портянкой с каменным узлом. Приволакивая ноги, мужик тяжёлой походкой земледельца покандыбал по пахоте. Спешить резону не было. Сноровка, сила и родные места были на стороне Николая. Терминатору не спрятаться под кустом, не отсидеться в овраге.

– А мне чем заняться? – взыскалась баба-дура.

– Приберись тут! – не оборачиваясь рявкнул хозяин.

Милка повздыхала, повздыхала да и взялась за лопату. Рыть яму в мягкой земле – сущее удовольствие. Только одна печаль тяготила труженицу. Она переживала: «Скоро свободного места на огороде не останется!» С детства, впрягшись в монотонную работу, Мила привыкла по ходу дела развлекать себя разными фантазиями. Думками о том, о сём. И ноне ей надумалось: «Крикну-ка я человеку, чтобы он тушу этого лося не тащил до огорода! Пушай присыплет землицей в лесочке!»

Ирина ШЛИОНСКАЯ

Ирина Александровна Шлионская родилась в 1971 году. С 11 лет публиковала стихи и рассказы. Окончила редакционно-издательское отделение факультета журналистики МГУ. Работала литературным редактором и корректором в различных издательствах, публиковалась в центральной прессе. Кроме того, является автором более 20 книг в жанре нон-фикшн, опубликованных крупными издательствами, а также имеет многочисленные художественные публикации (стихи и прозу) на литературных страницах центральных и региональных изданий и в литературных альманахах. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

ХОББИ И ВЕЧНОСТЬ

Промчались по ветру, легки,
Трястись заставили в ознобе.
А я-то думала, стихи –
Не более чем просто хобби.

Но мне сказал один поэт,
Творящий магию словами:
Стихи – они и Бог, и свет,
Повелевающий мирами.

Они – таинственный нектар,
Целительный от всех болезней,
Они – проклятие и дар,
Тебе дающий власть над бездной.

И звуки вырастут в слова,
Чтоб этот мир необозримый
Суметь по-новому назвать
И дать себе иное имя.

И будет много тех имён,
Как много слов в тебе родится.
Стихи – единственный закон,
Дающий с вечностью смириться.

БАГАЖ

Набери моё имя в поисковике,
Просто кликни по каждой уставшей строке,
И откроются ссылки, а там про меня –
То, что сети земные бездушно хранят.

Выдаст, где и когда появилась на свет,
И что, мол, на минуточку, даже поэт.
Тут и книги, и песни, и весь мой багаж,
За который, как водится, много не дашь.

Почитаешь, согласишься, подумаешь так –
Не носить же за это её на руках!
Ты ведь истину знаешь – что всё пустота
И ничем не владею я, кроме кота,
Ну и кошки, конечно, без мелкой куда ж?
Остальное давно уже сдали в багаж.

МОЙ КРАЙ

Хочу я вернуться
В родные края.
Мой край – где деревья
Под ветром шумят.

Мой край – где колышется
Водная гладь.
Я родиной буду его называть.

Не там, где пустыня,
Не там, где песок,
А там, где под дубом
Журчит ручеёк.

Не там, где кирпичные строят дома,
А там, где девичьи стоят терема,

А там, где на дудке играет пастух
И где кукарекает звонко петух.

Мой край – там, где ливень
По крышам стучит
И робкое солнце пробиться спешит.

Мой край – где ночами поёт соловей,
Тоскливо поёт он о доле моей,
Где в воду рыбак опускает сеть...
Где ж край мой любимый?
Скажи мне, ответь!

* * *

Когда стихами мир звучит,
Я жадно слушаю сонату.
Когда во мне любовь молчит,
Себя считаю виноватой.

Дано мне петь, дано любить,
Но это – порознь и не скоро.
Кому сказать, кого просить
Об изменении узора?

Я слишком многого хочу,
Ну а могу, увы, так мало
И часто в пустоту кричу,
Что быть собой не перестала,

Что строки я ещё ловить
Способна на волнах воздушных,
Что суждено мне полюбить
Земной любовью простодушной.

Но нужно выбрать... Говорят,
Две эти вещи несовместны.
Мотивы жизненных сонат
Одной судьбе давно известны...

ВЁСНЫ

И снова грянула весна
Привычным чудом обновленья.
Природа вырвалась из сна,
Осуществляя акт творенья.

И в эти дни не избежать
Мне памяти о вёснах прежних,
Когда хотелось мир обнять
От полноты звенящей вешней.

И было детство без забот,
Казалось, всё вокруг смеётся,
И набухает, и цветет,
И просто радуется солнцу.

А позже так рвалась она
К нам через окна классов пыльных
И, чуть уроки не сорвав,
Манила зеленью и синью...

И в память врезались они,
Мои студенческие вёсны,
Москва и солнечные дни
Восьмидесятых-девяностых.

И нам по двадцать, и журфак,
И скоро уж сдавать зачёты...
И веришь – вечно будет так,
По принципу круговорота...

Но жизнь нельзя затормозить,
И с каждым годом ближе старость...
Всё больше поводов грустить,
Всё меньше времени на радость...

И всё ж мы каждую весну
Готовимся привычно к чуду.
И может, в этой жизни суть:
Я был, и есть, и снова буду...

ВЫСОЦКИЙ В ЗАГРОБНОМ МИРЕ

Ему не случилось на этой земле
Допеть, долюбить, дописать.
Ушёл в запределье на тысячу лет,
Но голос прорвётся опять

Сюда, где еловые лапы дрожат
И стелют влюблённым поля,
Где книжные дети витают в мечтах
И выверен курс корабля.

Не верьте – земля не могла умереть,
И горы на месте стоят.
Пусть он не из боя, но смог долететь
До солнца, что движется вспять.
Разрушить сто замков, разбить сто оков
Да к Богу успеть заглянуть,
И дом свой хрустальный построить из слов,
И золотом вымостить путь.

Ему до последней черты, до креста,
Но надо дорваться до звёзд.
А что в этом мире не смог дописать,
Допишет чудной алконост.

АЛИСА

– Господи, где же ты? –
Я выкликаю имя. –
Вспыхни из темноты
Искрами голубыми.

Господи, подскажи,
Есть у меня вопросы:
Как на миру прожить
Мне, не роняя слёзы?

Чтобы не без гроша,
Были здоровье, силы,
Чтоб хоть одна душа
Просто меня любила...

Господи, помоги,
Надобно лишь включиться.
Теста на пироги
Выдай рецепт, Алиса!

* * *

*Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей...*
О. Мандельштам

Я – такая. Примите меня
И не требуйте больше, чем нужно.
Жаром трепетной ласки огня
Растопите сердечную стужу.

Полюбите меня за стихи
И за то, что на вас не похожа,
И за мелкие эти грехи,
Ведь у каждого есть они тоже!

Умоляю: возьмите в свой круг,
Закружите на празднике вашем,
Чтоб напитком из встреч и разлук
До краёв я наполнила чашу.

И не будьте жестоки ко мне,
Как сама я жестокой не буду.
Не судите о мнимой вине –
И, быть может, содеется чудо!

И тогда, как волчица, легка,
За любимым умчусь я свободной,
Запалив сердцевинной цветка
Вам костёр для звезды путеводной.

НЕТ

Нескромно звание «поэт»:
Раз не пишу стихов заумных,
Мне места трепетного нет
Среди тусни литературной.

Нет продвиженья и у книг:
Не блогер я – властитель мыслей,
И всех подписчиков моих
По пальцам можно перечислить.

Не замужем и не худа,
Люблю без дела поваляться.
А коли так, привет деньгам:
Одни коты – моё богатство.

Так можно долго вспоминать,
Перебирая жизни факты,
Чем я была обделена,
Но то, что есть, не взять обратно.

Сергей ШИЛКИН

Сергей Васильевич Шилкин родился 29 марта 1954 года в городе Салавате. Окончил Ленинградский технологический институт имени Ленсовета. Издавался в различных поэтических сборниках в России и за рубежом, стихи печатались в журналах и альманахах: «День и ночь», «Крещатик», «Slovo/Word» (Нью-Йорк), «7 искусств» (Ганновер), «Плавающий мост» (Аугсбург), «Журнал ПОэтов», «Простор» (Алма-Ата), «Невский альманах», «Особняк», «Сура», «Дарьял», «Южная звезда» и др.

ОРКЕСТР

Во саду живёт жучок –
из хитина пиджачок.
На дубовую скамью
вывел он свою семью:
Жужу, жукову жену
(цветом схожа на луну).
Рядом карапузики
вверх топорщат усики.
Начал жук считать до ста –
все расселись по местам.
Кто поёт, а кто хохочет.
Мамка крыльями стрекочет.
Замечательный биг-бэнд
в репетиций уикенд.
Жук мечтает, чтоб инвестор
взял их в свадебный оркестр.
Это всё бы ничего бы,
но куда уйти от злобы –
за кустом мелькнул кошмар.
То крадётся «дуремар».
Форм живых переработчик
собирает в коробочек,
чтоб воздеть на needles¹,
насекомий Beatles.

¹ Needles (англ.) – иглы.

НОСТАЛЬГИЯ

Я помню жуткий отсвет стёкол –
Заря пылала цветом свёкол.
В Афгане бились «шурави»².

А в Вашингтоне Энди Уорхол³
(Соцреализм его не «торкал»)
Ваял свой «супчик на крови».

Соцреализм меня не трогал –
Ташился я от «Харум Прóкол»⁴
Иль если был в оркестре сакс.

Хотелось жить тогда «как надо».
Тянула нас к себе Канада.
Я потянул невесту в загс.

В чащобе филин ухал, ёкал.
Мне душу нерв эпохи дёргал.
А с речки веял «холодец».

Нас накрывал «бабайный ёкор»⁵...
Моей жены подъехал свёкор.
Ей свёкор, значит мне отец.

Душой он был прочней каната.
Сказал: «Вам не нужна Канада.
У нас ведь лучший чернозём.
Рубль крепче доллара, маната.
Канад для счастья вам не надо»...

Я понял – прав он был во всём...

Те дни как будто как сегодня,
Хоть лет промчалось, может, сотня.
А от другого – угольки.

Досталась жизнь мне подходящей,
Чем всем другим. Но – раб Господний –
В петле я нынче ностальгий.

² Шурави (афг.) – друзья; советские солдаты в Афганистане.

³ Энди Уорхол – американский художник-авангардист сла-
вянского происхождения (60-х–70-х годов); известен живо-
писной рекламой томатных супов «Кемпбелл».

⁴ «Прóкол Харум» – британская рок-группа 60-х–70-х гг.

⁵ От «ёкарный бабай».

Печальный груз мне лёг на плечи:
«Кого уж нет, а те далече»¹...
Мне, память, душу не трави!

Былого образ безупречен.
Укор ему мной здесь не встречен.
Кто нынче жив из «шуравí»?

ВОЗДАНИЕ

Видать, по дури я восстал!
Вернул за доброе хулю.
И взвился бешеной юлою,
Чтоб влезть на ложный пьедестал...

Что можно было, я в уставе
Нарушил, убежав в Руста́ви.
Ночами крался в Наири́.
(Вдоль трассы тлели фонари.)

Увы, Судьба – не Дама Блока,
В меня уж целится из «глока».

Должно́, в грехах своих я вызрел –
Из-за кустов раздался выстрел.

Я крик отчаянья издал.
От боли крутит болт в суставе...

Так Он, как Главный по «Заставе»,
мне за грехи мои воздал...

РЕКВИЕМ

Памяти поэта А. Вдовина (Друидыча)

За окном идёт снежок.
Кто-то звякнул в дверь.
Я к глазку, а там Сашок –
Хоть глазам не верь.

Я с испуга обронил:
– Саня, ёшкин кот!
Я ж тебя похоронил –
Скоро будет год.

– Отпустили на запой.
Вот, принёс коньяк.
Нет, так выпьем мы с тобой
Водки, на крайняк.

– Водку я не пью давно.
Барахлит «щиток»².
Разве красное вино,
Да и то чуток.

С позывным «Дикообраз»
Воин – дроновод –
Молча выпил в этот раз
Водки десять «квот».

Я с досады, что не пью,
Выдавил упрёк:
– Ты почто себя в бою,
Саня, не сберёг?

Он ответил без обид,
Принял хоть лишка:
– Мне за то, что я убит,
Дали «мужика»³.

И меня не назначай,
Слышишь, дурачком!
Просто выпал невзначай
«Броник» мне с брачком...

Темень мир заволокла,
Полночь на часах...

За окном колокола
Плачут в Небесах...

² «Щиток» – щитовидная железа.

³ «Мужик» (воен.) – солдатское название ордена Мужества.

¹ А. С. Пушкин.

БРАЗИЛЬСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Когда царил олигархат,
Сплеталось кружево аркад,
Совсем как в нашем Петергофе.

В крови́ рождалась «шер нова́»¹.
Веков прошедших жернова
Смололи беды в терпкий кофе.

Страна Бразилия юна –
Хоть в ней иной раз и видна
На лицах благостная старость,
Но «отдыхают» сборки ТВЭЛ,
Когда у жителей фавел
Вскипает праведная ярость.

Беги и лиха не буди,
А если встретишь на пути
Толпы танцующей «армаду»,
Ты их традицию почти²
И обязательно прочти
Великолепного Ама́ду.

Не прячь тома на антресоль –
Найдёшь ты в этих книгах соль
Непостижимости Акка́да.

Писал душой он по уму –
Не зря же «Нобеля» ему
В Стокгольме выдали когда-то.

Парит Христос (над Инь и Ян)
Над царством диких обезьян
В просторах тёмных древней сельвы.

В ней встретив ярого кота,
Поверь, дружище, никогда
Ты с ним не сможешь сделать селфи...

БУРАТИНО

Жил в подвале дед у Клязьмы,
Часто мучился от язвы.
Как-то раз возьми и слямзи
Сук (хоть ведал про УК).

Сшив бумажную манишку,
Прикупив на торге книжку,
Карло выстругал парнишку
Из кленового сукá.

Тот стал яростно «зелёным»,
Крепким, в битвах закалённым.
Неспроста в родстве он с клёном.
И дожил до «семь по семь».

Но скрутила вдруг рутина –
Маслом писана картина...
Возмечтал наш Буратино
Про лазурный иноземь.

И покинул Ойкумену
По «культурному обмену»
(Захотелось перемену
Щей на суп из потрохов?),
Обретя Шенгена визу
По бессрочному ленд-лизу...

Встретил Васю он и Лизу³
Там, на Поле Дураков...

¹ Шер нова (фр.) – дорогая (новая) звезда.

² От «почитать», «уважать».

³ Базилио и Алиса – олицетворение мошенничества на доверии.

Сергей КОРЫТИН

* * *

Подталый снег. Начало марта.
К нам скоро прилетят грачи.
Из лужицы напьётся галка.
И дружно потекут ручьи.

Наполнят реку силой грозной,
Ломая лёд, уйдут на юг.
И там волною осторожной
Коснутся чьих-то нежных рук.

* * *

Последний снег,
Что давний грех,
Едва заметен
В старом парке.

Забытый,
Непрощённый грех
Саднит и множит
В сердце ранки.

АПРЕЛЬ

Лёд ещё не растаял.
У берегов лишь вода.
Чайки расселись стаяй
На середине пруда.

Ждут не дождутся часа,
Когда вихревой их взлёт
Вздыбит и искромсает
Последний весенний лёд.

ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ

Земля наплатала соком
Деревья, травы, кусты...
Русь сокровенным оком
Зрит на Голгофе кресты...

Идёт Страстная седмица.
Великий четверг бытия!..
В церкви читают страницы
Святого Евангелия!..

* * *

Вышел сеятель сеять...
Лк. 8:5

Почки проклюнулись утром на иве.
Шьют мастерицы багряный стихарь.
Ждут напряжённо бескрайние нивы,
Когда зазвонит пасхальный звонарь.

Сеятель выйдет... Янтарное семя
Щедро рассыплет в лазурных полях...
Может, с пшеницей небесное время
Заколосится и в наших сердцах?..

* * *

Самая первая зелень,
Что желторотый цыплёнок,
Таращит на мир глазёнки!..
Восторг её неподделен.

Ни власти, ни денег не просит.
Не нужен ей Интернет.
Но кто ей в глазёнки посмотрит,
Узрит нетленный свет.

* * *

Снова весна.
Снова листья на ветках...

Откуда явились?..

Роща дерев,
В чёрную землю
Корнями вцепившись,
Как это чудо
Рождает на свет?..

Кто повелел?..
Какие насосы
Соки качают
Из толщи земли
И поднимают наверх,
Где в берёзах
Птицы небесные
Гнёзда свили?..

Бог повелел!
Бог так устроил!
Всё, подчиняясь,
Живёт только Им!
И лишь человек,
Выбиваясь из строя,
Думает, будто бы
Он господин...

Этой Земли
И этой Вселенной!..
Этой весны!..
Цветов на лугу!..

И, забывая
О жизни нетленной,
Падает в грязь
На каждом шагу...

* * *

Колоколенка,
Колоколенка
Что игрушечка
В Божьей руке.

Зацветает в лесу
Смородинка.
И играет
Рыба в реке.

Колоколенка,
Колоколенка.
Колокольчик
В поле звенит...

Прилетает ко храму
Горlinka,
А народ...
В Интернете сидит.

* * *

Земля потрескалась от жары,
Трава в канаве пожухла,
Дождика не было с той поры,
Когда забрезжило утро.

Утро не в смысле начала дня.
Утро – «Пасха в пригоршне!..»
Сорок дней не видали дождя,
И даже заплакало солнце.

Я слышал: в поле рыдало оно!..
Рыдало – горько и долго!..
И вторили солнцу в пашне зерно
И святорусская Волга!..

КАПРИЗЫ ИЮНЯ

Текуч, переменчив воздух!..
Вчера ещё было тепло,
Роскошно зацвёл подсолнух,
А ныне от снега бело.

Не так ли быстро «погода»
Меняется в душах людей?..
А воздух и вся природа –
Лишь зеркало наших страстей!

* * *

Земля родная напитает,
И вразумит, и вдохновит!..
А лучше лишь просторы рая!..
Но кто теперь на них глядит?..

Всё больше смотрят в телевизор,
Всё глубже лезут в Интернет,
Не замечая, что их ризы
Порабощает серый цвет.

Блажен, кто думает о рае
И жизнь свою сверяет с ним!..
Такой себя не растеряет
И в Царствие войдёт живым.

* * *

Справа – поле.
Слева – поле.
Рожь, пшеница
И овёс.
С четырёх сторон
Раздолье!
Хоть и кончился
Колхоз.

Пашут, сеют,
Убирают.
Жив ещё
В селе народ.
Илью Муромца

Встречаю
На дороге
Каждый год.

Он обходит
Поле утром,
Видит
Каждый колосок,
По-старинному
Премудро
Просит, чтобы
Бог помог.

Чтоб помог
Овсу, пшенице
И всему
Успеть созреть,
Чтоб летали
Пчёлы, птицы
И могли бы
Песни петь...

НА МАЛОЙ РОДИНЕ

*Посмотрите на нивы, как они
побелели и поспели к жатве.
Ин. 4:35*

Поле ржаное... Ячменное поле...
За горизонтом – другие поля...
И там созревает пшеница на воле...
И там тоже наша родная земля...

И кажется мне, что центр мирозданья
Именно здесь, среди этих полей,
Что именно здесь преддверие рая...
А эти колосья – души людей.

И Бог где-то рядом внимательно смотрит
На нивы пшеницы, ржи, ячменя...
И мысль о Суде души в трепет приводит.
И сердце взывает: помилуй меня!

ГВАРДИИ ЗЭКА

ЦИКЛ: «РОСТОВ – ГЛАВНЫЙ»

Игорь ДОНСКОЙ

Игорь Валерьевич Бычихин (Игорь Донской) родился 1 мая 1964 года на хуторе Персиановский Ростовской области в казацкой семье.

В 1983 году окончил Новочеркасский строительный техникум. В том же году был призван на срочную службу в ряды ВС РФ. В 1988 году окончил Ульяновское высшее военное техническое училище. Проходил военную службу в РВСН, КВ, ПВО. Уволился подполковником в 2013 году. В настоящее время – военный пенсионер.

Писать начал в 2006 году в Минском военном госпитале, после среднеазиатских командировок. Издавался в журналах «Дон», «Александръ», альманахе «Гражданин», многих газетах. Часто проводит творческие встречи в больницах, госпиталях, рабочих и крестьянских коллективах. Пишет народным стилем для своего народа.

Для меня железнодорожный вокзал Ростова – знаковое место. Место встреч, разлук, томительного ожидания... Место разрушенных надежд. Место встречи с Родиной после долгой чужбины.

Поздняя донская осень. За бортом неторопливо моросит тихий дождь. Серое, низкое небо. Я – на железнодорожном вокзале моего любимого города. Приезжаешь после долгой чужбины домой, выходишь с платформы в город – и огромные синие буквы «Ростов-на-Дону» греют душу.

Сегодня – другой случай. Встречаю товарища. Терпеливо жду поезда.

Огромный красавец – вокзал прифронтового города. Города-солдата, города – защитника России. Так было и в Первую мировую, и в Гражданскую, и в 1941, и в 1943 годах, ког-

да в старом здании вокзала держали оборону защитники города. Так было в Чеченскую войну и в эту...

Группы военных снуют по вокзалу: кто в отпуск, кто на фронт. Кто-то едет с радостью, у кого-то пустые глаза. Особое место – инвалиды-ампутанты. Едут домой после госпиталя, точнее, их везут на инвалидных колясках, часто без конечностей. Слово-то какое тяжёлое – «конечности». А это потерянные руки, ноги... Руки кормильца, ноги, которыми можно оттолкнуться от земли. Можно было...

Опущенные в перрон глаза, жёлтые лица с гримасой боли, страшное зрелище и запах... Кто лежал в госпиталях месяцами, на всю жизнь запомнит этот запах – он выворачивает тело от дикого страха и тяжёлой болезни. Это неповторимое сочетание от лекарств и разлагающейся плоти. Его никогда не забудешь, даже если повезёт и ты станешь богатым и успешным, что в России уже маловероятно...

А ещё сильного человека убивает его беспомощность и инвалидная коляска. Хочется встать, откинуть эту чёртову коляску подальше и сделать первый шаг. Самостоятельно.

Иду по вокзалу. Воспоминания в голову нахлынули. Тяжело. Живём как пьяные, и от страха прошедшего, и от фантомной боли.

– Поезд Адлер – Нижний Тагил прибывает на пятый путь, – объявляет приятный женский голос диктора.

Спускаюсь на платформу на лифте. На погоду ноют зажившие переломы на ногах. Больно. Стою, жду поезда. Опять пошёл мелкий дождь, погода как бы плачет. Позади слышу бодрый и уверенный голос, кто-то разговаривает по телефону:

– Да, корешок, еду домой. Да, с госпиталя. Клешню оторвало. Нет, не на кухне воевал. В штурмах. Два месяца, и то повезло. На противопехотку германскую наткнулся. Если бы был в берцах – оторвало бы ногу. А так – только ступню. Да, помяло слегка. Да сутки ещё полз.

И всё это на грамотной, если можно так сказать, на классической фене. Я даю читателю литературный перевод.

А я такую феню слушал лет сорок назад в Новочеркасске, там раньше так старые сидельцы разговаривали, уважаемые, кстати, в народе. Сейчас такого нет.

Оборачиваюсь. Крепкий санитар из службы сопровождения толкает инвалидную коляску с красным крестом. В ней сидит мужчина лет пятидесяти.

На левой ноге, где должна быть ступня, огромная повязка. Всё ясно. Инвалид возвращается из госпиталя домой или едет на протезирование.

Больше всего поразило его лицо – чисто русское, со светлыми волосами и огромными серыми глазами, но взгляд спокойный. Будто он не инвалид-ампутант, а так, случайно ногу подвернул. А завтра он встанет и опять пойдёт по жизни спокойно и уверенно.

– Ничего, съезжу домой, отдохну – и снова в часть, в гвардейскую бригаду, и им за всё заплачу...

Прибывает поезд. Немногочисленные пассажиры покидают вагон.

Вместе с товарищем помогаю санитару перенести коляску в вагон. Взгляд останавливается на наколочках бойца. Из иконостаса выделяется 105-я статья¹.

Да, бойца. Бойца за Россию, бойца за Родину, который не убежал, не спрятался, а с оружием в руках защищает нашу страну. Не забежал за бугор за сладкой жизнью через Верхний Ларс, не прикрылся липовым военным билетом с купленной болезнью, не отмазался по своим специфическим правилам и понятиям, а пошёл на фронт и там не на кухне подъедался.

Сказал ему:

– Да куда ты без ноги? Дома сиди, без тебя пацаны победят.

Зыркнул на меня зло:

– Ты что, братан? Вон лётчик Маресьев в ту войну на истребителе воевал на протезах и немцев бил, они сейчас на нас опять пошли, а я дома буду на печке сидеть? А у ополченцев в инженерном батальоне на машине разграбления пацан-шахтёр воюет, вообще без

¹ 105-я статья УК РФ – словно 102-я «мокрая» статья. Умышленное убийство.

ног, и ничего. Мне только ступню оторвало. Так что повоюем ещё. Да и ответочку надо прислать. Подельника моего наёмники на куски порубили, раненого до смерти замучили. Ответят они мне за это. Да и берега я попутал¹ слегка. Хотя я свою Родину защищал. Перед гражданином начальником на цырлах² не скакал, никого не предавал. Воевал честно.

А война закончится, в монастырь пойду. Грехи замаливать буду. Грешен я дюже, грешен. Много грехов за жизнь накопилось.

Через пару месяцев было мне видение.

Настолько очевидное, что раскалённое солнце пустыни било мне в глаза, а сильный ветер швырял песок в лицо.

Гора Голгофа. Жаркий полдень. Три креста группой. И один – чуть поодаль.

В центре на кресте распят Иисус. МОЙ ИИСУС. Измученное лицо в лике смерти – земной смерти.

По флангам, на крестах, два распятых разбойника. Димас злословит, а Дестас покался и просит о спасении души.

На четвёртом, дальнем кресте – тот солдат из поезда. На кресте распят. На кресте Вараввы. Под оторванной ступнёй застыла чёрная лужа накапавшей крови.

Чуть поодаль креста, под ним – зарезанные финкой по горлу два разбойника, наёмника. Это они убили кореша солдата, значит, на куски порезали. Отомстил солдат, отомстил. Не будет им прощения, этим наёмникам, на нашей земле. Не будет.

И лицо моего солдата, распятого на кресте, крупным планом. Спокойное лицо. С русыми волосами и огромными серыми глазами. Как у Спасителя. Смотрит в небеса... Покаялся. Его душа спасена.

– Господи, прости нас, грешных.

6 января 2026 года.
Рождественский сочельник.
Станица Злодейская, нижний
Дон. Мой «тихий Дон»

¹ Берега попутал (феня) – здесь: изменил принципам в одном отдельном обществе.

² Скакать на цырлах (гутар) – значит унижаться и пресмыкаться перед начальником. В быту цырлы – это ходули.

РЫЖКА

ЦИКЛ «ДОНСКИЕ РАССКАЗЫ»

*Солдатам и офицерам
Русской армии посвящается.*

Осень.

Нижний Дон, станица на Задонском тракте.
Сельская районная больница.

За окном идёт дождь, третий с апреля месяца. Пожилая нянечка моет полы. Больных почти никого, время позднее. Так доктор хирург назначил. Занят он сильно: и операции, и приём, и отделение на шее камнем висит. Да и такие, как я, «случайные пассажиры».

Нет возможности сейчас лечиться в госпитале, да и как пацанам-ампутантам в глаза смотреть? Здоровый дед с руками-ногами и они, покалеченные в боях за Родину. Мне

стыдно. Вот и нашёл через общих знакомых сильного врача-хирурга, чтобы он сделал обезболивающий укол в сустав. Сижу, жду, когда освободится доктор.

И вот тут и появляется главный герой моего рассказа: идёт по коридору, хромает, опираясь на палку, и рука переломанная торчит. Руку держит, как галка скачет с перебитым крылом. Мобилизованный сержант, артиллерист. Длиннобудый¹, худой, с суровым взглядом. Чем-то похож на бирюка², зажатого на дне балки³ охотниками. Подошёл.

– Вы крайний к доктору, отец?

– Какой я крайний? Ты защитник Отечества и пораненный вдобавок. Вперёд, сержант. Не спорь со старшим по званию.

На Дону ещё работает базовая система уважения старших и военных.

– Спасибо, отец. Мы вот с Рыжкой (это кошка) на перевязку. Пораненные оба. Она осколок, предназначенный мне, на себя приняла.

Расстегнул целой левой рукой пуговицы защитной куртки. Высунулась рыжая мордочка кошки. Осторожно достал её из-за пазухи. Левый глаз вытек, тело перебинтовано, нога правая задняя ампутирована. Сердце сжалось от боли. Одно дело, когда люди страдают, другое – когда беззащитная животинка⁴...

– Нет сейчас толкового ветеринара в районе. В Батайск поехал в клинику, а там врачи о чём. Могу, говорит, помазать зелёнойкой и усыпить. Как друга усыпить? А толковый врач только в Егорлыкской, это далеко. Рука больная, за рулём машины находиться не могу. Вот доктор и перевязывает сейчас и меня, и Рыжку. Вы, отец, не побрезгуйте – Рыжка реально жизнь всей батарее спасла, заслуживает районную больницу.

Вот рассказ Сергея, как зовут моего старичника, слово в слово:

– Я призвался осенью 2022 года. Попал в артиллерию, ещё срочную в ней служил. Дома жена, две дочери, родители. Хозяйство боль-

шое – быков на откорме держал. Хотя и работы много и тяжёлая, жили хорошо, и материальный достаток хороший. А тут война... Пошёл без особой охоты: ну надо – значит надо. У нас все мужчины в роду воевали. Дед – танкист, Прагу брал. Отец в Афганистане воевал. Вот и моя очередь пришла, значит, страну прикрыть грудью, как щитом, от басурманов и нацистов.

Как я воевал? По-разному. И мы били, и мы потери несли. Тоска по семье, правда, всегда сильная. Но умереть в бою не боялся, лишь бы не инвалидом вернуться и в плен не попасть.

Это лето на Донбассе жаркое было, засуха и поля незасеянные. Вот и попёрли полёвки голодные в наш блиндаж. Грызут всё, портят, да и противно дюже⁵. Вот когда собрался в ближайший тыл за продуктами, комбат⁶ и поставил задачу – без кошки-крысоловки не возвращаться. Приказ есть приказ.

Ближний тыл недалеко – недавно освобождённый нами шахтёрский посёлок, а вот добыть кошку – проблема. Нет ни котов, ни кошек. Обратился за помощью к местным товарищам. Они возле пивнушки околачиваются, на опохмелку стреляют: «Это, мил человек, проблематично. По ним, значит, нацики стреляли из автоматов, как по живым мишеням. Стрелковую подготовку улучшали, вот и выбили почти всех...»

Тут один местный инициативу проявил: «Две полторашки самогона, а лучше денегами, сам куплю. Рыжка зовут. Мышей и крыс ловит...» Согласился. Через полчаса прибежал, запыхался. Сунул мне в руки тяжёлую коробку, взял деньги и исчез, как анчута⁷.

Открыл коробку, а там кошка рыжая и четверо котят молоко сосут. Маленькие, недавно глаза открыли. Одна кошечка – вылитая мать, такая же рыженькая. Понял, значит, смысл поговорок «кот в мешке». Не выкидывать же... Но комбат даже похвалил, а старшина дюже обрадовался, говорит: котята вырастут, бизнес откроем. Другим подразделениям в аренду сдавать будем.

¹ Длиннобудый (гутар) – высокий.

² Бирюк (гутар) – волк.

³ Балка – неглубокий овраг в степи.

⁴ Животинка (гутар) – домашнее животное.

⁵ Дюже (гутар) – очень, сильно.

⁶ Комбат – здесь: командир батареи.

⁷ Анчута (гутар) – чёрт.

Так Рыжка и стала хозяйкой блиндажа. За ночь с десятков мышей-полёвок отлавливала. Так и жили мы, служили не тужили. А через месяц произошёл случай, для чего, наверно, и было главное предназначение Рыжки на этой грешной земле: всю ночь тревожно мяукала, спать мешала, а рано утром стала котят в зубах из блиндажа вытаскивать. Комбат как увидел, скомандовал: «Все наверх, быстро!» Через пять минут – артналёт. Кучно били. Три снаряда – один прямо в блиндаж.

Как она это всё учуяла? Не знаю. Жизнью мы ей обязаны. А через неделю мне в отпуск очередь подошла... Комбат и говорит: «Отвези Рыжку с котятами в тыл. Негоже животному рисковать на людской вражде. Не её это война, не её. Да и спасла она жизни личного состава батареи – обязаны мы ей. Пусть живёт среди людей, а не здесь, на войне. Да, там котёнок есть, её копия, маленькая Рыжка, возьми её домой, как война закончится, семье её отвезу. У меня маленькая дочь любит котят».

Рано утром пришла машина за бригадой в тыл. Сел в неё со всем семейством – и домой. Рыжка за пазухой пригрелась. Котята изводят её, грудь сосут, так что в коробке ей не место. Только до дома не доехали. Через пару километров «птичка» прилетела, начала кружить. На большой скорости машина «схватила» обочину, а там мина противотанковая.

Очнулся уже в госпитале от грозного визжащего голоса: «Эту тварь рыжую уберите, а раненого на стол, быстро! Кровью истечёт!» Нашёл глазами толкового санитаря и ему: «Ты, браток, о кошке позаботься, она мне жизнь спасла, а я тебя не забуду, отблагодарю по-царски».

Они с фельдшером Рыжку с того света и вытащили.

Оклемался я трошки в больничке, сделал документы на ранение и домой с Рыжкой приехал. Когда мне её в палату принесли, прижал её к груди и плакал, не стесняясь. Глаз у неё выбит, лапу ампутировали, и несколько рёбер удалили. перевязанная вся, она мой осколок на себя приняла... Вот сейчас в отпуске после ранения...

Главный вопрос насчёт судьбы котят я не задал. В конце разговора Сергей, опустив глаза, сказал виновато, с дрожью в голосе:

– А котят больше нет. Комбат послал людей на место подрыва. УАЗ на боку лежит. И вороны коробку из-под котят расклёвывают... Клювы в крови...

После процедур мы спустились вниз, обменялись номерами телефонов. Обнял его по-отцовски на прощание:

– Воюй, сержант! Возвращайся живой, с Победой!

– Вернусь.

Стоял и со слезами на глазах провожал двух инвалидов, не пожалевших своего здоровья ради Родины, своих товарищей, земли Русской – матушки, Дона-батюшки, кто бы мне об этом чего ни говорил, на таких людях страна и держится, с этого и начинается Родина, никем и ничем не сломленная...

ЭПИЛОГ

Обычно в военных рассказах я не люблю писать эпилог. Война – страшная вещь, а я реалист, жёстко стоящий на земле. Как бы меня ни сбивали, я вставал шатаюсь и, крича от боли, делал первый шаг, какой бы трудный он ни был.

Как всегда, неожиданный звонок ночью:

– Дядя Игорь, это Сергей. Да, нормально всё. Да, воюю. Радость у меня маленькая и горе. Рыжку-котёнка нашёл, живую и здоровую. На третий день после подрыва пацаны с рембата¹ прибыли, с УАЗа двигатель с коробкой передач сняли и котёнка нашли, забился в моторный отсек, шипел и в руки не давался. Еле поймали. Это Рыжка маленькая была. Сейчас на ремонтной базе мышей ловит. Я за техникой приехал после ремонта забирать, а она меня увидела, сразу на руки и замурлыкала, жалобно так, как заплакала. Узнала сразу, хоть и маленькая была. Необъяснимый случай. А пацанам наказал котёнка беречь, как комбат приказал. После войны отвезу её семье комбата. На память. Погиб капитан... Погиб.

¹ Рембат – ремонтный батальон.

ВСЁ ПОБЕЖДАЕТ ЛЮБОВЬ

Яков ШАФРАН

Автор десяти книг прозы и поэзии. Лауреат всероссийских литературных премий: «Левша» им. Н. С. Лескова, «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, литературной премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного, лауреат «Российского писателя» (2023). Его имя внесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность» и в биографический словарь «Писатели земли Тульской». Публикуется во многих изданиях. Ответственный редактор-секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег». Член Академии российской литературы, Российского союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Член Тульского областного общества «Знание». В данное время не работает. Живёт в г. Туле.

Иллюстрация: art_arta, источник: otvprim.tv/news

Будь проклята эта европейская цивилизация, если для сохранения её необходимо сдирать с людей кожу.

Ф. М. Достоевский.
«Дневник писателя»

С низко нависшего серого неба моросил мелкий дождь. Был ранний октябрь, и угасающие листья всей разнообразной жёлто-красной палитры ещё довольно прочно держались вокруг на поникших ветках озябших деревьев. Под ногами на асфальтовой дорожке хлюпала жидкая грязь. Впереди в большом ольховом кусте суетливо возились уже практически повсеместно исчезнувшие воробы.

«Странно, – уныло подумал Дамир, – почему-то именно только здесь я их всегда вижу...»

Настроение, как и всё теперешнее состояние ума, души и тела, было отвратительным. Почти пять дней и ночей он с друзьями юности беспросыпно отмечал день рождения Стёпы, своего холостого друга. Да...

Дамир работал обычным менеджером, или, по определению некоторых недоброхотов, менеджером, по прямым продажам в одной солидной фирме. Главная задача его – заряжать, мотивировать, подталкивать потенциального клиента к покупке требуемого оборудования исключительно у них, а не у других того же профиля компаний, каких на рынке города имелось достаточно. Таланта у него на это – по благословию свыше,

как думал Дамир, а может и от лукавого, – хватало. Основная зарплата была сдельной, отсюда постоянное напряжение, стрессы, страх не получить необходимый доход и оставить жену и детей без более или менее достойной в глазах многочисленных окружающих их друзей и знакомых жизни. Кроме того, работа менеджера всегда возбуждала оскорбительное недоверие у вышестоящих, что тот, мол, вороват, если есть удовлетворительный результат, а когда нет – вызывала подозрение в возможном сбыте конфиденциальной информации конкурентам; а у нижестоящих в первом случае – чёрную зависть, а во втором – неприкрытое злорадование.

Как достали эти химеры безнравственных умов Дамира! Потому он даже обрадовался приглашению Степана. И если время от времени погружался в пьяное забытие, ловил себя на внутреннем желании на по возможности более длительный срок отключиться от осточертевшей ему реальности. Не думая больше ни о чём...

Покутили они хорошо. В первый день, в субботу, всех угощал, естественно, именинник. А потом... они продолжали пить в складчину. Кто-то из друзей потихоньку отчаливал домой. В последние два дня оставались только Стёпа и Валера с Дамиром.

Когда уже все темы для пьяных разговоров исчерпались, Степан нетвёрдой рукой включил компьютер. И удачно. В интернете демонстрировалась какая-то весёлая гулянка. Мелькали лица известных в распространённых соцсетях и поп-культуре личностей, в основном в неглиже, почти в чём мать родила – в исподнем или насквозь прозрачных, в обтяжку «одеждах». А были и такие, кто поверх них надел бриллиантовые украшения на миллионы рублей. Чуть позже появился гость «в одном носке» на гениталиях.

Пронеслись мысли у Дамира: «И это во время войны... Да и в чём “великий смысл” этого действия?» Но они быстро растворились в пьяном дурмане и игривом смехе друзей-собутельников, хохоча указывающих пальцами на тощую задницу одной «героини», оснащённую ярко сверкающими бриллиантами и изумрудами; на другую участницу, скачущую в кружевном белье, на жирный голый живот третьей и на

пляшущего в открывающей взору всё сетке их партнёра.

В общем, повеселились...

И вот он шёл теперь, после многосуточной «потусторонней» жизни, сказать «измождённый» – не сказать ничего, полностью разбитый. Во рту его, как говаривал дед-кавалерист, конный эскадрон ночевал, голова, казалось, стоит только дотронуться, расколется, будто спелый арбуз, каждый шаг давался с большим трудом и сопровождался сильной внутренней дрожью в теле. Дамир апатично исподлобья оглядывал всё вокруг. Поднять глаза, взглянуть вверх было трудно. Мысли тяжело ворочались в уме, хотя всё кружилось перед ним, сердце как набатом стучало. И постоянное чувство собственной вины тяготело над ним.

И немудрено. Ибо отсутствие в течение трёх будних дней на работе, к гадалке ходить не нужно, приведёт к его увольнению. А дома жена, дети... Деньги какие-то, конечно, есть, но они имеют плохое свойство быстро кончаться, если не добавлять новых. А в другую фирму с достойной зарплатой не так-то легко и скоро можно будет устроиться с нынешним, и до того не слишком-то хорошим, реноме – всё владетельное начальство ведь связано друг с другом...

Навстречу Дамиру ехал инвалид-колясочник в военной форме, но без погон. И без ног. Дамиру так не хотелось возвращаться домой, где предстояло тяжёлое объяснение с женой, тем более в его теперешнем состоянии. Поравнявшись с колясочником и остановившись, он решил поговорить с этим человеком.

– Кури, – проговорил он, протягивая тому раскрытую пачку сигарет. – Меня Дамиром звать, а тебя?

– Виктором, – ответил тот, беря крепкими пальцами сигарету.

– Где потерял? – спросил Дамир.

– Там...

– Ну что делать... Стремился заработать, никто не виноват, – произнёс Дамир.

– Нет, всё не так, – довольно спокойно сказал Виктор, видимо, уже привыкший к подобным речам. – Я пошёл, потому что русским нужно отстоять себя, право жить как мы хотим.

Не получилось мирно – придётся драться! А потом кто знает, вот жители курские не думали не гадали, что лютый враг придёт к ним и будет творить такое в их сёлах и городах. Моя семья живёт на Орловщине, и, воюя там, я защищал и своих родных. Притом надоела эта болотная жизнь, превращающая в жалкого слизняка, захотелось остаться мужчиной. И кроме того, дети... Наступит время, спросят любимого папу, где он находился и что делал в те годы. А что касается денег – ну платят и платят, наши бойцы не обогащаются на этом, семьи же должны на что-то жить, тогда как мужья и отцы воюют!

– Понял... – промолвил Дамир.

– Вот и сейчас, – продолжил Виктор, – пока мастерят мне протезы, мои существуют на те деньги. Как только сделают, стану трудиться по своей специальности.

– Пойдём, Виктор, посидим немного в кафешке, а то тяжело мне... отметим знакомство... поговорим... – пробормотал Дамир, которому действительно было тяжело.

– Ну что ж, пойдём, вернее, ты пойдёшь, а я поеду, – усмехнулся новый знакомый, видевший состояние его собеседника и по фронтовому чувству локтя решивший помочь.

– А ты как? – спросил он, когда они разместились в кафе.

Дамир взглянул на Виктора. Тот приглянулся ему – по виду сверстник, да и по речи образованный. И, купив выпить и холодную закуску, стал рассказывать о произошедшем с ним в эти дни и о том, чем то грозит, но вдруг остановился. Он спохватился, что говорит это человеку, вырвавшемуся чуть живым из сущего ада и перенёсшему и не снившееся Дамиру...

– Расскажи, что с тобой случилось. Как это? – Он посмотрел туда, где под столом должны были быть ноги.

Мрачная тень легла на лицо Виктора. Он хотел уже отказаться от рассказа, но представил, сколько вот таких живёт, будто нет страшной войны, нет гибели, проливающейся крови, слёз матерей, жён и детей, живёт, беспечно наслаждаясь мирной жизнью и тратя её на легкомысленные и суетные развлечения... И Виктор начал своё тяжёлое повествование.

– Я стал воевать в Курской области вскоре после их внезапного нападения. Потом пришлось возвращать Русское Поречное. Видел всё... Волосы вставали дыбом...

Когда наши вошли в селение, оно имело вид освобождённого от фашистов в годы Великой Отечественной войны. Сразу в глаза бросилось, что здесь происходили массовые казни мирных людей – трупы, кровь. При входе в то, что осталось от домов, мы увидели открытые подвалы, превращённые в настоящие камеры пыток, – голос Виктора задрожал, но, преодолев себя, он продолжил: – Пленный «укроп» говорил, им был дан прямой приказ уничтожать население, а местные мужики сопротивлялись как могли, но их просто расстреливали или тащили в подвал, а по тем, кто, убегая, попадал в их поле зрения, вели шквальный огонь. Потому никакой возможности спастись ни у кого не имелось.

Желваки заходили на щеках Виктора. Он помолчал, тяжело дыша.

– Во время нашего осмотра «укропы» принялись интенсивно обстреливать село, они выпустили десятки мин, касетные боеприпасы и наслали дроны-бомбардировщики. Видимо, хотели стереть с лица земли бесчисленные следы содеянного. И было что скрывать.

В одном месте мы нашли не просто убитых, а замученных до смерти людей, в том числе девушку-подростка, садистски изнасилованную и застреленную. В куче тряпья – тела, какие-то даже разорванные. Как говорил судмедэксперт, немало видевший на своём веку и тем не менее едва сдерживавший невольные слёзы, людей убивали с чрезвычайной жестокостью, избивая и пытая до последнего дыхания: имелись тупые травмы груди с многочисленными переломами рёбер, отметины от мучений электричеством. Кто всё же оставался живым, тем стреляли в голову или душили их. Многих перед казнью насиловали, не щадили ни малых детей, ни глубоких стариков. Некоторые погреба просто забрасывали гранатами.

– Вот твари... – промолвил Дамир и после минуты молчания спросил: – А с тобой что случилось?

– В одном селе, которое мы только стали освобождать – это уже после Поречного, – в большом подвале, наверное бывшем колхозно-совхозном, обнаружили живых людей. Мы начали их подбадривать, мол, скоро их мучения кончатся... Но тут за спиной раздался глухой топот и послышались близкие выстрелы. Вероятно, в глубинных частях этого помещения скрывались какие-то «укропы», видимо, оказавшиеся в тылу нашего подразделения и думавшие отсидеться, но, узнав по связи, что «дело пахнет керосином», решившие прорваться к своим. Мирные жители и наши бойцы стали падать. Боеспособные залегли и, отстреливаясь, бросили последнюю гранату. Но тех было больше, а нас единицы. И они закидали всех гранатами... Очнулся я уже в палате госпиталя и без ног... – Виктор помолчал и продолжил: – Люди, которым удалось выжить, говорили, что прежде подобную жестокость здесь видели в сороковые годы, когда орудовала наиболее зверская в гитлеровской армии зондеркоманда СС.

– Да, как писал один журналист – теперь не вспомню кто, – «гитлеры приходят и уходят, а лекала остаются»...

Прямо глядя в глаза Дамиру, Виктор твёрдо и громко произнёс:

– Таких показывать надо и публично казнить! А нам необходимо бороться до полного освобождения нашей земли от нацистских уродов!

От душераздирающего рассказа у Дамира пропало всякое желание ещё что-либо заказывать из питья, да и вообще стало не по себе. Они с Виктором обменялись телефонами и расстались.

Он вернулся домой. Жена, видимо, была на работе, дети или гуляли, или занимались в кружках. Два чувства преобладали сейчас в нём, погрузившемся в думы, – стыд за произошедшее с ним перед совестью, женой, детьми и коллегами и, главное, всё более усиливающееся ощущение себя предателем.

«Что же со мной, где я и почему?» – тяжело ворочалось у Дамира в голове. Он вспомнил, как дед, фронтовик, потерявший под Сталин-

градом руку, воспитывал в нём патриотизм, упорное стремление быть физически выносливым, закалённым, служить Родине и защищать её. Вспомнил он и отца, в прошлом инженера на оборонном предприятии, изобретателя, всю жизнь отдавшего родному производству, ныне пенсионера, получающего пенсию, хотя и достаточно большую по сравнению с невысокими пенсиями большинства, но всё же не позволяющую жить в том достатке, в каком жил его отец-фронтовик. Не скажешь, что и личная жизнь отца была счастливой: жена не отличалась верностью ему, ходила там куда-то, однако семьи не разрушала. Отец любил её, мирился с её привязанностью. Когда Дамир подрос и стал ухаживать за девушками, тот учил: нельзя личное переносить на общее – на семью, на работу, на Родину...

Постоянно включённый телевизор оторвал от далёких воспоминаний и привлёк его внимание новостями. Шёл репортаж с передовой СВО об атаке ВСУ на Суджу, о зверствах над мирным населением, о пытках в застенках над ныне освобождёнными нашими военнопленными. Ранее Дамир настолько привык к этим сообщениям, что они пролетали уже мимо ушей как данность...

Ныне же, после сегодняшней встречи с Виктором и его рассказа, чувства и совесть обострились, будто он сам побывал там, будто это всё не где-то в иных краях, в иной действительности, а всё здесь, всё с ним, в реальной жизни!

Глубокий стыд, не сравнимый с тем, бывшим с ним вслед за отрезвлением от загула, глубочайший стыд покрыл Дамира. Растреванная совесть болела и мучила его.

Наутро Дамир пошёл не в фирму, где ему грозило увольнение независимо от того, придёт или нет. Он пошёл в военкомат и написал заявление об отправке его добровольцем на фронт как артиллериста в запасе. И через некоторое время переподготовки Дамир участвовал в операции по освобождению Курской земли.

Евгений КУЗНЕЦОВ

Вопреки утверждениям замполита, впереди часовой видел не светлое будущее, а жирную чёрную муху. Муха эта хотела пробить заграждение из пыльного стекла и улететь, а мужественно и стойко переносить тяготы и лишения службы вместе с дежурным – не хотела. Дежурный тоже не хотел сидеть вместе с мухой, но, в отличие от неё, сбежать не пытался. У нас всегда так: когда одни не могут, вторые непременно не хотят. Мутное окно, в которое долбилась муха, транслировало всем дежурившим на КПП одну картину: кусок серой бетонки и по обеим её сторонам несколько чахлах ёлок, а за ними тайга, болота и невысокие сопки. Иными словами, ни мухе, ни солдату бежать было некуда, а что-то охранять – не от кого.

Позади дежурного была некогда синяя дверь, над которой в часы занятий радиоточка передавала военно-политический цикл «У карты мира», а в остальное время – шипение и другие мешающие заснуть звуки. За этой, теперь белой, выкрашенной прямо поверх синего дверью располагалась какая-то секретно-стратегическая часть каких-то там войск. Эта военная часть была настолько секретной, что цель пребывания здесь военнослужащих скрывали даже от них самих. Ну а могло ли

быть иначе, если для запутывания вероятного противника это место в документах называлось «деревня Муховойново», а среди личного состава – «Мухобойка». Впоследствии автора этого экстравагантного названия перевели в другой штаб или списали в запас, поэтому или ещё по какой-то причине о существовании этой части попросту забыли, и означенный объект на всех картах числился обычной деревней, под которую и был замаскирован. Но однажды запущенные и подмазанные где надо колёсики интендантской машины крутились исправно, поэтому продовольственное обеспечение поступало в срок, отличного качества и в повышенном объёме, а денежное довольствие – с надбавками за гриф секретности, сложность и удалённость места службы.

По соседству с деревней Муховойново располагалась и обычная воинская часть прикрытия. Солдаты мели плац, чистили картошку и стреляли из пушек по... сопкам, хотя иной раз могли зацепить и ничего не подозревающего воробья. Именно там командир Мухобойки и выпрашивал себе бойцов, потому как в забытую часть новобранцев не присылали, а командовать солдатами при их отсутствии ни один советский офицер не умел. Отправленные в Мухобойку «добровольцы» в родную часть уже не возвращались, а уходили прямо на дембель.

Богатая же фантазия солдат, оставшихся в родной части, рисовала самые ужасные картины о происходившем там, «откуда никто не возвращался, но “деды”, дембельнувшиеся в прошлом году, рассказывали...»

Кроме командования «выпрошенными» солдатами и просиживания в штабе, офицерам Мухобойки заняться было нечем. Тайга, окружавшая их со всех сторон, была единственным развлечением, и как-то сами собой образовались кружки охотников и рыболовов. Детей, без разделения на мальчиков и девочек, тоже брали с собой. Кроме любителей, осваивавших древние промыслы от скуки, здесь были и настоящие юные профессионалы, особенно выделялся Саша. Пареньку было лет двенадцать, но он настолько любил слоняться по тайге с ружьём, что часто отсутствовал по два-три дня. Отец, сначала поднимавший по тревоге всю часть, со временем смирился с долгими прогулками сына. Кстати, зверей Саша почти никогда не убивал, за исключением мамкиных заказов на пернатую дичь или зайца, а просто наблюдал за ними в отцовский офицерский бинокль.

Но этот раз был особый. Санёк в журнале «Охота и охотничье хозяйство» прочитал о домашней выделке шкур и решил подарить маме шикарный воротник, поэтому отправился охотиться на лис.

Дежурный, от которого не могла улететь и муха, почему-то не заметил, как территорию секретной части покинул пацан с карабином и биноклем. Но Саша и не стремился спровоцировать нештатную ситуацию, поэтому, как всегда, вышел очень тихо и растворился в тени ёлок, что росли у самой бетонки.

Он давно приметил, что «рыжие» облюбовали небольшой овраг, который разделял несекретную военную часть и её особую сестрицу, замаскированную под деревню. Видимо, штабные гении не знали, что мужики в деревне не ходят строем и одинаково одетыми, а каждая, точнее, никакая деревня не обносится по периметру единым глухим забором.

К оврагу Саша решил заходить со стороны сопки, со склона его дно было как на ладони.

Военная смекалка давно приспособила этот природный котлован под мусорный полигон. Вот эти самые отходы и привлекали лис. Несмотря на юный возраст, Сашка всё правильно рассчитал. Он пришёл на место, когда ещё было светло, выбрал небольшую ровную площадку на склоне, настелил елового лапника, а над лежанкой соорудил шалаш. Не столько для маскировки, сколько от комаров. Когда заползал в свою засидку, уже стало смеркаться. Охотничьих тепловизоров тогда ещё не изобрели, поэтому Саша полагался только на собственный слух и зрение.

Вдруг на противоположной стороне оврага что-то блеснуло. Между деревьев заплясал огонёк. Сашка, стараясь не шуршать, поднял бинокль. По склону со стороны деревни катился «козлик» с выключенным мотором и одной зажжённой фарой. На дне оврага машина оставилась, и из неё вышли двое. Из-за темноты лиц было не разобрать, но было видно, как они вытащили что-то и спрятали в кустах. Хотя Саша и не верил в диверсантов и предателей, но ситуация показалась ему и страшной, и любопытной одновременно. Из своего укрытия он мог взять даже небольшого лисёнка, а снять этих двоих... Да они бы и оружие вскинуть не успели, если оно у них имелось.

Но опыт охотника подсказывал не торопиться. Едва машина уехала, Саша спустился с холма и направился к схрону. Не дойдя несколько шагов, он услышал звук двигателя и, испугавшись, что вернулись те же, побежал и спрятался в кустах. На этот раз машина приехала со стороны артиллерийской части. Ни самой машины, ни приехавших Саша не разглядел, но понял, что их было двое. Они остановились, не доехав немного до того места, где выгружали что-то из первой машины. Некоторое время ходили по кустам. Сашка со всей силы прижал к себе карабин и так сильно хотел провалиться сквозь землю, что даже зажмурился. Нет, ему не было страшно. Он боялся, что ему не хватит терпения и он выскочит с криком: «Руки вверх! Вы арестованы!» Но сдержался. Эти тоже уехали, и Саша осторожно прокрался на территорию родной части.

Этой ночью ему не спалось. Так хотелось обо всём рассказать, но он ждал утра. За завтраком Саша максимально сдержанно, как учил отец, поведал о своей охоте на лис. Сам же отец вскочил, побледнел, уронил стул, выскочил на улицу, вернулся, схватил Сашку за руку, снова выскочил – и проделал это всё как будто бы одновременно. Мальчишка, еле поспевающий за отцом, оценил траекторию и понял: они бегут в штаб! Штаб был замаскирован под сельсовет и деревенский клуб. Клубом длинное щитовое строение и правда было, но только отчасти. Здание разделили на две неравные части. В большей располагались небольшой кинозал и библиотека, в маленькой... А чёрт его знает, что там! Ходить туда было нельзя, но именно туда сейчас и вели Сашку.

– Муха улетела! – выпалил отец, едва они вошли. Не меньше, чем его словам, Сашка удивился тому, что дежурным был офицер. Офицер ожидаемо удивился и словам про муху, и мальчишке. Детям заходить сюда запрещалось. Дежурный трясущимися руками молча отпер железную дверь позади себя и дал им пройти. Сразу за дверью была лестница вниз. Сашка ахнул и открыл рот от удивления. Настоящий бункер!

Пройдя несколько коротких и тесных коридоров с железными дверями без табличек, они остановились перед одной из них. Отец отбил костяшкой согнутого пальца какую-то морзянку, и с той стороны лязгнул засов.

– Муха улетела! – опять выпалил отец, раскрасневшийся от волнения и быстрого темпа.

– Без паники! – ответил командир, которого Саша прекрасно знал, часть-то была всего ничего. – Не надо так волноваться! – продолжил он успокаивать визитёра, а сам нажал кнопку тревоги. По коридору пронёсся гул сирены и топот ног. Дверь распахнулась, и в кабинет вбежали друзья Сашкиного отца. Большинство почему-то в белых халатах. Санчасти у них не было, а кабинет доктора располагался наверху. «Всё интереснее и интереснее!» – думал мальчишка, озираясь по сторонам и рассматривая вошедших в непривычном амплуа. Вошедшие с не меньшим интересом смотрели на Сашу,

которого тоже прекрасно знали, но никогда тут не видели, и вопросительно – на его отца.

– Докладывай! – приказал Василич, то есть «товарищ командир», но так его звали гораздо реже.

– Говори! – переадресовал отец приказ Сашке. – Как мне утром рассказывал!

Ну Саша и рассказал: первая машина «без глаза», груз, вторая машина. В конце добавил, что так они всех лис распугают. Офицеры, сидевшие вокруг стола молча, переглянулись и застыли в ожидании следующего приказа.

– Санька, – обратился к нему Василич, – ты секреты хранить умеешь?

– Так точно!

– Тогда слушай мою команду! Каждый день ты будешь уходить на секретное задание, о котором никому – понимаешь? – никому нельзя рассказывать.

– Даже маме?

– Даже маме! Бабам... отставить, женскому полу – тем более! Не один, брат, разведчик провалил задание из-за них. Итак, твоя задача – ежедневно занимать пост на склоне. И чтоб маскировка полнейшая! – погрозил он пальцем и продолжил: – Если ещё раз появятся – даёшь ракету! Всё понял?

– Так точно!

– Выполнять!

– Никак нет!

– Это ещё почему? – смешался Василич.

– У меня ракетницы нет... – опустил голову Саша и промямлил с таким сожалением, будто предавал Родину.

– Выдать бойцу экипировку! Проводите!

– Правда? Настоящую? – совсем не по-армейски воскликнул мальчишка. В это время один из офицеров в белом халате поднялся и вывел Сашу из кабинета.

– Вы чё, мать вашу? Совсем, б..., о...?! – заорал до этого улыбчивый Василич, едва закрылась дверь. Он попеременно то серел, то краснел, то смотрел на бледного, как побелка на потолке, подчинённого, отвечавшего за контрразведку, антитиверсионную работу и прочую безопасность.

– Хорошо, если они солёнку, продукты, да хоть танк украли! – Командир, правда, использовал другой глагол. – А если «Муху»?

И здесь, в спокойной до этого части, начался полнейший переполох. Как оказалось, это не совсем военная часть, а все офицеры – учёные. Они разрабатывали начинку для артиллерийских и танковых снарядов. Такую, чтобы при минимальном весе и объёме обеспечить максимальную разрушающую силу. Нетрудно догадаться, что начинка эта и называлась «Муха». Испытания проводились тут же, на стрельбах в соседней артиллерийской части.

Тут в прежде спокойной «Мухобойке» начались тотальные внутренние проверки, но тщетно. Компоненты, опытные образцы, катализаторы, реактивы и готовые смеси – всё вроде на месте. Может, Сашка врёт?

Он тем временем исправно ходил на охоту и, как опытный разведчик, ничем не выдавал своей настоящей задачи. Только в противогазной сумке вместе с бутербродами тяжелела ракетница. День, второй, третий... всё тихо! Все постепенно успокоились.

«Видимо, со страху померещилось пацану», – подумал Василич, сидя в дощатом домике с выпиленным на двери сердечком. И только он так подумал, как в фигурном отверстии показалась красная ракета, падающая с чёрного сибирского неба. Он не успел и подумать о ракете, как раздался выстрел, потом ещё один. Ничего литературного товарищ командир не сказал, а как был, в сапогах, трусах и старом кителе поверх белой майки, побежал к оврагу и оказался там одним из первых.

– Лежать, суки! – орал он во всё горло неизвестно кому и зачем. Он уж и не думал про «Муху», он боялся представить, как там Сашка. Один на один с государственными преступниками.

– Лежать, суки!

«А это кто орёт?» – подумал Василич и с надеждой решил, что в голосе есть некоторая ненатуральность и мальчишеские нотки.

– Буду стрелять на поражение! – продолжил тот же голос.

Снова выстрел. Совсем рядом. Василич спрыгнул в овраг, как сайгак на дно ущелья.

– Ты тоже ложись! – прокричали со стороны сопки.

– Сашка, браток... – Василича душили слёзы радости, что с пацаном, отправленным им в одиночку устраивать засаду, всё в порядке. «Старый хрен, пацана отправил...» – не успел он додумать мысль, как звук нового выстрела слился со звоном пули, попавшей во что-то металлическое.

– Лежать, я сказал!

Командир даже с некоторой радостью лёг на землю. «Жив, жив! Ну, орёл! Ну, молодец!» Принюхался. Станный кисловатый запах. И пока он вспоминал, что может так пахнуть, произошло сразу два события. Со всех сторон с фонарями и оружием подбежали сослуживцы, а под ним уже натекла огромная лужа.

– Вяжите их, мужики! Я прикрою! – уже не скрывая своего голоса, со склона кричал Сашка и от радости дал ещё ракету.

Диверсантами оказались бойцы соседней части. Они и правда охотились за мухой, но не той, которую охранял Василич и разрабатывал Сашкин отец с сослуживцами. «Диверсанты» доставляли из города продукты, в том числе хлеб в обе части. Как выяснилось тут же, в овраге, на местном хлебозаводе из хлебных остатков открыли производство пива. Такое полупиво-полуквас. Сердобольные бабы жертвовали одну бочку в неделю «сынкам на после бани». Официально эта продукция не поставлялась, поэтому, чтобы угощение не отобрали при досмотре на КПП, перед тем как завезти продукты, пиво ныкали в овраге. Никто ведь не будет проверять бочку, лежащую возле помойки. Потом машина уезжала. Когда водитель командира «официальной» части отвозил шефа домой (тот жил в городе), то на обратном пути забирал поклажу, и за ночь бочка опустошалась. Пункт обмена бочкотары находился тут же – в овраге. Правда, теперь она, бочкотара эта, простреленная Сашкой аккуратно посередине, для транспортировки стратегической жидкости уже не годилась. За пятьдесят лет охотничьего стажа у Александра было много хороших выстрелов, но такого, чтобы в стратегический продукт...

ДВЕ СТРАНИЦЫ ПРО ВОЙНУ САШКА

Наталья ЗОЛОТЫХ

Наталья Золотых родилась и живёт в Рязани. Первые литературные опыты относятся к годам работы в редакции областной молодёжной газеты. Пишет стихи и прозу. Печатается в литературных сборниках. Автор книги «По переулкам памяти», фильмов и художественных изданий о родном крае. Удостоена медалей имени И. А. Ильина, «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе» и других наград. Член Союза журналистов и Союза литераторов России.

Ане было двадцать три. Находилась она в счастливом «интересном положении» с соответствующими гастрономическими причудами: то её тянуло на солёненькое, то хотелось сладкой черешни. Благо в Мелитополе, где начинали семейную жизнь старший лейтенант Пётр Савкин и его жена Аня, сады плодоносили щедро, а рыночные прилавки в первый месяц лета ломились от ягод. Решено: в воскресенье они отправятся на базар за поспевшей черешней.

Своего первенца они ждали к августу. К этому событию будущий отец готовился серьёзно. До приезда жены в выделенной молодому офицеру комнате сначала появилась казённая табуретка, а потом кровать и собственный шкаф. Можно жить и радоваться грядущим переменам. Но...

Воскресенье, 22 июня, перечеркнуло все намеченные планы. Сразу стало не до черешни.

«Война! Началась война!..» – ранним утром раздались на улице громкие крики.

Это страшное известие не было для старшего лейтенанта неожиданностью. Уже через несколько минут после тревоги Пётр бежал по

улице к месту службы, в лётную школу. Собранным в большом классе офицерам и курсантам объявили о начале войны. И первое боевое военное задание – круглосуточная оборона аэродрома, где находились учебные самолёты. Правда, отбиваться от ожидаемого вражеского налёта было особо нечем. Старое вооружение сняли, а новое, которым собирались оснастить часть, ещё не поступило.

Десятком винтовок курсантов и пистолетом защититься было невозможно. После первого дерзкого налёта врага на аэродром почти все деревянные самолёты были сожжены.

Примерно месяца через полтора лётную школу перебазировали под Саратов. Круглосуточные дежурства и почти такие же постоянные занятия в классах не оставляли Петру времени даже на сон.

Для Ани это были месяцы, наполненные страхом и тревожным ожиданием. «Слёзы отставить!» – слышала она приказ мужа. И подчинялась, понимая, что от её выдержки и силы воли теперь зависит ещё одна жизнь, которая уже частенько даёт о себе знать под сердцем...

Командир разрешил Петру перевезти в Новоузенск, где временно разместилась лётная школа, молодую жену. Сборы были недолгими. Самое необходимое для ребёнка и то, что пригодится на первое время. Дальней дороги Аня страшилась, но мужественно переносила все, мягко говоря, неудобства в переполненном людьми и вещами душном вагоне. Но больше всего её пугали вражеские налёты на эшелон. Тогда поезд останавливали. И пассажиры бежали подальше от вагонов и с разбега прыгали в глубокие траншеи, чтобы укрыться от пуль. Аня – тоже. Это в её-то положении! И каждый раз, прикрывая руками живот, она молила Бога, чтобы это не началось...

Прямо с поезда, оставив Анну недалеко от вокзала вместе с другими семьями и привезённым скарбом, Пётр вернулся на службу. А наутро во временном пристанище он не нашёл ни жены, ни вещей. На вопрос об Ане какая-то женщина ответила, что ночью девушку увезли в роддом.

Разыскав в городе больницу, лейтенант кинулся к окошку. Аня показала ему крохотное,

туго спелёнутое существо, которому заранее было выбрано имя Сашка. Сын. Так в первые месяцы войны Пётр стал отцом.

Вот какие зигзаги выписывает порой судьба человека, сплетая беду и радость в один тугой узел. Тогда, летом сорок первого, вместе с первыми родительскими минутами счастья в жизнь молодой семьи, их маленького Сашки непрошено вошла война. На долгие четыре года.

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧП

Прохладным осенним днём сорок третьего они «шли домой» с боевого задания. За штурвалом ДБ-3 (дальнего бомбардировщика, который по паспорту значился Ил-4) находился старший лейтенант Степанов, рядом радист-стрелок. За перегородкой, в тесноватой для двоих штурманской кабине – старший лейтенант Савкин и его напарник Донцов. Возвращались с боевого вылета в хорошем настроении: задача выполнена, отбомбили удачно. Вот уже на подлёте под крылом показалась жухлая трава полевого аэродрома. Довольно перемигиваясь, они предвкушали скорый ужин и заслуженный отдых.

Лётчик сделал привычный круг, и самолёт начал заходить на посадку. Ещё одно выверенное движение, и... правая «нога» шасси не вышла. Лётчик попытался потянуть аварийную рукоятку, но она не поддавалась. На сигнал Степанова из штурманской кабинки, просунув руки в люк, к нему присоединись товарищи. Трос упорно не хотел подчиняться. Когда применили силу, трос оборвался. Это уже пахло ЧП.

Что делать? Радист доложил на КП: высота 700 метров, шасси не выходит. Но очень скоро убедился, что беда в одиночку не ходит: отказал приёмник. Он работал только на передачу. На земле их слышали, обратной связи не было. Что же делать? Первое, что пришло на ум, – прыгать с парашютом. Но по внутренней связи в наушниках прозвучал голос лётчика: «Прыгать опасно. Видите, как ветер “колбасу”

треплет?» Он кивнул на полосатый, как зебра, аэродромный флюгер.

Решили сливать горячее. И самолёт, в очередной раз набрав высоту, взмыл над землёй. В течение полутора часов они кружили над аэродромом. Десятый, пятнадцатый, семнадцатый круг... И каждый раз тщетная попытка как-то вытряхнуть из самолётного нутра крепко застрявшую «ногу».

Сказать, что страха не было, было бы неправдой. Чёрт возьми, досадно разбиться не в бою, а сгореть заживо над собственным аэродромом. Часы на приборной доске отсчитывали минуты, часы полёта... К чему приближал экипаж каждый следующий вираж? Вслух этот вопрос не задавали. Бодрились. Даже подначивали друг друга. Но о том, что полёт мог стать для них последним, догадывался каждый...

На земле тоже думали. Как помочь лётчикам? Срывая голос до хрипоты, сначала кричали в микрофон, но стрелок-радист на борту

не отзывался. Поняв, что борт их не слышит, решили действовать иначе.

Смекалки русским мужикам не занимать. Подсказка экипажу, попавшему в аварийную ситуацию, в прямом смысле прилетела по воздуху. В октябрьских сумерках лётчики ДБ-3 увидели поднявшийся в небо лёгкий самолёт, на боку фюзеляжа которого большими буквами было написано: «Садись плюхом!»

Инструкция была получена. И самолёт опять пошёл на снижение. Экипажу было видно, как к предполагаемому месту посадки подтягиваются санитарная и пожарная машины, приближается техничка, собираются однополчане.

Отключив двигатели, с возгласом «Держись!» в образовавшейся вдруг тишине они действительно плюхнулись на землю. Толчок по инерции бросил их вперёд...

Товарищи на поле наблюдали, как самолёт сначала прочертил колесом полосу, потом завалился набок и, отломившимся крылом, словно циркулем, нарисовав на полосе круг, остановился...

Лётчики буквально вывалились на землю, попав в крепкие объятия товарищей. Техники тут же окружили «раненую» машину.

В тот вечер все остались живы. В столовой припозднившихся лётчиков ждал ужин и расспросы друзей. Герои дня были на редкость разговорчивы и с юмором вспоминали подробности полёта со счастливым концом. Что это было? Обыкновенное ЧП.

P. S.

...А конструкцию аварийного выпуска шасси приказом командующего ВВС на всех Ил-4 после того случая изменили...

P. P. S.

Это страницы из жизни моих родителей. Отец, Пётр Капитонович Савкин, полковник дальней авиации, участник Великой Отечественной войны, награждённый многими боевыми орденами и медалями, прожил долгую, полную событий жизнь – 104 года. Встретил 70-летие Победы. И до последних дней оставался интересным собеседником, человеком творческим и деятельным.

П. К. Савкин с губернатором О. И. Ковалевым

Награды отца

Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский
(1896 – 2 июля 1966)

Екатерина МЕДВЕДЕВА

В православном мире есть святые, которые кажутся нам не далёкими небожителями, а родными и близкими людьми. К ним обращаются просто и с невероятной теплотой – «наш батюшка Иоанн». Святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский – это удивительный мостик между эпохами, странами и, что самое главное, между миром земным и миром горним.

СВЯТОЙ, ХОДИВШИЙ БОСИКОМ

Жизнь владыки Иоанна (в миру Михаила Максимовича) – это поразительный пример того, как в XX веке, полном войн и потрясений, можно было воплотить древний идеал христианской святости. Он взял на себя тяжелейший подвиг – юродство Христа ради. Владыка носил измятую рясу, часто ходил босиком даже по холодным улицам европейских и азиатских городов, а с момента принятия монашеского пострига ни разу не спал в кровати, отдыхая лишь сидя в кресле или на полу. За этой внеш-

СВЯТИТЕЛЬ ДВУХ КОНТИНЕНТОВ:

КАК ЛЮБОВЬ ИОАННА ШАНХАЙСКОГО СОЕДИНЯЕТ НЕБЕСНОЕ И ЗЕМНОЕ

ней чудаковатостью скрывалась великая духовная мощь и непрестанная молитва, способная исцелять и спасать.

Батюшка Иоанн на улицах Сан-Франциско

ОТЕЦ СИРОТ

Больше всего на свете святитель любил детей. В Шанхае, где оказалось множество русских эмигрантов, он сам ходил по трущобам, выкупая или просто подбирая на улицах брошенных, больных и голодных младенцев. Владыка создал сиротский приют во имя святителя Тихона Задонского, который дал кров тысячам детей. Для них он был не просто строгим архиереем, а заботливым отцом, ласковым настав-

Сиротский приют, который опекал батюшка Иоанн

ником, помощником и учителем, который знал каждого ребёнка по имени и молился за него.

ПОСОЛ БОЖИЙ В БЕЛОМ ДОМЕ

Когда русская община была вынуждена бежать из Китая от наступающего коммунистического режима, беженцы оказались на филиппинском острове Тубабао, прямо на пути разрушительных тайфунов. Чтобы спасти свою паству, владыка Иоанн отправился в США. Этот сутулый, странно одетый монах приходил к Белому дому и Капитолию в Вашингтоне, садился на ступеньки и просто молился. И произошло чудо дипломатии, не объяснимое логикой: американские политики изменили законы, позволив тысячам русских беженцев найти новый дом в США.

НИТИ, ВЕДУЩИЕ ИЗ САН-ФРАНЦИСКО В МИЧУРИНСК

Для святых не существует границ и расстояний. Особой вехой в жизни семьи отца Павла стала поездка в США. Не так давно благодать из далёкой Америки достигла русской глубинки: в город Мичуринск Тамбовской области была привезена частица мощей святителя Иоанна. Батюшка Иоанн как будто сам благословил путешественников на то, чтобы они привезли частицу мощей в Россию. Перед поездкой архиерей Гермоген, епископ Моршанский и Ми-

чуринский, написал прошение на имя владыки Кирилла, архиепископа Сан-Францисского, с просьбой о выдаче частиц святых мощей святителя Иоанна Шанхайского для Боголюбского собора и Ильинского храма города Мичуринска. Что и произошло по молитвам святого Иоанна Шанхайского.

Кафедральный собор в Сан-Франциско, где хранятся мощи батюшки Иоанна

Дворик в приюте имени Святителя Тихона Задонского

Доска на фасаде приюта имени Тихона Задонского

*Священнослужители и алтарники
Ильинского храма с частицей мощей*

Для семьи протоиерея Павла Медведева это событие стало глубоко личным и сокровенным, ведь владыка Иоанн является их небесным покровителем. Эта духовная связь со святителем зарождалась и крепла давно.

Протоиерею Павлу и матушке Ирине довелось побывать в самом Сан-Франциско, в кафедральном соборе «Всех скорбящих Радость». Там, стоя у раки с нетленными мощами владыки Иоанна, они молились святому, лично соприкоснувшись с тем удивительным миром и благодатью, которые он оставил после себя. И по горячим молитвам батюшки в этой семье происходит множество тихих, но несомненных чудес, незримо укрепляющих веру.

*Протоиерей Павел с владыкой
Феодосием и внучкой Софией*

*Отец Павел с посохом святого
Иоанна Шанхайского*

*Рака с мощами святого
Иоанна Шанхайского*

ЧУДО НА ПРОСЛАВЛЕНИИ СВЯТЫХ МОЩЕЙ ИОАННА ШАНХАЙСКОГО

В нашей семье есть личная история, связанная с батюшкой Иоанном. На прославлении святых мощей Иоанна Шанхайского были священники, знавшие протоиерея Виктора (отца протоиерея Павла). И один из них, увидев знакомый силуэт, попросил помощника подойти и спросить, что это за священник стоит и молится. Помощник вернулся и сообщил, что это протоиерей Виктор из Мичуринска прибыл на прославление святых мощей. Владыка, совершавший службу, удивился, перекрестился и сказал, что его помощник только что разговаривал с загробным миром, так как протоиерей Виктор почил. Так душа моего дедушки прибыла с того света, чтобы почтить мощи батюшки Иоанна. Это стало великим утешением и свидетельством того, что у Бога все живы. Святитель Иоанн Шанхайский, при жизни собирающий рассеянных по миру людей, и после своей земной кончины продолжает собирать семьи, соединяя любовью тех, кто живёт на земле, с теми, кто уже предстоит пред Господом.

ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА АНАПЫ

Александр РАЛОТ

*Нет, Господь, я дорогу не мерю –
Что положено, то и пройду.
Вот услышу опять про потерю,
Вот увижу борьбу и вражду.*

*Я с открытыми миру глазами,
Я с открытою ветру душой;
Знаю, слышу – Ты здесь, между нами,
Мерой меряешь весь путь наш большой.*

Мария Скобцова, монахиня

Так уж вышло, что люди в зимний период болеют гораздо чаще, чем летом или даже осенью. Вот и я не исключение. В моём родном Краснодаре вроде бы и морозов лютых уже много лет как не наблюдается, но всё же наш минус один с пронизывающим и проникаю-

щим ветром – это как в далёкой Сибири минус пятнадцать.

Лежу. Чихаю и кашляю, полоскаю горло, пью молоко с мёдом и смотрю «старинный» (далёкого 1982 года!) фильм «Матушка Мария». Привлёк тем, что главная положительная героиня, которую замечательно играет Людмила Касаткина, – монахиня! Насколько я помню, в Советском Союзе служители культа, впрочем, как и все верующие, всегда были, мягко скажем, персонажами сугубо отрицательными.

Во время её пребывания на земле (конечно, не Касаткиной, а её героини) почти все, и не без основания, считали её этаким чудаковатой, почти «юродивой». А вот после гибели взяли да и (правда, много десятилетий спустя) канонизировали как преподобномученицу.

Поставил воспроизведение фильма на паузу и с головой ушёл во Всемирную паутину.

Тридцать первое марта 1945 года. Концентрационный лагерь Равенсбрюк (крупнейший женский концлагерь на территории гитлеровской Германии. Находился в девяноста километрах от Берлина, рядом с одноимённым поселением)

Женщина с детьми, ведомые в газовую камеру. Освенцим II. Май – июнь 1944 г.

О её последних днях информации ничтожно мало. Оно и понятно, рассказывать о её пребывании в одном из самых страшных фашистских лагерей практически некому. Мало кто дожил до освобождения.

Достоверно известно лишь, что она совсем незадолго до подхода советских войск (уже повсюду были слышны звуки приближающейся канонады) взяла да и поменялась одеждой с девушкой, отобранной недочеловеками для... очередной «утилизации».

Пробормотала на прощание: «Я уже стара, а у тебя вся жизнь...» – и шагнула в газовую камеру.

* * *

Даже служители культа говорили о ней: монахиня – противоречивая!

И тем не менее женщина – завсегда́тай богемной тусовки и городской голова моей любимой Анапы нашла в себе силы явить пример истинной любви Христовой!

8 декабря 1891 года. Рига

У товарища (по нынешним понятиям – заместителя) прокурора Юрия Пиленко и его жены Софии родилась дочь. Нарекли Елизаветой.

К православному батюшке на крещение орущую малышку отвёз родной дед – Дмитрий Васильевич Пиленко, генерал-лейтенант и бывший начальник всего Черноморского округа.

Души в своей наследнице не чаял. Как говорится, не мог на дитя надыхаться. Увы, совсем недолго. Вскорости преставилась его любимая жена. Смерть верного человека переживал тяжело, но недолго. Через две недели последовал за ней.

Отец девочки, покончив с чередой похорон, написал прошение об отставке и убыл в родовое гнездо, в Анапу.

Однако замена холодного Балтийского моря на тёплое Чёрное ему на пользу, увы, не пошла. Через полтора десятка лет родственники оплакивали уже его.

Мать Лизы далее проживать в этом городе не пожелала и, взяв с собой дочку и её младшего брата, уехала в блистательный Санкт-Петербург.

Год спустя

Лиза грустила. В гимназии подруг не нашла, дома уныло и тоскливо. А ей, как и многим в этом возрасте, хотелось иной, взрослой, увлекательной жизни.

И она её отыскивала. На одном из многочисленных литературных вечеров повстречала... Александра Блока!

Перекрестилась, собравшись с духом, и, узнав его адрес, поехала к поэту домой.

* * *

– Прошу искренне меня извинить... – краснея до кончиков волос, начала девушка.

– Нет его, и когда будет, неведомо! Ступайте, барышня, много вас тут таких ходю́ть.

Но Лиза пришла не для того, чтобы вот так повернуться и уйти:

– Дозвольте, пожалуйста, вот здесь присесть и дожидаться его.

И ей... разрешили, не прогнали!

Сколько просидела в томительном ожидании, и сама не помнила. И вдруг, услышав его голос в передней, встрепенулась. Оба стояли и молчали.

Первой заговорила незваная гостья. Обо всём и сразу. О бессмысленности бытия, о тоске и ещё о многом... сокровенном!

Поэт нисколько не удивился, слушал почти-тельно – как взрослою! Сидел и молча внимал сыплющимся вопросам посетительницы. Человека.

* * *

Позже она рассказывала:

– Вдруг тоска взяла да и отпустила. И причиной тому стала жалость, нет, не к себе – к нему! Представляете, это был мой первый вечер в столице, когда мне стало... совсем хорошо.

Через несколько дней почтальон доставил письмо... от него! Со словами: «Когда вы стоите на моём пути, такая живая, такая красивая...»

1912 ГОД

Вышла в свет её первая книжка. «Скифские черепки». Поэт, конечно же, не забыл. Поздравил. Более того, молодой Алексей Толстой именно её сделал прототипом своей Елизаветы Киевны в «Хождениях по мукам».

Но девушке этого было мало. Хотелось чего-то нового, доселе неизведанного. И она год спустя... сказала «да» одному из своих воздыхателей.

Взяла да и вышла замуж!

Правда, прожила под одной крышей со своим суженым совсем недолго.

Весной девятьсот тринадцатого, обозвав супруга скучным и предсказуемым, уехала на юг, в свою родную Анапу.

Осенью того же года произвела на свет дочь – Гаяну¹ (сына, уезжая из столицы, оставила на попечение мужа).

Любуясь малышкой, размышляла о вопросах веры и о поиске смысла жизни.

¹ От имени богини Земли – Геи, обозначает «земная», или «плодородная».

1915 ГОД

Елизавета закончила и опубликовала философскую повесть «Юрали» (стилизация под Евангелие) и сборник стихов «Руфь».

ДВА ГОДА СПУСТЯ

Свержение монарха встретила с большим воодушевлением! Недолго думая, вступила в партию эсеров.

* * *

С кавказского фронта возвращались солдаты. В Анапе один митинг сменялся другим. Город бурлил. Образовалось троевластие! Им одновременно управляли: городская дума, Гражданский комитет и Совет солдатских и рабочих депутатов.

Лиза ежедневно была среди митингующих.

На одном из них было принято решение учредить военно-революционный комитет и окончательно передать ему все полномочия по управлению городом. Кто-то выкрикнул её кандидатуру, правда, не на пост городского головы (баба всё-таки!), а только на должность товарища (то есть помощника).

Но непосредственный начальник умудрился в кратчайшее время со всеми рассориться! И, бросив ключи от сейфа и печать, ушёл в добровольную... отставку.

* * *

И... впервые в досоветский период, не будучи женщиной, она заняла кресло главы города!

За её спиной шушукались:

– Ой, хлопцы, шо же мы зробили?!

– Бывшего голову скинули, тай бабу на его место усадили!

– Та ещё ж и молодуху!

– Хана Анапе!

– Точно, быть беде!

* * *

Она стала достойной продолжательницей семейной традиции. Не сдрейфила.

Заполонившие город беженцы создали «союз трудовой интеллигенции», заявили к ней и потребовали: дай участок земли, дай семян, лошадей и... денег! И мы тогда возьмём и наймём... подёнщиков!

Делегация от сочувствовавших большевикам граждан принесла ей на подпись решение о реквизировании санатория доктора Барзинского.

Следом заявили эсеры и потребовали этих «бандитов» урезонить, а все лечебные заведения срочно передать в управление городской управе. Ибо только так возможно сохранить их от разграбления!

* * *

Случилось так, что через некоторое время смещённая со своего поста экс-глава города предстала перед справедливым «третейским» судом!

* * *

Известные литераторы негодовали! Дружно встали на защиту городского головы!

В суд поступили письма, подписанные Володиным, Тэффи, Толстым, Гроссманом, Верой Инбер и другими.

Не помогло, ей всё равно вынесли обвинительный приговор, правда, весьма мягкий – пара недель ареста с пребыванием на городской гауптвахте.

* * *

После этого судилища её судьба в очередной раз круто изменилась. Дело в том, что за процессом внимательно наблюдал... Даниил Скобцов – министр земледелия в деникинском правительстве Юга России.

Решительная градоначальница заинтересовала его до такой степени, что 18 ноября 1919 года в Войсковом соборе святого Александра Невского в городе Екатеринодаре они... обвенчались.

* * *

Красная армия наступала, и молодожёнам оставалось лишь одно – эмиграция!

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ. ПАРИЖ

В этом городе возник кружок под мало-понятной аббревиатурой – РСХД (Русское студенческое (!) христианское движение). Организаторы ставили перед собой задачу – изучать канувшую в прошлое Россию.

Елизавета сочинила для них несколько монографий. Посвятила их выдающимся людям своей страны: Достоевскому, Хомякову, Владимиру Соловьёву. Доказывала: главное в русской душе, в нашей культуре – это чуткость к заповеди о любви к человеку и Православной церкви.

ВЕСНА ТРИДЦАТЬ ВТОРОГО

Уже второй раз в своей жизни развелась с супругом и впервые... рассорилась с дочерью.

Та прониклась коммунистическими идеями, день и ночь твердила о великих достижениях Советского Союза и его светлом будущем. Обратилась за помощью к Алексею Толстому и уехала в СССР.

(Однако прожила там совсем недолго. Заболела и... скорострительно скончалась.)

* * *

В начале сороковых в Париже, да и во всей Франции, рассказывали о странной монахине Марии. Мол, и столярничать, и малярничать, и шить она умеет знатно. А ещё – сподобилась писать иконы! А уж как на пишущей машинке строчит – дай бог каждому! Может не трапезничать и не спать по несколько суток, не зная при этом усталости.

Она собрала с прихожан деньги, на которые сняла большой дом на улице Лурмель. И сделала его бесплатным убежищем для сотен обездоленных. Коих кормит и читает стихи Блока!

* * *

В годы оккупации этот дом стал одним из центров парижского Сопротивления.

Теперь в нём скрывались от фашистов и коммунисты, и евреи, и бежавшие из плена военные.

ФЕВРАЛЬ 1943 ГОДА

За ней пришли люди из гестапо.

Сына Юрия увезли в Бухенвальд (где он и погиб через несколько месяцев).

Её отправили в Германию. В женский лагерь смерти – Равенсбрюк.

2004 ГОД

На Вселенском соборе проблем с признанием канонизации матери Марии не возникло.

Монахиню Марию, её сына Юрия Скобцова и духовника «Православного дела» отца Дмитрия Клепанина единогласно канонизировали.

* * *

Я где-то читал, что мать Марию любили и почитали в Русской церкви задолго до кано-

низации, хотя, конечно, найдутся и те, которые не верят в её святость из-за её особого взгляда на Церковь и место человека в нашем, таком беспокойном мире.

* * *

Хотел было на этом закончить свой рассказ, но на глаза попался ещё один удивительный документ.

Имение, принадлежащее на правах личной собственности Елизавете Юрьевне Пиленко, та изволила подарить местным крестьянам!

С обязательной просьбой – устроить в этом доме школу!

Это учебное заведение функционировало аж до конца сороковых годов!

* * *

Памятник преподобной матери Марии в городе Анапе всё же установили.

А вот о её отце, тоже градоначальнике, немало сделавшем для Анапы, как-то забыли. Улицы в его честь не называли, да и мемориальной доски с его именем я что-то в Анапе не видел. Может, просто не попадалась.

Два одиночества

Анастасия МАРТЮШЕВА

Жила на свете одинокая бабушка. Внуков у неё не было, но все в деревне называли её не иначе как «баба Таня». Татьяна Ивановна давно привыкла и не обижалась.

Всю свою жизнь баба Таня, то есть Татьяна Ивановна, проработала учительницей математики в местной школе. Ребята очень любили её, а их родители – уважали. Её муж, Пётр Сергеевич, был водителем автобуса и прекрасно разбирался в разного рода механизмах.

Жили они скромно, но дружно, без ссор и скандалов. Солнечным июньским днём в их маленький, уютный домик пришла большая радость – родился сын Николай. Коля рос здоровым и умным мальчиком, родители не могли на него нарадоваться.

В семнадцать лет Николай окончил сельскую школу с золотой медалью, поступил в институт и спустя пару лет стал востребованным специалистом. Устроившись программистом в крупную фирму, Коля переехал жить в город. Почти каждые выходные Николай навещал родителей, помогал по хозяйству и звал перебраться в город. А Татьяна Ивановна и Пётр Сергеевич всё отнекивались: привыкли они жить в тихой деревушке, вдали от суеты и городского шума. Да и немного им надо было, не привыкли они к излишествам. Не было для них большей радости, чем встреча с единственным сыном.

Каждую пятницу, вернувшись с работы, Татьяна Ивановна проводила генеральную уборку: начищала до блеска полы, мыла зеркала да протирала окна – словом, хлопотала до самой ночи. А в субботу поднималась с первыми пелухами и ставила тесто. К приезду Николая на столе возвышалась горка румяных пирожков, а в кастрюле поджидали горячие щи.

Текли дни за днями, и всё в семье Татьяны Ивановны было ладно. Казалось, так будет всегда. Но морозным декабрьским вечером всё изменилось. Возвращаясь с работы на недавно купленной машине, Николай попал в аварию.

Новость о гибели горячо любимого сына неподъёмным грузом легла на плечи пожилых родителей. Татьяна Ивановна не находила себе места, плакала, стенала, молилась, потом снова безутешно плакала. Пётр Сергеевич держал переживания в себе. Худел и бледнел с каждым днём, даже как будто ростом меньше сделался, согнувшись под непосильной тяжестью, а потом и вовсе слёг и, промучившись до весны, ушёл вслед за сыном. Не выдержало отцовское сердце...

Осталась Татьяна Ивановна совсем одна. Опустел, стал чужим и холодным когда-то родной и уютный дом. Да и сама она стала другая: молчаливая, немногословная, прежде счастливые глаза наполнились слезами и горем. Старея не по годам, Татьяна Ивановна спасалась лишь работой. Общение с ребятами, постоянная

подготовка к урокам, поездки с учениками на городские олимпиады, предэкзаменационная суета – это придавало Татьяне Ивановне сил.

Но годы брали своё, и, выучив не одно поколение ребятишек, Татьяна Ивановна вышла на заслуженную пенсию. Вот тогда-то и получила она своё прозвище. Все, будто сговорившись, стали называть её бабой Таней. Да и выглядела она теперь как настоящая бабушка, вот только её внукам, как оказалось, не суждено было родиться.

Потянулись одинокие, длинные дни. Баба Таня тихо доживала свой век, спасаясь лишь верой в то, что после смерти встретит дорогих сердцу Петю и Коленьку.

– За что ж ты так со мной, Господи... – вздыхала порой баба Таня, глядя на иконку и вытирая ладонью набежавшую слезу. Не думала она, не гадала, что будет доживать век в мучительном одиночестве с незаживающей раной на сердце. – Уж прибрал бы и меня заодно. К чему я здесь? Толку-то от меня, старой. Что мне теперь, только небо коптит?..

Ночью бабе Тане не спалось. Она лежала под тяжёлым пуховым одеялом. За окном завывала вьюга, беспощадный ветер так раскачивал деревья, как будто хотел вырвать их с корнем. Ветки скребли по оконному стеклу. И вдруг баба Таня поняла, что в окошко скребётся кто-то ещё, кроме острых веток. Прислушавшись, она различила в общем шуме писклявое мяуканье: какой-то котёнок искал приют.

Старушка накинула на плечи тёплую шаль и вышла за дверь, занесла котёнка в дом. Он оказался очень маленьким и болезненно худым, весь дрожал от макушки до кончика хвоста и робко озирался.

Баба Таня налила полное блюдце молока и поставила его на пол. Продолжая дрожать не то от страха, не то от холода, котёнок приковылял к блюдечку и стал лакать молоко: сначала медленно, почти равнодушно, а потом – быстро и жадно.

Поначалу старушка решила, что пушистый гость – это чей-то потерявшийся питомец. Она ни на секунду не сомневалась, что котёнок обязательно чей-нибудь. Утром баба Таня расспросила соседок и даже написала от руки несколько объявлений, расклеила их по

деревне в самых людных местах. Но за котёнком никто не пришёл.

И котёнок остался у бабы Тани. Стали они жить вместе. Мурзик – так окрестила его баба Таня – очень скоро из невзрачного забитого оборвыша превратился в милого и пушистого сорванца, ни секунды не сидевшего на месте. Теперь скучать бабе Тане было некогда. Забот у неё прибавилось: то в магазин за кормом для Мурзика сходить, то к соседке за молоком – для него, конечно, для кого больше-то?

А стоило бабе Тане лишь отвернуться, как Мурзик уже карабкался по новым занавескам или распутывал разноцветные клубки, хранившиеся в большой коробке под кроватью. Такая кутерьма продолжалась весь день. Да и вечер в компании пушистого друга проходил быстрее и не казался таким унылым.

Устанет, бывало, пригорюнится баба Таня. На душе тоскливо, хоть плачь. А Мурзик тут как тут: заберётся на колени, гладится, мурчит, как бы говоря: «Что ты хозяйка? Я ведь с тобой». Вздохнёт баба Таня да скажет:

– Прав ты, котик, нельзя мне помирать... На кого ж я тебя оставлю?

Так и жили они вдвоём: баба Таня да кот. А годы летели, летели дни и вечера, шуршали листопады, уходили в прошлое метели и жаркие летние дни. Здоровья у бабы Тани не добавлялось, годы и горе нещадно брали своё. Состарился и Мурзик, совсем дряхлым стал – без малого пятнадцать лет они с бабой Таней под одной крышей прожили.

За окном лютвала непогода. Крупные, холодные капли стучали в окно, а в доме было тепло и сухо. Баба Таня и Мурзик сидели в большом удобном кресле: старушка вязала шарф, кот лежал у неё на коленях. Временами, отвлекаясь от вязания, баба Таня гладила Мурзика, ласково приговаривая:

– Нельзя теперь умирать... Кто ж тебя, Мурзичка, кормить будет, кто тебе молочка нальёт?

А Мурзик довольно мурчал, зажмуривая зелёные глаза, и думал про себя: «Нельзя мне умирать, нельзя... На кого ж я тебя, баба Таня, оставлю?»

ЗЕЛЁНЫЙ ПИТОМЕЦ

Анатолий АРЕСТОВ,
Россия, Алтайский край, г. Рубцовск

Родился 19 июня 1985 года в городе Рубцовске Алтайского края. Учился на агрономическом факультете Пензенской ГСХА (2003–2007). Публиковался в журналах: «Юность», «Наш современник», «Роман-газета», «Волга – 21 век», «Приокские зори» и других изданиях. Автор книг: «В потоке поэзии» (в четырёх частях) и книги малой прозы «Человек дальнего неба». Дипломант XIV Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» 2023 года за книгу «Небо над степью».

В середине ноября стало по-настоящему холодно. Два дня шёл мокрый снег, превративший городские улицы в грязный чугунок. Почему чугунок? Так сказал маленькому Володьке отец: на дороге непонятно что, каша какая-то, как в немытом чугунке. Снег лежал белыми клочками только в палисадниках, возле детской горки и под разросшейся сиренью, остальное пространство двора покрывала слежавшаяся бурая листва. Володька шёл, шаркая ногами, – позади оставался след, словно проехал вездеход. Что делать, если нет занятия интереснее, как пинать опавшую листву? Он осмотрелся, ничего нового во дворе не произошло: те же кусты сирени, та же горка, сухая трава и... зелёная вещица!

Возле скамейки в разбитом глиняном горшке валялся кактус. Володька подошёл ближе, коснулся его и отёрнул руку. Жалость к погибающему растению охватила мальчика. Он вытянул рукав вязаной кофты из-под куртки и аккуратно взял его. Кактус легко подался из комков серой высохшей почвы, смешанной с осколками горшка, словно хотел спасения, словно ждал человека с горячим сердцем и нежной душой!

– Мама, посмотри, что я принёс! У нас такого нет. Я его нашёл и буду за ним ухаживать! – выпалил запыхавшийся Володька, пока мама вытирала руки о передник. Высказавшись, он глубоко вдохнул коричный аромат, прокрававшийся из кухни. Видимо, мама решила испечь любимый Володькин пудинг!

– Вижу. Кактус. Ты точно будешь за ним ухаживать?

– Конечно, буду. Мне он понравился. Смотри, какой сердитый! – Володька улыбнулся. Крепкий ствол походил на большую перевёрнутую каплю, из которой торчали усики белёсых корней.

– Неси его в зал. Постели на пол несколько листов газеты, сейчас мы найдём ему местечко, – крикнула из кухни мама...

Володька с мамой пил чай. Пудинг получился великолепный: ароматный и чрезвычайно вкусный! На кухонном столе в белом глиняном горшочке с синим узором в виде ромба зеленел кактус. Володька не забыл воткнуть в почву тонкую деревянную линейку, чтобы каждый день наблюдать за ростом зелёного питомца. Сын знал, что горшочек и пакет почвы предназначался не для кактуса, а для цикламена, который мама хотела купить в магазине.

– Ещё чайку, сынок? – мама посмотрела на Володьку и улыбнулась. – Теперь на твоих плечах лежит ответственность. Не подведи своего зелёного друга!

ДВЕ ГОЛОВЫ – ХОРОШО, НО ТРИ...

Из закопчённой трубы валил чёрный дым и падал на чистый снег или снег падал на облака дыма? Может быть, дым вовсе не выходил из трубы, а, наоборот, втягивался внутрь, забирая с собой из низких белых туч снег? Володька стоял на улице в полном одиночестве. Мальчик не хотел заходить в дом, он любовался начинавшейся метелью и размышлял: «Что будет, если

собрать все снежинки и слепить снеговика? – Володька почесал варежкой нос и продолжил размышлять: – Каким же огромным он получится!» Крупные снежинки падали на лицо и приятно щекотали кожу. Внезапно мальчика озарила мысль: «Почему снеговика никогда не делают ноги? Бедный стоит на снегу и мёрзнет...» Володька зашёл в сарай, где хранились дрова, выбрал два тонких полена и принялся катать снежные шары... Последний, третий шар получилось скатать довольно быстро, он был «головой», поэтому в разы меньше остальных. Володька воткнул два полена в снег, водрузил большой шар, сверху поменьше и самый маленький ещё выше. Снеговик простоял несколько секунд и повалился набок. Дверь в дом скрипнула, и на пороге появился отец.

– Чем занимаешься? Вижу. Снеговика лепишь! – сказал отец, застегнул куртку и направился к сыну. – Что это за деревяшки?

– Это не деревяшки! Это ноги! Правда, он не хочет на них держаться, – заявил Володька и принялся заново выстраивать снежную конструкцию.

– Как это не хочет держаться? Сейчас мы ему поможем!

Три раза отец с сыном «возрождали» снеговика, но тот никак не хотел почувствовать под ногами землю, вернее, снег. Володька смотрел на отца, отец смотрел на сына.

– Подожди, Володька, сейчас я что-нибудь соображу! Мы заставим этого негодника стоять на своих двоих! – высказался отец, держа в руках голову снеговика.

Из сарая доносился стук топора – отец что-то придумал. Володька тем временем возвращал «снежному человеку» зрение – вкручивал две большие синие пуговицы, оставшиеся от маминого пальто.

– Вот! Смотри! – отец нёс кувалду и две метровых, заострённых с одной стороны жерди.

Отец запыхался, расстегнул куртку и сдвинул на макушку шапку – не так-то просто забить жерди в мёрзлую землю!

– Ух! Упирился я. Так же хорошо? – отец шагнул в сторону, наклонил голову и снова посмотрел на проделанную работу.

Володька представил, как будет выглядеть снеговик на двух жердинах, и рассмеялся.

– Чего ты хохочешь? Будет длинноногий снеговик, – ответил отец и невольно улыбнулся. – Мы сейчас его соберём, а деревяшки облепим снегом, и никто в жизни не догадается, как это у нас получилось создать такое существо!

– Ух ты, папа, точно! Хорошо ты придумал. Одна голова – хорошо, но две лучше! Помнишь поговорку?

– Помню! Только не две, а три головы. Ты снеговика забыл посчитать, Володька, – отец хитро посмотрел на сына и кивнул в сторону «снежного человека», уставившегося на людей синими пуговицами глаз.

– Ой, правда. Извини, снежный человек! – попросил прощения мальчик у стоявшего на снежных ногах существа...

Володька пил чай и смотрел в окно. Под порывами ветра снеговик, крепко стоявший на ногах, изредка махал своему создателю руками-ветками. «Две головы – хорошо, но три лучше» – мальчик вспомнил слова отца, посмотрел в его сторону и произнёс: «Мы молодцы, папа!»

БЕЛЫЙ КРОЛИК

– Мы тоже празднуем Новый год. Но у нас не принято рубить молодые деревца. Мы приносим домой снег, открываем настежь окна, а снежинки сами находят путь и вылетают, – произнёс белый кролик, смешно сложив длинные уши.

– Нет, нет! Что ты! Мои родители купили искусственную ель, которую каждый праздник заносят с балкона и наряжают игрушками, потом приходит Дедушка Мороз и раскладывает подарки для меня и братика, но я ни разу его не видела, – ответила опечаленная Настя.

– Как не видела? Он живёт по ту сторону леса. Пойдём! Может быть, он будет дома, – махнул лапкой кролик, и они пошли по тропинке, залитой лунным светом.

Настя подняла голову, рассматривая тёмные стволы исполинских деревьев. Их макушки, похожие на блюдца, поддерживали небо.

Дорожка лунного света, пробивающегося между туч, направляла снежинки с зелёных лапелей и вековых сосен вверх. Снег возносился к небу, образуя там многочисленные сугробы.

– Как здесь красиво и необычно! – девочка ошеломлённо смотрела на окружающее её чудо.

– Остановись! – ласково произнёс кролик. – Через несколько минут ты увидишь настоящее чудо! Тебе понравится!

В некоторых местах земля оголилась от снега. На поверхности появились маленькие красные ростки, трепыхающиеся от дуновения лёгкого ветра. Прошло несколько минут, и на тоненьких ножках-стеблях заискрились прозрачные цветы, словно хрустальные чашечки. Они испускали сверкающую пыльцу. Тонкий звон разнёсся по лесной округе – хрустальные чашечки пели! Настя заворожённо смотрела на цветы и чуть не вскрикнула, когда тёмная кора деревьев издала громкий звук, похожий на горный камнепад, треснула, из-за чего вековые сосны стали напоминать ошетилившегося дикобраза! Из-под коры вылетели маленькие синие птички размером чуть больше земной мухи. Миллионы, если не миллиарды птичек заполнили воздух! Настя прикрыла нос и рот ладошкой, опасаясь ненароком проглотить или вдохнуть диковинное существо. Существа собрались в рой и ринулись к цветку за сладким нектаром. Напившись, они сели на сугробы и превратились в снежинки.

– Так происходит каждые три часа, – отрапортовал кролик и добавил, увидев, что девочка погрустнела: – Ты не переживай, они не умирают, просто переходят в другую форму жизни. Перерождаются!

Настя поняла, о чём говорил её ушастый друг, но всё же немного опечалилась...

На опушке леса расположился маленький деревянный домик, поодаль стояло непримечательное здание, напоминающее гараж.

– У Деда Мороза есть автомобиль? А-а-а, я, кажется, догадалась! Там стоит карета с запряжёнными северными оленями! – с нескрываемым восхищением произнесла девочка, дёргая кролика за лапку, чтобы тот обратил на неё внимание.

– Нет у него автомобиля, и кареты нет. Это склад, где хранятся подарки. А северные олени мирно живут в коттеджном посёлке. Не понимаю, как это они «запряжены в карету»? – недоумевая, спросил кролик.

Настя сконфузилась.

– В нашем мире все представляют именно так.

Кролик покачал головой в знак неодобрения Настиного мира.

– Дед Мороз ходит пешком. Стучится в дверь, ему открывают, и он дарит подарки. Всё просто! Никаких выдумок и фантазий у нас по этому поводу нет. Дед Мороз – обычный житель. – Кролик задумался. – Правда, он появляется у нас раз в год всего лишь на месяц, потом пропадает. Весь последующий год на избушке висит замок. Никто не знает, куда он уходит... Поговаривают...

– Что? О чём поговаривают? – заинтересовалась Настя, также дёргая кролика за пушистую лапку.

– Поговаривают, что он превращается в огромную снежинку, как те синие птички, которых ты видела, и взлетает на небо. К приближению новогодних праздников снова появляется. Дед Мороз неразговорчивый, он ещё ни с кем не обмолвился словом...

Настя проснулась и села в кровати. Солнечные лучи заливали комнату. На окне сидел голубь и ворковал. Под ёлкой лежали коробочки, обёрнутые в красную подарочную бумагу. Девочка вспомнила сон, белого кролика и падающий в небо снег.

– Мама! Папа! – крикнула она, не вставая с постели.

– Чего ты кричишь? – отозвался из дальней комнаты брат Саша. – Ты же взрослая, а ведёшь себя как маленькая! Они в магазин уехали.

«Взрослый» брат Саша был старше сестры на два года и три месяца, но возомнил о себе невесть что! Настя насупилась, но ничего не ответила. Рассказать ему свой сон? Нет! Он не поймёт, лишь будет упрекать в том, что она до сих пор верит в разного рода чудеса. Вот мама с папой её выслушают и непременно поймут!

– Прекрасный сон! – коротко сказал папа и почему-то начал задавать вопросы о север-

ных оленях, как им удалось оккупировать коттеджный посёлок, а тем временем главному герою Деду Морозу дали во владение какую-то дряхлую избушку с маленьким гаражом на краю леса. Несправедливость для папы была главной интригой рассказа.

– Ой, какая красота! Мне такое в детстве не снилось! – улыбаясь произнесла мама, толкнув отца в бок, чтобы тот прекратил задавать неуместные вопросы.

– Бредни! – фыркнул брат, хотел что-то добавить, но посмотрел на маму, грозившую пальцем, покачал головой в разные стороны и показал язык сестре.

Настя, конечно же, ждала большего, но и такие краткие комментарии её устроили...

Коробочки с подарками открыты, торт съеден, а чай выпит. Поздравления родителей и мультфильмы по телевизору закончились. Только белый кролик и Дед Мороз – молчуны никак не выходили из головы! Девочка посмотрела в окно, растаявший на подоконнике снег превратился в блестящие под лучами солнца капли воды, во дворе, возле соседнего подъезда, брат с друзьями играл в «захват горы», а её подружки катались на санках. Внезапно капли на подоконнике приобрели синий цвет, заблестели и упали вниз, следом целый ворох снежинок полетел вверх, к небу, а по тротуару в их подъезд заходил в своём красном костюме с серебристыми звёздочками Дед Мороз, державший за пушистую лапку белого кролика...

ПОХИТИТЕЛИ ПУГОВИЦ,

ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДАНИЛЫ В ИЗНАНОЧНОЙ СТРАНЕ

Дмитрий ИГНАТОВ

ГЛАВА 1 МАЛЬЧИК С ПУГОВИЦЕЙ

Удивительные истории случаются в мире, мой друг. Сказочные истории. Скажешь, что на самом деле никаких сказочных историй не бывает? А может, ты просто не замечал их? А ведь столько всего происходит удивительного вокруг, на что мы просто не обращаем внимания. Взять хотя бы простой вопрос: куда деваются оторвавшиеся пуговицы? Казалось бы, вот треснула оборвавшаяся ниточка. Вот пуговка с негромким стуком упала на пол. Вот она покатилась. Мы можем даже увидеть тот момент, когда она спряталась под диваном или за ножкой стола. Наклоняемся, чтобы поднять, но её там нет. И будет большим чудом, если после долгих поисков она всё-таки найдётся. Но всегда совсем не там, где мы могли предположить.

Большинство людей, конечно, рассмеётся. Какая нелепость! Да кто-то и не станет наклоняться, поднимать, искать... Подумаешь, пуговица! Такая мелочь. Люди не замечают и куда более важных вещей. Целые жизни остаются без их участия и внимания. Целые миры оказываются

скрыты от невнимательных глаз. А человеческая жизнь – разве не тот же мир? Взять, к примеру, маленького Данилу, который лежал сейчас на своей неудобной жёсткой кровати, вглядываясь в темноту и никак не мог уснуть. Впрочем, к пуговицам мы тоже скоро вернёмся. Но пока о мальчике...

Как ты уже понял, он лежал в крошечной темноте и не мог уснуть. Несмотря на то, что вместе с ним в длинной комнате с одной дверью, одним столом и одним вытянутым окном проживало ещё трое таких же мальчиков примерно того же возраста, Данила тем не менее чувствовал себя совершенно одиноким. Вероятно, не в меньшей степени, чем и остальные. Ведь все они были сиротами. «Сиротками», как жалостливо говорила старенькая уборщица баба Настя. А строгая заведующая Зинаида Аркадьевна предпочитала другое слово. Отчитывая кого-то за очередную провинность и обозначая словно всех сразу в третьем лице, она чётко произносила «воспитанники» и многозначительно поплёскивала круглыми очками. За обоими словами скрывался один общий и простой смысл. Ни у кого из здешних детей не было родителей. В самом деле. Ведь если родители есть, то именно они занимаются воспитанием воспитанников, а ни-

какая не Зинаида Аркадьевна. Но Данила уже был достаточно взрослым и понимал: сами собой родители никуда не деваются. Ребята постарше часто говорили, что взрослые его просто бросили. Обычно это произносилось в его или чей-то ещё определённый адрес с каким-то насмешливым вызовом или горькой издёвкой, чтобы скрыть собственное разочарование. Так что мальчика это никак не задевало. Данила был уверен, что его папа и мама никогда бы так не поступили. Должно быть, произошло что-то серьёзное, и они вынуждены были это сделать. Но когда-нибудь за ним вернутся и непременно всё объяснят. Однако шли месяцы и годы, а за Данилой так никто и не возвращался. Когда же Данила сам пришёл за объяснениями к строгой заведующей, то её ответ ему совершенно не понравился.

– Видишь ли, Данила, – сказала Зинаида Аркадьевна, по обыкновению тщательно подбирая слова и блеснув очками, – взрослые чаще всего умирают раньше детей. Это обычный порядок вещей. Но и иногда это случается слишком рано.

Потом она ещё рассказывала Даниле что-то про автомобильную аварию. О том, что родители Данилы были совсем не виноваты в произошедшем. Что такое, к сожалению, тоже случается довольно часто. Что он в то время был очень маленьким и совсем ничего не помнит. И что ему даже повезло, ведь он остался цел.

Но ошеломлённый Данила стоял и почти ничего из этого уже не слышал. А потом просто сорвался с места и в слезах выбежал прочь.

Нет. Всё это не могло быть правдой. Зинаида Аркадьевна что-то напутала или даже специально соврала. Данила помнил своих родителей. Доброе лицо мамы. Её заботливый взгляд. Чуть шершавые, но тёплые руки отца. Его улыбка. Данила видит их словно через какую-то пелену. Они теряются в дымке. День ото дня становятся всё более туманными. Но ведь они были! Не сочинил же он их. А если действительно выдумал? Лучше бы они и правда его бросили. В этом случае они хотя бы могли передумать и вернуться... Ну нет! Такого не может быть. Так размышлял Данила, лёжа в темноте, и от этого ему становилось ещё грустнее.

На какой-то момент Даниле вдруг показалось, что кроме него и других воспитанников

в комнате был ещё кто-то. Словно два тихих еле слышных голоса шептались где-то в темноте между ножек металлических коек. Но когда мальчик осторожно повернул голову и начал вглядываться, чтобы рассмотреть, кто же это мог быть, всё стихло. Наверное, показалось, подумал Данила, по обыкновению проверил пальцами свой талисман – на месте ли – и наконец крепко закрыл глаза.

– Пошарить бы у него в карманах, – тихонько прозвучал из темноты чей-то писклявый, но одновременно грубый голос.

– Нельзя. Забыл? – ответил второй такой же тонкий, но более мягкий шёпот.

– Дурацкие правила...

Снова последовал тихий шорох и чья-то возня. Но больше ничего не было слышно. Тем более Даниле. Он уже крепко спал.

И пока мальчик спит, мы поговорим о его чудесном талисмане. Ты же помнишь, что я обещал вернуться к пуговицам? Спросишь, при чём же тут пуговицы? Ну как же... Ведь талисманами могут быть совершенно разные предметы. Так почему же обычная пуговица не может быть талисманом? Тем более что пуговица Данилы была совсем не обычная.

Пуговицы, как тебе известно, бывают совершенно разными – всяческих цветов и размеров. Большие, огромные, маленькие и совсем крошечные – меньше ногтя на мизинце. Чёрные, белые, синие, красные, фиолетовые и всяких прочих оттенков, которым даже тяжело подобрать точное название. Не говоря уже о блестящих, перламутровых, многоцветных и пёстрых, как зебра или даже леопард. Это же касается и формы. Ведь пуговицы бывают не только круглые или, скажем, квадратные, но и треугольные, пятиугольные, шестиугольные и даже восьмиугольные. Тут нет, по сути, никаких ограничений.

Другое дело – количество дырочек. На первый взгляд, есть пуговицы совсем без них. Но тогда они потеряли бы всяческий смысл. Как пришить пуговицу, если в ней совсем нет никаких отверстий? На самом деле одна дырочка в таких пуговицах всё-таки есть. Она спряталась на специальной ножке, вроде петельки, на которой пришитая пуговица потом будет торчать, как

грибок. Не очень-то надёжная, но зато очень эстетичная конструкция. Пуговицы с двумя дырочками знакомы всем с самого детства. Именно их пришивают на маленькие рубашонки и платьяца. Обычно они небольшие и милые, как поросёнышки-пятячки. Впрочем, у них есть и взрослые серьёзные собратья – пуговицы от пальто. Мрачного цвета, пришитые грубой ниткой в цвет ткани, чтобы по возможности не выделяться на её фоне. При всей разности своего характера, и те и другие обладают, однако, общим недостатком – достаточно просто отваливаются, когда нитка перетрётся. Не так легко, как их однодырочные грибовидные собратья, но всё же...

Пуговиц с тремя дырочками почему-то нет... Связано ли это с трудностями изготовления или отсутствием удобства или каких-то иных явных выгод? Неизвестно. Просто прими этот факт как очередную загадку.

Вершиной же пуговичной технологии по праву считаются пуговицы с четырьмя дырочками, расположенными в середине двумя равноудалёнными парами – в виде квадрата. Это неперемённое свойство несёт неоспоримое преимущество – возможность пришить пуговицу двумя симметричными пересекающимися стежками крест-накрест. Это, как ты понимаешь, не только надёжно, но и красиво. И конечно, находятся странные фантазёры, которые пришивают такие пуговицы квадратиком или даже квадратиком с диагоналями, расходуя на каждую нитку вдвое больше положенного. Но это только дело вкуса. А о вкусах не спорят...

Главное, теперь ты, кажется, начал понимать, почему количество дырочек очень важно. Можно даже сказать, оно определяет судьбу каждой пуговицы. Итак... Их бывает одна, две или четыре. Волшебные числа. Каждое вдвое больше предыдущего. Древние говорили, что числа правят миром... Ты спросишь: и всё? А что дальше? Ничего. И так было, если бы речь шла об обычных пуговицах. Но пуговица Данилы, как ты уже знаешь, была совсем не обычная.

Средних размеров – не больше двухрублёвой монетки. С одной стороны чёрная, гладкая и блестящая, как уголёк. С другой – такая же чёрная, но матовая и чуть шершавая, словно бархат. Так что

разницу можно было почувствовать пальцами, не глядя. Чуть вогнутая внутрь и с выпуклой каёмкой по внешнему краю. На вид же совершенно неприметная и даже непримечательная. Если бы не одно но... В её серединке, обрамлённой ещё одной круглой бороздкой, находилось целых пять дырочек. И не как-нибудь, а строго по кругу на равных расстояниях. Пять совершенно одинаковых аккуратных ровных дырочек. Так что такое расположение никак нельзя было объяснить случайностью, производственным браком или чьей-то шалостью. Это была самая настоящая пуговица с пятью настоящими дырочками. Возможно, единственная в своём роде.

Но, конечно, для Данилы его пуговица была особенной совсем не по этим причинам. Вряд ли он даже задумывался обо всём этом. Хотел он того или нет, но его беспокоили вещи куда более простые и одновременно более сложные, чем вопросы количества дырочек на пуговицах и методы их прикрепления нитками.

Несмотря на то, что воспитанников в интернате, где жил Данила, было предостаточно... И это само по себе грустно, когда на свете столько детей, у которых нет родителей. Так вот, несмотря на это, Данила чувствовал себя очень одиноко. Малышня им не очень-то интересовалась, занимаясь какими-то своими глупыми играми. Старшие ребята в лучшем случае игнорировали. Некоторые даже недолюбливали. А были и такие, кто при случае норовил специально поддеть мальчишку. Спокойный и молчаливый, вечно погружённый в свои мысли Данила регулярно становился объектом насмешек, а то и похуже...

Каждый раз, когда его тычком отпихивали в столовой, или подставляли подножку, или обступали кружком, одаривая очередным издевательством, от которого у кого-то другого давно бы потекли слёзы, Данила лишь плотнее поджимал губы, молча смотрел на обидчиков исподлобья да сжимал в руке заветную пуговицу. И всё вокруг сразу казалось нестрашным и неважным...

Самое главное, он точно знал, что получил её от папы. Помнил его улыбку, как тот вкладывает маленький кружок в детскую ладошку, как говорит что-то важное и ободряющее... А это значит,

что он жив. И Зинаида Аркадьевна не права, что бы она там ни рассказывала... И потому-то Данила бережно носил свою драгоценность на толстой красной нитке, обвязанной вокруг левого запястья. И каждый раз, когда холодный пластик соприкасался с его кожей, мальчику становилось теплее. Он вспоминал, что на самом деле не одинок.

После обеда, в который раз сбежав от старших ребят, почему-то решивших непременно поколотить его, Данила укрылся за неприметной дверью под лестницей. Выцветшая табличка на двери вполне однозначно сообщала, что это «служебное помещение», а значит, никому из воспитанников не было позволено туда заходить. Но Данила знал это и безо всякой таблички. Более того, он знал, что загадочное служебное помещение не более чем вытянутый узкий чуланчик, где уборщица баба Настя хранила свои швабры, тряпки и разные моющие средства. Отперев дверь ранним утром и забрав что нужно, она уже не закрывала её, так как уборка коридоров в детском доме проводилась дважды в сутки. И лишь после ужина старушка навещала сюда второй раз и, закончив свои дела, уже запирала дверь на ключ перед самым отбоем. До этого момента Данила мог чувствовать себя здесь в полной безопасности.

Устроившись в полумраке на прохладном полу, он погружался в молчаливую игру с тем, что успевал прихватить с собой из игровой комнаты. А если не успевал – это тоже не было проблемой. Ведь вокруг было столько разных вещей, которые при должной фантазии могли послужить игрушками. Пузатая пластиковая бутылка, стоило приладить к ней сверху распушившуюся щётку, превращалась в забавного человечка с модной шевелюрой. Скрученный и дважды перегнутый тюбик представлялся то чьим-то конём, то собакой, то каким-то другим неведомым зверем. А несколько толстых тёмно-зелёных хозяйственных тряпок, сложенные правильным образом, сразу же становились то великолепными холмами, то загадочными островами, то широкими и ровными долинами, то коварными морщинистыми болотами.

Всё это волшебство длилось всегда до тех пор, пока из столовой не начинали греметь баки

и звенеть металлические тарелки – сигнал приближающегося ужина. И Данила, спешно приведя всё в порядок, как ни в чём не бывало покидал своё тайное убежище в надежде, что уборщица баба Настя и в этот раз ничего не заметит и снова не станет запиравать спасительную дверь.

Пока же в столовой ничего не гремело, и Данила преспокойно путешествовал по миру своих фантазий. Растянувшись на тёмно-коричневых плитках, он уже вовсю покорял таинственные пещеры между старыми хозяйственными ведрами. Как вдруг складки рабочего халата, висевшего неподалёку, подозрительным образом заколыхались. Мальчишка замер. Первым делом он подумал, что это, должно быть, мышь или крыса. Но из-за ткани показалась чья-то тонкая трёхпалая рука. Отчасти она походила на птичью ногу, но никак не на лапу зверя. Рука словно обнюхала пространство вокруг себя, отодвинула полу халата, как занавес, и из-за него наконец показалось странное существо.

Это был маленький и худой человечек с крошечными светящимися глазками, не более десяти сантиметров ростом, но тем не менее в искусно сшитом костюме с цилиндром и тросточкой. Последняя была особенно занимательной, потому что в качестве набалдашника её венчал маленький деревянный кулачок. В остальном одеяние гостя было вполне обычным. Все прочие же непокрытые участки его миниатюрного тела, насколько позволял рассмотреть полумрак кладовки, тоже были выполнены словно из какой-то ткани, собраны воедино и соединены короткими стежками. Впрочем, уже не так аккуратно и изящно.

Следом за первым показался второй. Он был чуть ниже, но значительно толще и круглее, как шерстяной носок, который бабушка натягивает на электрическую лампочку для штопки. Наряд его казался куда менее элегантным, чем у приятеля: квадратная куртка и такие же квадратные штаны неопределённого цвета, а на голове – глубоко надвинутая плотная шерстяная шапочка, из-под которой поблёскивала пара хитрых маленьких глазок.

Оба гостя двигались необычно плавно для кукол-марионеток, но и недостаточно естественно для живых существ. И это производило на Даню

странное, даже пугающее впечатление. Так что мальчик даже не решился вскрикнуть от удивления.

– Только не вздумай решить, что мы игрушечные, – сердито проговорил маленький толстяк писклявым, но одновременно грубым голосом, – иначе я подпрыгну и укушу тебя в глаз!

Данила невольно заулыбался.

– Тебе смешно?! – строго повторил человек.

– Извините, – чуть смутился Данила, – но разве кто-то способен прыгнуть во столько раз выше самого себя?

– Теперь ты потешаешься над моим ростом?! – маленький человечек побагровел от злости и напрягся так сильно, что казалось, нитяные шовчики на его лице вот-вот разойдутся. – Может, хочешь проверить, допрыгну ли я до твоей коленной чашечки?

– Простите, – на всякий случай ещё раз извинился Данила и поднялся на ноги, рассудив, что вести разговор, лёжа на полу, неприлично, даже если дело касается таких маленьких собеседников.

– Ишь какая стеблина! – заметил круглый человечек. – Только не думай мне, что запугал меня... Всё равно допрыгну! Ясно?

– Ну хватит... – мягко прервал приятеля человечек в цилиндре, – вечно ты лезешь в драку... Уверен, молодой человек и в мыслях не имел ничего дурного. Так ведь?

– Конечно, – кивнул мальчик.

– В таком случае разрешите представиться. Меня зовут Виссон, – человечек приподнял свой цилиндр и слегка поклонился, – а моего не в меру агрессивного приятеля – Тик.

– Здорово! – буркнул тот.

– Очень приятно, – ответил Данила, – а я...

– Данила, – улыбнулся Виссон и, заметив лёгкое удивление на лице мальчика, добавил: – Твоё имя нам известно. Ведь мы давно тебя знаем.

– Давно?

– Примерно с тех самых пор, как ты нашёл этот чулан. Видишь ли... В каком-то смысле мы тоже тут живём.

– Живёте?

– Не слишком ли ты много вопросов задаёшь? – вмешался мрачный Тик. – Что это у тебя там болтается на руке? А ну покажи!

– Ничего... Просто пуговица... – ответил Данила и выставил вперёд запястье, на котором на нитке был привязан его талисман.

– А ну потруси влево-вправо! Ага... А ну подпрыгни!

Мальчик послушно произвёл эти действия, найдя просьбу забавной.

– Гляди-ка... Крепко привязал, – с досадой проговорил Тик.

– Чтобы не потерялась, – улыбнулся Данила.

– Каков ты хитрец... А может, подаришь?

– Не-е... – замотал головой Данила и даже для пущей убедительности спрятал руку с пуговицей в карман, – не могу. Это память. О папе.

– Понимаю... – с неподдельной искренностью и даже заботой проговорил Виссон. – А что, если бы мы помогли тебе найти твоего папу? Тогда бы ты подарил нам эту свою пуговицу?

– Конечно! – не задумываясь выпалил Данила, а потом добавил: – И даже свою коллекцию монет.

На что оба человечка пискляво рассмеялись, а Тик буркнул:

– Монеты можешь оставить себе.

– Видишь ли, Данила, – загадочным полушёпотом произнёс человечек в цилиндре, – монеты нас совсем не интересуют. Нас интересуют только пуговицы. Иногда они теряются и закатываются за изнанку реальности. А мы их находим. И поэтому зовём себя пуговичниками. Но случается, что точно так же могут пропадать и люди. Очень вероятно, что с твоим папой могло произойти что-то подобное... Если так, то тебе останется только пойти вместе с нами и узнать его...

– Куда пойти? – насторожился Данила. Он уже был достаточно взрослым и прекрасно знал, что с незнакомцами никуда ходить нельзя. Особенно если тебе предлагают что-то загадочное и необычное. В прошлый раз, когда он согласился со старшими ребятами и зашёл в указанную ими дверь, у него на голове оказалось полное ведро жидких помоев. А ведь ребята были, можно сказать, знакомыми. Чего уж ожидать от каких-то неизвестных «пуговичников», которые даже не вполне похожи на людей?

Взвесив все эти аргументы, он хотел твёрдо ответить, что никуда не пойдёт, но тут произошло что-то совсем невероятное.

Маленький круглый пуговичник, подпрыгнув, как мячик, ухватился за какой-то тканевый край и вместе с собой потащил вниз. Данила на миг затаил дыхание, решив, что это рабочие халаты на вешалке и что сейчас всё с грохотом повалится, выдав его тайное укрытие. Но нет. Тик словно ухватил край какого-то невидимого занавеса. Вторую сторону ловко потянул в сторону Виссон. Вся обстановка маленькой кладовки вокруг исказилась, заколыхалась, пошла складками, как будто всё вокруг было не реальным, а спроецированным на экран. А в образовавшейся прорехе возник сияющий проход куда-то ещё. Казалось, что там виден незнакомый пейзаж, зелёные холмы, деревья, река, но всё размывалось и смазывалось качающейся дымкой.

– Чего застрял?! Думаешь, это легко? – раздражённо вскричал Тик.

– Давай быстрее! Мы не можем удерживать ткань пространства слишком долго, – поторопил Виссон.

И мальчик, забыв о своих прежних сомнениях, шагнул внутрь.

ГЛАВА 2 ГОРОД НА ИЗНАНКЕ

В следующую секунду всё вокруг засияло и закрутилось. Данила почувствовал, что какая-то неведомая сила потащила его вперёд. То ему казалось, что он падает в пропасть, то, наоборот, что взлетает. Всё продолжалось секунд десять, после чего мальчик кубарем скатился на зелёную траву.

Когда Данила открыл глаза, то обнаружил, что всё вокруг как-то изменилось. То ли пуговичники Тик и Виссон сильно увеличились в размерах, то ли он сам уменьшился.

Первым делом мальчик проверил, не потерялась ли его заветная пуговица, и сначала испугался, не обнаружив её на руке. К счастью, она быстро нашлась. Станным образом она тоже стала больше, переместилась на шею всё на той же красной нитке, теперь скорее на толстом шнурке, и сама теперь больше походила на

большой медальон или самый настоящий амулет.

– Что произошло? – спросил мальчик у своих спутников, поднимаясь на ноги и отряхиваясь.

– Мы прошли через прореху в ткани пространства. И оказались в Изнанке, – пояснил Виссон, поправляя свою шляпу.

– Через прореху?

– Да! Почти такую же, как у тебя под мышкой! – усмехнулся Тик. А Данила стыдливо засунул руку в карман, прикрыв дыру на куртке, которая и правда была уже очень старой, а потом уточнил:

– А что такое изнанка?

– Что такое изнанка? Да всё это! Глаза разуй! Всё вокруг!

Данила с интересом огляделся по сторонам. Вместе со своими новыми знакомыми он находился на склоне зелёного холма. Точно таких же необычайно симметричных округлых зелёных холмов рядом находилось ещё множество. Внизу между ними текла извилистая голубая речка. А прямо за ней на таком же зелёном покатом берегу располагался чудесный город.

Насколько было видно Даниле, поселение состояло в основном из чудесных ярких маленьких домиков. Но чем дальше, тем выше и величественнее становились здания. Где-то в середине города, кажется на самой вершине холма, громоздилось нечто вроде замка с многочисленными башенками и остроконечными крышами.

Даниле стало очень интересно, кто же живёт в таком большом и роскошном доме, но он постеснялся спросить. Тем более что пуговичники, не дожидаясь его, уже устремились вниз по узенькой тропинке. Поэтому мальчик бережно спрятал свой талисман под рубашку и поспешил за ними, не переставая глазеть по сторонам...

Будучи от природы очень внимательным ребёнком, Данила подмечал каждую мелочь. Особенно если та виделась ему интересной или необычной. А таких мелочей вокруг было превеликое множество.

Во-первых, мягкая зелёная трава, на которую он так неожиданно шлёпнулся и которая покрывала собой все холмы, равнины и склоны, оказалась совсем не травой. Под его ногами из-под земли пробивались толстые пушистые ворсинки.

Данила не удержался и несколько раз наклонился, чтобы снова и снова провести по ним рукой. И таким образом убедился, что они напоминают скорее не растительность, а именно мягкий ковёр.

Впрочем, и сама «земля», если раздвинуть рукой этот травяной ковёр и поглубже зарыться в него, представлялась не почвой, а какой-то плотной тканевой основой, сотканной из грубых пересекающихся нитей.

Во-вторых – а со склона холма это было особенно хорошо видно – чудесный город весь словно озарялся снизу лампами. Каждый домик, изгородь или деревце будто были рассвечены огоньками невидимых гирлянд. Однако чем дальше от города, тем темнее делалось всё вокруг. Дальние холмы, между которыми терялась убегающая река, становились похожи на мрачные горы. А небо и вовсе делалось непроглядно чёрным.

– Разве сейчас ночь? – удивился Данила, наконец догнав маленьких человечков и сияясь разглядеть над головой хотя бы одну звезду.

– Вовсе нет. Сейчас день. И при этом очень хороший, – ответил Виссон, вышагивающий вниз по тропинке на своих длинных ногах и легкомысленно размахивающий тросточкой.

– Тогда почему небо такое тёмное?

– Ты что, совсем? – снова раздражённо переспросил круглый Тик. – Где ты видишь небо? Это твердь! Неуч...

– Будь терпеливее... Наш юный друг не знаком с тонкостями устройства нашего мира, – утихомирил его Виссон и мягко пояснил мальчику: – Видишь ли... Изнанка, как и полагается, окружена тканью пространства-времени, будто коконом. Вы, люди, живёте на внешней, образно говоря, лицевой поверхности, а мы – здесь... Поэтому и свет у вас там, – он неопределённо махнул куда-то рукой, – идёт сверху и снаружи. А у нас снизу и изнутри. Понимаешь?

– Кажется... Да, – кивнул Данила, хотя мало что понял.

Тем временем все трое уже спустились с холма и подошли к мосту через ту самую извилистую голубую речку, которая на деле оказалась куда шире, чем смотрелась с высоты.

Пройдя по изрядно состарившимся и скрипучим доскам почти до середины, мальчик слегка перегнулся через перила, чтобы полюбоваться на воду. Но, к своему удивлению, вдруг обнаружил, что никакой воды в реке нет. А то, что он сначала принял за волны и пену, было не что иное, как бесконечный поток тонких нитей. Кажется, их были тысячи, а может, и сотни тысяч. Всех оттенков голубого и синего – разной фактуры, толщины и яркости – от белоснежно-белого до почти чёрного. Они вытягивались из-за поворота, перекручивались между собой, образовывали петли, волнами набегали на берега, натывались на опоры мостика, а потом вновь расправлялись и уносились дальше. Изредка среди прочих нитей появлялось несколько серебристых, и тогда казалось, что поверхность поблёскивает на солнце, как самая настоящая река.

– Впервые видишь нитяную реку? – снисходительно спросил Виссон, заметив интерес Данилы. Тот утвердительно покивал.

– Только не вздумай туда лезть, – строго добавил Тик. – Одно неверное движение, и какая-нибудь шальная петелька утянет тебя. Пикнуть не успеешь, как запутаешься. Унесёт, и не вернёшься.

– А куда она течёт? – поинтересовался Данила, заворожённый дивным зрелищем.

– Из прошлого в будущее, разумеется... – рассеянно ответил Виссон, а потом решительно добавил: – Пойдём, у нас не так много времени.

Преодолев по мосту нитяную реку, все трое приблизились ко входу в город. Над дорогой нависло громадное сооружение, будто бы собранное из множества катушек. На самом вершине этой кучи виднелись две маленькие фигурки пуговичников, вооружённых пиками. Дозорные, сразу мысленно предположил мальчик, но, почувствовав на себе чей-то колкий взгляд, стал рассматривать саму диковинную постройку.

Казалось, что неизвестные архитекторы планировали соорудить нечто вроде величественной триумфальной арки, но в процессе она то ли обвалилась, то ли часть деталей не подошла по размеру, то ли всем строителям просто не хватило аккуратности. В итоге результат напоминал больше дикую скалу или изрядно потрёпанные временем развалины.

– Какие древние руины! – задрал голову, воскликнул Данила и поспешил поскорее проскочить под ненадёжной конструкцией.

– Древние руины надеты на тебе! А это – ворота нашего города, – хмыкнул Тик. – И да будет тебе известно, ремонтировали их всего месяц назад!

Желая или подтвердить, или опровергнуть это замечание, а скорее всего, просто случайно один из стражников задел оружием стоящую наверху катушку. И та с глухим деревянным стуком тут же соскочила вниз, шлёпнулась о землю, скатилась к реке и в тот же миг была подхвачена её бурными потоками.

– А зачем ворота, если нет стен? – поинтересовался мальчик, всё ещё опасливо поглядывая назад.

– Постройка стены вокруг такого большого города? Потребуется тысячи тысяч пуговиц. А столько ни у кого нет, – объяснил Виссон.

– Ну раз это ворота, то тогда на них хотя бы должны быть створки или двери...

– Наивный ребёнок... – всё так же снисходительно ответил пуговичник. – Если у ворот нет стен, то тогда зачем же воротам двери?

Данила очень хотел спросить ещё что-то. Например, зачем же тогда вообще нужны такие ворота, но передумал, чтобы не показаться совсем уж глупым. Тем более что все трое уже вошли в город, и вокруг было на что посмотреть.

Слева и справа от дорожки как грибы после дождя натыканы небольшие округлые домики с покатыми крышами. Рядом с некоторыми располагались небольшие огороды, садики буквально из нескольких деревьев, кусты с неизвестными цветами. Там же можно было увидеть хозяев – таких же пуговичников, как и спутники Данилы. Кто-то заинтересованно выглядывал из окна, завидев новое лицо. Мальчик чувствовал, что сейчас всё внимание приковано к нему, и из скромности старался не встречаться взглядом с маленькими чёрными глазками.

Тут нам стоит снова прерваться и поговорить про необычную любовь пуговичников к пуговицам. Хотя сказать, что пуговичники любили пуговицы, – значит ничего не сказать об их чувствах.

Эта крепкая привязанность, даже страсть, словно иголка с ниткой, пронизывала всё их пуговичное естество. Пуговицы приносили им радость и печаль, окрыляли, воодушевляли, становились поводом для самой сильной обиды или глубокой благодарности. Пуговичники носили пуговицы не просто как банальную застёжку. Напротив, зачастую им находилось другое, более оригинальное применение. Их надевали как украшение, ценный орден и военные эполеты. Девочки-пуговичницы делали из них бусы и серьги. А некоторые, чтобы подчеркнуть удачливость и успешность, даже нашивали пуговицы на стены и крыши своих домиков. Максимально тщательно и крепко, разумеется, чтобы случайно не потерять. Но для этого, конечно, нужно было владеть не меньше чем сотней пуговиц. Большинство же пуговичников предпочитало прятать свои богатства или носить их непосредственно на себе – ближе к тельцу, ведь пуговиц у них обычно было не больше пары десятков. Но мы снова отвлеклись... Главное, как вы уже, наверное, поняли, пуговичники любили пуговицы больше всего на свете. А иначе они не были бы пуговичниками. И всё это не мог не заметить внимательный Данила.

А дорожка между домиками тем временем незаметно превратилась в улицу. Сами домики принялись толпиться, буквально громоздиться друг на друге, пока не сменились окончательно двух- и трёхэтажными строениями. Народу тоже сделалось заметно больше. Чем глубже в город заходил со своими спутниками Данила, тем шумнее и суетнее становилось вокруг. Все сновали, куда-то торопились, бегали туда-сюда. От мельтешения разноцветных одежек и разнообразных пуговиц на них у мальчика даже закружилась голова. Стараясь зацепиться взглядом хоть за что-то в этой круговерти красок, Данила вдруг увидел небольшую лавку с чем-то безумно знакомым и поспешил подойти ближе.

Это был киоск мороженщика. Уже пожилой пуговичник с пушистыми усами, напоминающими паклю, сосредоточенно занимался приготовлением очередной порции. Для начала он отрывал от огромного рулона, похожего на поленте, кусок вафли, сворачивал рожок, а после

подставлял его под занимательный блестящий автомат со множеством хитрых трубочек. По одному незаметному нажатию кнопки оттуда выдавливались тонкие цветные нити, которые мороженщик ловко сматывал в клубки прямо на весу. И вот уже в его руках оказывалось чудесное лакомство, переливающееся всеми цветами радуги.

Данила вопросительно посмотрел на Виссона, который замер в терпеливом ожидании, и, получив утвердительный кивок, торопливо полез в карманы. Внутри оставалась кучка мелких монет, которые мальчику удалось где-то случайно найти, но использовались они исключительно для игры, ведь потратить их в детском доме не было никакой возможности, да не было и необходимости.

Мальчишка выгреб из карманов медные и серебристые монетки, принялся пересчитывать их прямо на ладони, стараясь сообразить, сколько могла бы стоить порция мороженого. Но тут кто-то из торопливых горожан толкнул его в спину. Данила пошатнулся. Металлические кругляшки со звоном посыпались на мостовую, покатались в стороны. Несколько оказавшихся неподалёку пуговичников мгновенно застыли на месте, их глаза загорелись заинтересованным блеском. Но, присмотревшись, они тут же потеряли к монетам всяческий интерес и продолжили свой путь. Данила же бросился было поднимать деньги, но это вызвало лишь смех Тика.

– Здесь твои дурацкие монеты никому не нужны! Бесполезные кружочки. В них даже нет ни одной дырочки! Брось, пока не получил тумачков.

– А как же тогда? – мальчик растерянно оглянулся на пуговичников.

Виссон тяжело вздохнул, а после отогнул край обшлага на своём рукаве. С внутренней стороны он оказался полностью покрыт хороводом мелких пуговиц. Выбрав одну, он подцепил и отпорол её длинными когтистыми пальцами. Так ловко и незаметно, будто нитки разошлись сами собой. Виссон медленно поднял пуговицу повыше, долго разглядывал на свету, оценивая, а быть может, мучительно прощаясь, и наконец протянул её мальчику.

– Ладно... Держи. Этого должно хватить.

Данила благодарно кивнул, с лёгкостью передал плату мороженщику и уже через мгновение стоял и улыбался с невиданным лакомством в руках.

– А это... вообще можно есть? – вдруг засомневался Данила, ведь только что видел, как порция мороженого возникла из мотка цветной пряжи и куска вафельного полотенца.

– Ты издеваешься?! – чуть не захлебнулся Тик от возмущения. – Мы уже потратили на тебя целую пуговицу! Ты съешь это в любом случае!

Данила виновато взглянул на Виссона, а потом всё-таки попробовал лизнуть цветной шарик. Мороженое, впрочем, оказалось самым настоящим и очень вкусным. Возможно, не самым вкусным, какое могло быть в мире, но для Данилы оно было именно таким, ведь он давным-давно не ел вообще никакого мороженого.

Ощущая, как во рту растекается сладковато-фруктовый вкус, Данила, кажется, начал привыкать к этому странному миру. Светящиеся тёплыми огнями домики на фоне тёмного неба без звёзд напоминали ему новогоднюю ёлку. И теперь он думал, что в интернате, где он жил, конечно, тоже отмечали Новый год, организовывали праздник и ставили ёлку. Но она всё равно не была такой яркой и нарядной, как весь этот маленький волшебный мир. В какой-то момент мальчику даже показалась, что вся его прошлая жизнь – с однообразными серыми днями, насмешками старших и невыносимым одиночеством – навсегда осталась где-то там, позади. А сам он теперь может навсегда остаться здесь... Эта внезапная мысль, возникшая в голове Данилы, показалась ему одновременно и пугающей, и очень заманчивой. Но обдумать её как следует он не успел, потому что всё вокруг снова пришло в странное движение. Суетливая толпа пуговичников смолкла и расступилась в стороны, почтительно уступая кому-то путь. Растерянный Данила со своим мороженым в руках на секунду остался совсем один, но в следующий миг кто-то крепко схватил его за одежду и утащил на обочину ко всем остальным.

– Не зевай по сторонам! Тут тебе не Лицевой мир. Места меньше. Плотность выше. Задеваешь-

ся в кучу, провалишься в какую-нибудь прореху и совсем пропадёшь. Так что держись рядом! – сердито прошипел Тик прямо в ухо мальчику, но теперь в его словах даже слышалась какая-то забота. Мальчик понативно кивнул.

Тем временем на самой середине мощёной дорожки появилась пара пуговичников в блестящих латах и забавных шлемах, напоминавших напёрстки, которыми швеи проталкивают иглы по время шитья. По внешнему виду, особенно в этом своём обмундировании, они были похожи друг на друга как две капли воды. Оба вооружены угрожающего вида копьями с наконечниками, зловеще загнутыми на манер вязального крючка. И внимательно поглядывали на окружающих своими внимательными чёрными глазками.

– Кто это? – тихонько спросил мальчик.

– Какой из двоих? – невозмутимо уточнил Виссон.

– Оба...

– Городские стражники. Сатин и Ватин. Ты же видел их на городских воротах, а теперь не узнаёшь... Не запомнил?

– Нет...

– А они тебя – да, – строго заметил Тик, – так что будь осторожен. И не вздумай путать их имена.

– Они хоть и похожи, но совсем разные. Мягкий только один... – продолжил Виссон свои пояснения. – А лучше вообще никогда не приставай с разговорами. У них всё по графику. До обеда дежурство на городских воротах. А после – поддержание порядка на выступлении губернатора Габардина и почётный караул у городской ратуши...

– А сейчас?

– А сейчас у них обед, и они сопровождают господина Ревендука. Это самый уважаемый и богатый горожанин. Может даже позволить себе пользоваться услугами городской стражи.

– Как много работы всего для двух охранников...

– А зачем нам больше? – пожал плечами Виссон.

Из-за спин стражников показался господин Ревендук. Вид у этого пуговичника и прав-

да был значительный. Ростом он был несколько выше большинства пуговичников. Поэтому, а может, и по какой другой причине, смотрел на всех свысока. Кроме того, он был ещё и раза в два шире всех прочих и выглядел как надутый шар. Наверное, так, как и полагается выглядеть самым важным людям. Что же касается богатства, то и с ним всё было очевидно. Камзол господина Ревендука весь был покрыт пуговицами, нашитыми в таком количестве и так плотно, что образовывали сплошную пёструю чешую, из-под которой не было видно даже маленького кусочка ткани. Богатый господин степенно вышагивал следом за стражниками, глядя куда-то вдаль поверх голов. А окружающие, напротив, при его приближении сразу же стихали, опускали глаза и даже чуть кланялись. Сделали так и Тик с Виссоном. Данила подумал было, что это выражение почтительности, но через секунду понял, в чём была истинная причина.

От одежды Ревендука вдруг отвалилась одна из многочисленных пуговиц, стукнулась с негромким звоном и покатила по мостовой. Толпа сразу же оживилась. К пуговице устремился десяток рук. Двое пуговичников так спешили, что столкнулись лбами. Кто-то попытался ухватить добычу, но, подпираемый сзади другими желающими, повалился на землю. За него загнулись, насыпались сверху. Образовалась настоящая куча-мала.

Тик тоже полез в толпу, пытаясь растолкать конкурентов здоровенными ручищами. Тем временем Виссон прищурился и выбросил вперёд свою длинную и тонкую руку с зажатой в ней тростью. Удивительным образом деревянный набалдашник в форме сжатого кулака сам собой разжался и крепко ухватил край упавшей пуговицы. И буквально тут же всеобщее волнение улеглось. Пуговичники поднимались с земли, отряхивались и, бормоча что-то под нос, расходились. Уже через минуту от былой суматохи не осталось и следа. Все снова зашепили по своим делам, но вновь обыденно и спокойно. Точно так же, как и сам господин Ревендук, степенно удаляющийся по дороге.

– Что там все шептали? – спросил Данила.

– Повторяли основное правило... – ответил Виссон, разглядывая новое приобретение. – Так... Успокаивали себя.

– И какое оно?

– Что упало, то пропало, – буркнул Тик, явно недовольный своей неудачей и везением приятеля.

– Видишь ли... В этом и заключается фундаментальное отличие наших пуговиц от твоих монеток, их преимущество, – со знанием дела продолжил Виссон. – Их невозможно украсть или забрать силой. Только потерять, поднять, продать или подарить.

– Понятно... – проговорил мальчик, хотя ему в очередной раз совсем не было ничего понятно. Но он уже с интересом наблюдал в отдалении выступающий над толпой круглый затылок господина Ревендука, вокруг которого вновь возникло необычное движение. Кажется, он опять потерял пуговицу.

– А куда он идёт? – поинтересовался Данила.

– Господин Ревендук? – Виссон, наконец-то налюбовавшись, спрятал пуговицу во внутренний карман своего костюма. – Туда же, куда и мы, – на центральную площадь перед ратушей. Сегодня пятница, а значит, губернатор Габардин будет проводить своё традиционное еженедельное выступление...

– Это интересно.

– Совсем нет, – возразил Тик. – Каждый раз он говорит примерно одно и то же. Это важное скучное официальное мероприятие, поэтому там должно быть много народу... Поэтому там должны быть и мы.

– Потому что... Что упало, то пропало? Потерял – поднял? – догадался Данила.

– Я с первого взгляда понял, что ты очень умный мальчик, – усмехнулся Виссон и чуть подтолкнул его вперёд. – Поторопимся!

– Так... Зачем туда идём мы – это ясно. А остальные?

– Не такой уж ты и умный, как по мне... – хмыкнул Тик. – За тем же самым, разумеется.

Ускорив шаг, все трое влились в толпу таких же идущих на площадь пуговичников и вскоре оказались в центре города.

Дома здесь были совсем высокими. В многочисленных округлых окошках горели тёплые

огоньки, а нижние этажи зданий расцвечивались диковинными фонариками и красочными вывесками. Но среди всех этих огоньков сами здания будто нависали над головой, заслоня собой небо, отчего улицы казались совсем узенькими, а идущие по ним горожане – совсем маленькими. Они забежали в маленькие лавки и магазинчики, располагавшиеся на первых этажах, и выбегали из них. Весело разговаривали, сидя на лавочках под светящимися ровно подстриженными деревьями. Просто прогуливались взад-вперёд. Словом, занимались всем тем, чем и самые обычные горожане в пятницу вечером. Где-то неподалёку заиграла негромкая мелодия. Взгляд Данилы сразу обнаружил уличного музыканта, приладившего гриф к здоровенной пуговице и натянувшего нитки так, что получилось некое подобие гитары или банджо. Он отрешённо перебирал нитяные струны пальцами и смотрел куда-то сквозь прохожих. Впрочем, большинство из них точно так же смотрели мимо, поэтому в коробке, стоящей у его ног, лежало всего несколько пуговиц. Мальчику стало очень обидно за неудачливого пуговичника, ведь музыка была по-настоящему красивой. Сейчас он оторвал бы любую из пуговиц или даже все пуговицы со своей интернатовской рубашки или даже с пижамы и отдал бы музыканту. Но единственная пуговица, которая была у Данилы, – это та самая заветная памятная пуговица. И он, конечно же, не мог отдать её. От этого бессилия мальчику стало ещё обиднее. Уже за самого себя. Он поспешил вперёд, пытаясь уйти и от своих грустных размышлений.

К счастью, их, как и мелодию уличного музыканта, заглушил пронзительный скрежет трещоток и барабанный бой. Из-за поворота на перекрёсток высыпала яркая процессия. Эти пуговичники не походили на остальных. На их длинных оранжевых одеждах, подпоясанных толстыми белыми нитями, не было видно ни одной пуговицы. А шли они весёлой, но организованной толпой, приплясывая и подпрыгивая, задавая единый ритм своими нехитрыми инструментами. Изредка, в одно им известное время, все они одновременно скидывали руки вверх и кричали: «Славься, Бурда! Славься, Бурда!», после чего продолжали шумное движение, а потом всё повто-

рялось. Всю процессию возглавлял пуговичник в красном одеянии с длинным посохом, заканчивающимся наверху напоминавшим солнце золотым бубном с пятью расположенными по кругу отверстиями. Это сразу же показалось Даниле очень знакомым. Ведь именно так располагались дырочки на его необычной пуговице. Он даже хотел тут же достать её из-под куртки, чтобы сравнить, но Виссон крепко схватил его за руку:

– Осторожно! Не делай глупостей!

В ту же секунду предводитель процессии вдруг вскричал почти над самым ухом мальчика:

– Народ! Люди Изнанки! Отриньте свою слабость! Вы рабы пуговиц. Вы служите им! Освободитесь! Узрите истину. Когда вы расстёгнуты, вы свободны! Есть лишь одна пуговица!

Как бы в подтверждение своих слов, он ударил посохом о землю, отчего бубен на его вершине громко зазвенел. Процессия дружно подхватила: «Одна пуговица! Лишь одна пуговица! Славься, Бурда!», с удвоенной силой затрещала трещотками и вновь принялась танцевать и подпрыгивать, расходясь в стороны и вновь сходясь, образуя на улице симметричные узоры и вовлекая окружающих в этот странный общий танец.

Данила сам не заметил, как оказался в середине этой оранжевой стрекочущей карусели. Она заскакала, зашумела, понеслась, увлекла его куда-то вперёд. А Тик и Виссон растворились где-то позади, слева, справа, неизвестно где... Вспомнив об их предупреждении, мальчик постарался освободиться из пляшущего окружения, но смог это сделать только через пару кварталов.

Яркая толпа осталась за его спиной, а сам Данила оказался перед какой-то тёмной подворотней между двумя высокими домами. Сюда не доходил свет вывесок, витрин и цветных фонариков. Глухие отвесные стены, образовывали нечто вроде мрачного колодца, освещаемого единственным желтоватым фонарём. А по неосвещённым углам притаилась та самая тревожная темнота, из которой в любой момент может неожиданно выскочить нечто совсем страшное. Но испугало мальчика совсем не это, а нечто такое, что в тусклом свете фонаря он увидел как раз таки очень ясно и чётко.

На небольшом прямоугольном возвышении вроде помоста, а вернее сказать – эшафота, была вертикально установлена круглая, изящно оформленная металлической оправкой и белым кружевом мягкая подушечка. Нечто вроде гигантской игольницы. Вот только к её середине длинными блестящими булавами была пришпилена самая настоящая пуговичная девочка. Точно такая же, каких Данила видел весело прогуливающимися по улице некоторое время назад. Разве что эта была несколько потрёпанной, грязной и, кажется, мёртвой... По крайней мере мальчик сначала так решил, потому что булавы протыкали насквозь буквально всё её тряпичное тельце. И вдруг девочка чуть пошевелилась, слегка повернула голову, блеснув парой чёрных глазок, словно захотела что-то ему сказать, но сразу же замерла. За спиной Данилы раздался голос Виссона:

– Я же предупреждал! Нельзя оставаться одному! Иначе окажешься в таких местах, где маленькому мальчику лучше не оказываться...

Подошедший вместе с ним Тик только молча нахмурился. Решительно взяв мальчика под руки, оба пуговичника вывели его на улицу и повели в сторону площади – прочь и от танцующей процессии, и от пугающей подворотни.

– Кто это был?... – испуганным шёпотом начал вопрос Данила, но Виссон не дал ему договорить.

– Приверженцы культа единственной пуговицы. Убеждённые, скажем так, в странных вещах...

– Бурдославы! – презрительно бросил Тик. – Хорошо, что ты ещё быстро от них отделался.

– Нет... Там... В темноте.

– Ах, эта... Понятия не имею! Какая-то преступница. Очевидно, сделала что-то плохое, – поспешно, но не очень уверенно ответил Виссон, поэтому и Данила ему не очень поверил. – А вообще забудь! Тебе не стоит задумываться о таких вещах, слишком много глазеть по сторонам и шариться по закоулкам...

– Да! Лучше задумайся, что скоро начнётся выступление губернатора Габардина. И вот там-то надо будет смотреть в оба! И главное – под ноги. Нам не помешает лишняя пара глаз! – пробасил Тик и впервые улыбнулся.

(Продолжение следует)

ПЛЕНЭР В ЗВЁЗДНОМ ГОРОДКЕ

В Звёздном городке состоялось совместное творческое мероприятие, объединившее художников и писателей. Пленэр был организован инициативной группой художников Art View под руководством Людмилы Васильевой и писателями во главе с общественным и научным деятелем, главным редактором журнала «Александръ» Анатолием Трубой.

На закрытии пленэра присутствовали глава Звёздного городка Артём Вольчак, директор Дома космонавтов Андрей Кривоносов, космонавты Олег Артемьев и Валерий Корзун. Специальным гостем мероприятия стал известный художник Никас Сафронов.

Встреча показала, что Звёздный городок остаётся не только символом отечественной космонавтики, но и пространством живого творческого общения, где слиты воедино искусство, литература и история страны.

Татяна Таланова. Храм Преображения Господня в Звёздном городке

«АЛЕКСАНДРЪ»

alexlib.ru